

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

*Евразийство: история, теория,
политика*

Eurasianism: history, theory, policy

Сачко Г.

Управление поликультурным
обществом: выбор модели и
евразийский подход

13 Sachko G.

Politically cultural society
management: choice of model and
Eurasian approach.

Селиверстов С.

«Евразийская тема» в раннем
творчестве К. Н. Леонтьева

19 Seliverstov S.

“Eurasian theme” in the early oeuvre
of K. Leontyev.

Пастухов А.

К вопросу о социокультурных
ресурсах евразийского развития

33 Pastukhov A.

To the question of social cultural
resources of Eurasian development

Геополитический дискурс

Geopolitical view

Пазий Д.

О блоке понятий теории
международья

36 Pazy D.

To the block of notions of the theory
of “mejdunorodya”

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Ю. Шатин – главный редактор
А. В. Мельников – зам. главного редактора
Г. В. Сачко – главный редактор научного
направления
М. Г. Смирнов – ответственный секретарь

*Д. Г. Пазий, Г. Б. Зданович, К. Н. Суханов, Б. Г. Фаткуллин,
А. И. Сатцев, А. Г. Шайхулов.*

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения
авторов публикаций. Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций несут авторы
публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознако-
миться на сайте ЧелГУ www.csu.ru.

Адрес редакционной коллегии:
454021 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
Тел.: (351) 799-71-34

Журнал зарегистрирован в Упринформпечати
Администрации Челябинской области. Рег. № 87

Индекс 73855 в каталоге российской прессы
«Почта России»

Редактор *М. В. Загидуллина*
Компьютерная верстка *А. А. Селютина*

Подписано в печать 19. 05. 08.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 15,7.
Тираж 1000 экз. Заказ 426.

Цена договорная

ГОУ ВПО «Челябинский государственный
университет»
454021 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Типография «Два комсомольца»
454084 Челябинск, Комсомольский пр., 2

- Волынчук А., Шведов В.**
Опыт предварительного определения состава геополитического потенциала
- Баликоев А.**
Некоторые принципы построения системных моделей вооруженных конфликтов
- Шрейбер В.**
На распутье
- Многоликая история Евразии*
- Филатова И.**
Глиняные сосуды с окрашенной поверхностью в гончарной традиции неолита нижнего Приамурья
- Котляр Н.**
Пограничная линия «Восточного фронта»
- Философия и религии Востока*
- Тендит К.**
Культовые практики Дальнего Востока в свете классической, неклассической и постнеклассической научной рациональности
- Лазарева И.**
Древневосточный коан в новом формате обучения мышлению
- Идеология и политика стран Востока*
- Смирнов М.**
Проблема «четвертого пути» развития: индийский вариант
- Ким В., Иванченко Е.**
Некоторые особенности дипломатии Китая в период средневековья
- Ким В.**
Политические аспекты возможных путей урегулирования проблемы Корейского полуострова
- 42 Volynchuk A., Shvedov V.**
Experience of geopolitical potential preliminary test
- 51 Balikoev A.**
Some principles of construction of system models of military conflicts
- 60 Shreyber V.**
At the crossroads
- Eurasia's Miscellaneous History*
- 75 Filatova E.**
Stained surface figulines in the potter's tradition of The Late Stone Age in the lower Amur region
- 81 Kotlyar N.**
Border line of "Eastern frontiers"
- Eastern philosophy and religions*
- 89 Tendit K.**
Cult practice of the Far East in the light of classical, neoclassical and postneoclassical scientific rationality
- 103 Lazareva I.**
The Far East koan in the new format of teaching thinking
- Ideology and politics of the East*
- 112 Smirnov M.**
The problem of "the forth way" of development: Indian variant
- 116 Kim V., Ivanchenko E.**
Some aspects of Chinese diplomacy of the Middle Ages
- 120 Kim V.**
Problem of Korean peninsula regulation: political aspects of possible solutions.

- Ковтун Е.**
Проблемы высшего образования КНР
в свете реформ конца XX – начала
XXI века
- Пространство восточной культуры*
- Маннонов А.**
Рукописные творения мыслителей
- Белолипецкая Н.**
Египет и египтяне в представлении
английского общества последней
четверти XIX – первой четверти
XX века
- Семенов А.**
Россия и россияне в национально-
культурной и политической картине
мира китайцев
- Колитенко Е.**
«Сон в красном тереме» в освещении
современных китайских исследователей
- Корнеева И.**
Идеи семейного воспитания в
литературе Кореи периода Чосон
- Пронина С.**
Социокультурные особенности
функционирования современных
корейских диалектов
- Москаленко Ю.**
Корейская поэзия в период японского
правления
- Санина К.**
Пути развития неоромантизма в
современной японской литературе
- Латина С.**
Магия японской бумаги
- Сулейменова А.**
Образ женщины: российский и
японский взгляд
- 124 Kovtun E.**
Problems of Korean higher education
in the light of reforms of the late 20th–
early 21st century
- The space of the eastern culture*
- 133 Mannonov A.**
Hand-written works of thinkers
- 137 Belolipetskaya N.**
Egypt and the Egyptians from the point
of view of English society of the last
quarter of 19th – first quarter of 20th cen-
tury
- 144 Semenov A.**
Russia and the Russians in national,
cultural and political world view of
the Chinese
- 149 Kolitenko E.**
“Dream of the Red Chamber” in the
interpretation of modern Chinese
researchers
- 155 Korneeva I.**
Ideas of family upbringing in Choson
period of Korean literature
- 159 Pronina S.**
Social and cultural peculiarities in the
functioning of modern Korean
dialects
- 162 Moskalenko Y.**
Korean poetry in the period of
Japanese reign
- 169 Sanina K.**
Ways of neoromanticism
development in modern Japanese
literature
- 182 Latina S.**
Magic of Japanese paper
- 185 Suleymenova A.**
Image of woman: Russian and
Japanese views

Зарипова А. Реализация редупликации на фонетическом уровне в традицион- ных детских стихах	195	Zaripova A. Use of reduplication on the phonetic level in traditional nursery poems
<i>Сведения об авторах</i>	200	<i>Index</i>

К 10-летию факультета Евразии и Востока

2008 – год 10-летнего юбилея факультета.

Открытие факультета было вызвано необходимостью подготовки кадров для внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности региона в новых геополитических реалиях. Объясняется это тем, что после распада СССР Челябинская область превратилась в пограничную область, имеющую протяженную границу Российской Федерации – своеобразные ворота для всех стран Центрально-Азиатского региона.

Выбор специальности «Регионоведение» для этого факультета был обусловлен тем, что она позволяет сочетать подготовку как специалиста-международника, так и страноведа. Конкретные страны для специализации определены согласно реально формирующимся приоритетам внешних отношений региона и политолого-экономическому прогнозу на XXI в. В качестве таких стран изучения выступают Китай, Япония, Арабский регион, Турция, Казахстан.

Специальность «Регионоведение» имеют десятки вузов как за рубежом, так и в России. И все же мы можем говорить о нашей уникальности. Все дело в теоретических основах, на базе которых ведется обучение. Так, например, за рубежом, да и в большинстве наших вузов, «музыку» заказывают США. Достаточно сказать, что в Америке более 20 учебно-научных центров, где готовят регионоведов. В основе их подготовки – изучение современного мира, который оценивается как единый, однополюсный, глобальный, с общим мировым рынком, общепринятым международным правом. Цель обучения – подготовить специалистов, которые, работая в конкретных регионах, будут обеспечивать «включение» последних в глобализованный мир. Как показали события мировой политики начала XXI в., подобное представление о развитии мира, мягко говоря, неадекватно.

На факультете Евразии и Востока иной подход: утверждается многополюсность мира: сосуществование разных, но равноправных уникальных цивилизаций, прежде всего западной и восточной, а также нашей – евразийско-русской. Суть последней в том, что она на всем протяжении своего существования, вбирая в себя европейскую и азиатскую культуры, с одной стороны, синтезирует их, а с другой стороны, выполняет роль «моста», посредника между Западом и Востоком. Сделав ставку на концепцию евразийства, мы готовим специалистов для развития отношений прежде всего с Азиатским регионом.

Устанавливая диалог между Россией и Азией, нужно проникнуться духом восточной цивилизации (западный в нас внедряется с петровских реформ). Познавание незападных (восточных) религий, учений, ментальности и обычаев – это необходимый фактор урегулирования этнических и религиозных конфликтов, которыми будет характеризоваться и уже ознаменовалось вступление в новый век.

Исходя из этого одна треть учебного процесса отводится международному циклу: мировая экономика, теория и история международных отношений, международное право и т. д., а две трети – изучению «тонкостей» Востока: языку, рели-

гии, культуре, этнологии, истории, экономической и политической системе страны специализации.

При этом подчеркнем, что сильная востоковедческая научно-образовательная система, которой гордился Советский Союз, сейчас практически разрушена, и в этом плане наш факультет в ряду немногих пионеров возрождения.

Восточные языки преподаются как российскими специалистами, имеющими соответствующее образование, так и носителями языка. Среди последних граждане Китая, Турции, Японии, Йемена и др.

«Погружение» студентов в восточный менталитет осуществляется не только в процессе обучения, но и через систему организационно-воспитательной работы: проведение ежегодных традиционных праздников восточной культуры с приглашением ее этнических представителей; деятельность культурно-информационных обществ дружбы с восточными странами; стажировку и практику студентов за рубежом.

Факультет характеризуется обширной структурой установленных международных контактов и связей: с Шеньянским Университетом (Китай), Стамбульским Университетом «Фатих» (Турция), Ляоченским Университетом (Китай), Хенаньским Университетом (Китай), Дамасским Университетом (Сирия), Центром арабского языка «Фаджр» (Египет), Национальным образовательным центром «Azize» (Турция), Институтом востоковедения (Узбекистан), Центром «Нихон рюгаку» (Япония, Токио) и др.

Так, например, разновекторное сотрудничество факультета с китайскими университетами позволило в 2006 г. издать совместный трехязычный российско-китайский Альманах, посвященный 55-летию российско-китайских отношений и году Китая в России.

Для выпускников характерна широкая география трудоустройства: Россия, СНГ, Дальнее Зарубежье. Несмотря на молодость некоторые из выпускников получают престижную работу сразу после окончания университета.

Среди них – работник диппредставительства (Оман), редактор программы ТВ канала «Россия сегодня» для арабского региона (г. Москва), исполнительный директор Центра международной торговли (г. Челябинск), главный специалист правительства Челябинской области, руководители и менеджеры фирм и предприятий, имеющих внешнеэкономические связи, и т. д.

С 2002 г. на базе факультета начал издаваться научный журнал серии «Востоковедение. Евразийство. Геополитика».

Замысел журнала определялся спецификой факультета, осуществляющего подготовку международников-востоковедов, что требовало и соответствующего научного сопровождения учебного процесса. Так появились постоянные разделы «Востоковедение» и «Геополитика».

Евразийская составляющая как журнала, так и факультета выполняет роль «несущей» и «скрепляющей» идейной конструкции. Ведь именно в концепции евразийцев (российских эмигрантов начала XX в.) впервые полно и аргументированно была обоснована «азиатская» (восточная) компонента нашей российской цивилизации: ее истории, культуры, религии, геополитики, быта. А это с неизбежностью предопределяло и дальнейшую судьбу России-Евразии через тесное взаимодействие и «симфоническое» единство как с «внутренним», так и «внешним» Востоком.

Внимание к «внутреннему» Востоку реализуется через такую постоянную рубрику журнала, как «Многоликая история Евразии». Здесь можно найти обра-

щение к глубокой истории, как, например, в публикации «Тюрко-монгольские культы поклонения степным духам на территории Южного Зауралья» и обращение к современным проблемам «Русскоязычное население в национальной политике Казахстана» (2002, № 1).

Исследования и интерес к «внешнему» Востоку находят отражение в рубриках «Страны и регионы Востока», «Идеология и политика стран Востока», «Философия и религия Востока», «Пространство Восточной культуры». Эти меняющиеся из номера в номер рубрики позволяют уделять более пристальное внимание то политике и идеологии, например: «Фашистские корни индусского дхармического национализма. Военный Индуизм» (2007, № 7), то литературе и языку («Абдул Кахир ал-Джурджани и его способ изложения грамматики арабского языка», 2006, № 3), а иногда и выдающимся деятелям Востока: «Шри Шанкарачья. Жизнь и учение» (2003, № 1).

На наш взгляд неслучайно, что первым русским геополитиком был именно евразиец – Петр Николаевич Савицкий. Он охарактеризовал специфику положения России-Евразии как «континента-океана», выполняющего роль не только транзитного коридора (сухопутного, воздушного) между Европой и Азией, но и роль «срединного мира», связывающего, а главное, объединяющего разные культуры и народы.

Продолжением, критическим осмыслением и развитием этих идей, являются рубрики журнала «Геополитический дискурс», «Восток и запад: цивилизационное измерение». Предмет исследования в них – история и теория геополитики: «Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев как предтечи геополитики» (2003, № 2), «Геополитические идеи постсоветской России» (2002, № 1), «Восточный вектор геополитики Екатерины II» (2003, № 1), а также современные реалии и прогнозы: «Проблемы межкультурного «пограничья» в российско-иранских отношениях (2004, № 1) и «Быть ли четвертому Риму?» (2004, № 1; 2005, № 1).

И конечно, нельзя обойти вниманием и сам раздел «Евразийство: история, теория и политика». Это и обращение к классикам евразийства, причем порой в самой неожиданной форме: «Совещаясь с евразийцами. Опыт заочного круглого стола» (2002, № 1), и предоставление трибуны нынешним евразийцам: А. Г. Дугин, «Основные принципы евразийской политики» (2002, № 1), и аналитика места и роли неоевразийства во внутренней политической жизни России и на мировой арене: «Евразийство и современные партии России» (2003, № 2), «Евразия в мировой политике: ретроспективный и перспективный дискурс» (2005, № 1).

И, наконец, краткий обзор журнала будет крайне неполным, если не отметить наличие рубрики «Гипотезы. Версии. Открытия», представляющей трибуну самым неожиданным по своим подходам и тематике публикациям, а также рубрики «Проба пера», дающей возможность сказать свое первое слово в науке нашим студентам.

Подводя первые итоги деятельности нашего журнала, нужно не просто констатировать явное расширение географии его участников от Челябинской области до границ СНГ, но и высказать большую благодарность нашим авторам за сотрудничество, а нашим читателям за внимание и интерес.

С пожеланиями добра и успехов,
Галина Сачко

Факультет Евразии и Востока
Челябинского государственного университета
Декану Г. В. САЧКО

Дорогая Галина Владимировна,

С чувством радости хочу поздравить Ваш факультет с 10-летним юбилеем: десять лет в наше турбулентное время – это срок становления и взросления; Вы и Ваши коллеги выстояли и в следующее десятилетие входите с новыми силами и новыми надеждами.

Соединяя востоковедение, евразийство и геополитику, Ваши ученые выходят на решение важнейших проблем современности, тех проблем, которые, несомненно, определяют течение XXI века.

Директор Института востоковедения РАН
Р. Б. Рыбаков

Ректору Челябинского
государственного университета
А. Ю. Шатину

Уважаемый Андрей Юрьевич!

Разрешите сердечно поздравить Вас, а также руководство, профессорско-преподавательский состав и студентов факультета Евразии и Востока ЧелГУ с десятилетием его открытия. Десять лет для истории небольшой срок, однако принципиально важным является то, что в течение именно этого времени закладываются фундаментальные основы подготовки профессиональных кадров.

Мы в Ташкентском государственном институте востоковедения так же, как и Вы, ценим наше взаимное сотрудничество, основа которого заложена Соглашением о сотрудничестве между Челябинским государственным университетом и Ташкентским государственным институтом востоковедения, подписанным 14 июня 2005 года.

Хорошей иллюстрацией практической реализации этого Соглашения можно с уверенностью считать прохождение языковых стажировок на протяжении последних трёх лет студентами факультета Евразии и Востока в нашем институте.

Примите, уважаемый Андрей Юрьевич, пожелания успехов в учебно-педагогической и научной деятельности Челябинского университета и факультета Евразии и Востока.

С уважением,

Ректор

А. Маннонов

ЧелГУ
Факультет Евразии и Востока
Декану Г. В. Сачко

Уважаемая Галина Владимировна!

Поздравляю Вас и весь профессорский, преподавательский и студенческий состав факультета со знаменательным событием – 10-летием со дня открытия факультета в составе ЧелГУ.

Факультет Евразии и Востока занимает достойное место в деле подготовки высококвалифицированных регионоведов-востоковедов, Ваши выпускники успешно работают во многих регионах России, в странах Европы и Азии.

Желаю Вам дальнейших успехов в этом нелегком и благодарном деле обучения и воспитания молодежи.

С наилучшими пожеланиями

Ваш Делюсин Л. П.

Доктор исторических наук, профессор.

15 апреля 2008 г.

Управление поликультурным обществом: выбор модели и евразийский подход

Западный опыт управления многоэтническим, поликонфессиональным обществом обозначается термином «мультикультурализм». Этот термин впервые появился в научной литературе Америки и Австралии в конце 70-х гг. XX в. Его появление было вызвано изменениями, происходящими в этих государствах, а именно внедрением в национальную культуру страны культур-эмигрантов, которые создавали свои этноконфессиональные общины, связанные языком, религией, укладом жизни и не стремящиеся ассимилироваться в культуру страны проживания. В 90-х гг. доля иностранцев в населении Великобритании достигла 3,3 %, Франции – 6,4 %, Германии – 8,2 %, Бельгии – 9,1 %, в США – 25 %.

Однако первой страной мира, где официально была провозглашена в 1971 г. политика мультикультурализма, стала Канада, ибо именно она стояла перед угрозой политического распада, связанной с проблемой Квебека и сепаратистскими настроениями франкофонных канадцев. Данная политика предусматривала программы и службы, направленные на поддержку этнокультурных ассоциаций и помощь меньшинствам. В 1982 г. мультикультурализм стал конституционной нормой благодаря принятию «Канадской хартии прав и свобод» и вслед за ней специальных законов, призванных способствовать признанию и взаимному уважению различных культур, существующих в стране, а также поощрять их выражения и открытое появление в обществе¹.

В 1989 г. Австралийское государство официально провозгласило себя мультикультурным и признало за всеми этническими группами право на сохранение их уникальной культуры с обязательством со своей стороны предоставлять помощь для реализации этой цели.

Швеция официально перешла к политике мультикультурализма в 1975 г., основанной на трех базовых принципах – одинаковом уровне жизни для групп меньшинств и остального населения страны, свободном выборе между этнической идентичностью и шведской культурной идентичностью, а также принципе партнерства в профессиональной сфере.

Как свидетельствует опыт развития стран СНГ, особенно тех из них, кто ориентировался на западные образцы, термин «мультикультурализм» оказался задействованным.

Так, например, координатор культурных программ Фонда «Сорос – Кыргызстан» А. Найзабекова отмечает, что формирование культурной политики Кыргызстана как современной демократической страны опирается «на ценности мультикультурализма, уважения прав и свобод личности, свободы предпринимательства, международной интеграции»².

В качестве разъяснения специфики такой культурной политики отмечается использование позитивного опыта Нидерландов, где имеют место постоянные попытки консультирования в различных формах с общественным мнением по вопросам культуры.

Конечно, обращение стран СНГ к политике мультикультурализма, рекомендованной ООН в Докладе «О развитии человека – 2004» гораздо лучше, чем те крайности, которые еще так недавно существовали и до сих пор имеют место в этих странах, включая Россию.

Одна из них – это некритическое заимствование, или стихийное проникновение, или даже целенаправленное внедрение так называемой общечеловеческой (либеральной) культуры, что привело к появлению нового молодого поколения, ориентированного на мегакультуру и не знающего своей родной культуры. Другая крайность – установление этнократического режима («суверенной этнократии»), при котором культура титульного этноса, его язык приобретают статус – государственных доминирующих и вытесняющих все другие.

Однако политика мультикультурализма при всех своих положительных результатах в западных обществах, на наш взгляд, не может стать полноценной панацеей от всех проблем, а главное, реализовать культурный потенциал стран СНГ, имеющих другую, отличную от Запада, цивилизационную парадигму развития.

Мультикультурализм – реакция, ответ единого государства-нации со сложившейся культурой на внедрение в него этнокультурных групп, это стремление демократического решения возникших проблем через установление и законодательное закрепление равноправных и толерантных отношений между большинством и меньшинствами. Недаром данная политика названа ООН «мультикультурной концепцией демократии».

Отличие стран СНГ, составляющих Евразийскую цивилизацию, в том, что они изначально складывались как полиэтнические, поликонфессиональные, поликультурные образования. И в силу этого политика управления такими сообществами должна строиться с учетом их исторического развития и опыта.

А именно, ведя речь о культурной политике по отношению к такому сообществу, нужно осознавать, что эта общенациональная культура есть результат постоянного «симфонического взаимодействия» (термин евразийства) всех культур-участниц. Именно классики евразийства попытались впервые обосновать и выработать в начале XX в принципиально новую культурную политику для таких поликультурных сообществ.

Еще в одном из своих первых коллективных трудов 1927 г. основоположники евразийства декларировали свою необычную по тем временам политическую позицию по данной проблеме: «...Евразийцы считают необходимым обеспечить <...> народам свободу духовного самоопределения также на религиозной и лично хозяйственной основе [выделено мной. – Г. С.]. В частности, евразийцы, считают необходимым распространить права автономии на народы и своеобразные и в бытовом и историческом отношении группы, до сих пор не получившие таких прав. При этом должны быть охранены права национальных и бытовых меньшинств»³. Они считали также необходимым преобразовать существовавший в то время в СССР строй, проникнутый началами интернационализма и коммунизма, в наднациональный строй на общенациональной основе⁴. Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской Империей, а теперь называлось СССР, по их мнению, могла быть только вся совокупность народов, населяющая это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию они называли евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством.

В итоге национализм каждого отдельного народа Евразии должен был комбинироваться с национализмом общеевразийским, т. е. с евразийством. Каждый

гражданин евразийского государства мог осознавать не только то, что он принадлежит к конкретному народу, но и то, что этот народ принадлежит к Евразийской нации. И национальная гордость этого гражданина могла находить удовлетворение как в том, так и в другом осознании. Исходя из этого и патриотическое восприятие каждого из этих народов должно было стать как бы расширением своего национализма до общеевразийского национализма⁵.

Обосновывается это тем, что отдельный народ Евразии может входить и в какую-нибудь другую не чисто евразийскую группу народов: русские – в славянскую группу, татары в группу т. н. «туранских» народов, а по религиозному признаку в группу мусульманских народов. Но ни панславизм для русских, ни пантуранизм для евразийских туранцев, ни панисламизм для евразийских мусульман не могут быть на первом плане, ибо в евразийском братстве – народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. Судьбы евразийских народов за тысячелетнюю историю переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутать, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям от разрыва связей, ведь сама Евразия есть историческое, географическое, политическое, культурное, экономическое целое!

Конечно, для того, чтобы общеевразийский национализм мог успешно выполнять роль общей идеологии, объединяющей евразийское сообщество, необходимо способствовать самосознанию единства народов Евразии. Н. Трубецкой в период после Октябрьской революции подчеркивал, что уже сама жизнь (разрыв прежних связей) заставляет народы Евразии ясно и реально ощущать общность их исторических судеб. Но этого, конечно, мало и здесь – непочатый край работы для философов, публицистов, поэтов, учителей, писателей и политиков. С позиции единства многонародной евразийской нации надо пересмотреть всю систему общественного сознания и образования. В частности, с этой точки зрения совершенно по новому приходится осмысливать историю народов Евразии, в том числе и русского народа⁵. Насколько актуально звучат эти выводы, сделанные в начале XX в., сейчас – в начале нового XXI в.!

Во всей этой деятельности по переосмыслению единства многонародной евразийской нации русскому народу, придется, как считали классики, напрягать свои силы более чем какому бы то ни было другому народу Евразии.

Объясняется это тем, что если появляется русский национализм, то в условиях Евразии он с неизбежностью превращается в великорусский сепаратизм, ибо «чисто русская Россия», которую захотелось бы кому-нибудь раньше и теперь «возродить», реально возможна только при отделении всех «окраин», т. е. она будет существовать в границах этнографической Великороссии.

Вот почему классические евразийцы большое внимание уделили такой странице нашей Евразийской истории, как монгольский период, после которого небольшое славянское европейское государство под названием Киевская Русь превратилось в Московское царство, объединившее значительные пространства Евразии и её многочисленные народы, как славянские, так и туранские. Да и сами русские, как подчеркивали евразийцы, есть «славяно-туранцы».

Евразийцы стремились «уничтожить то совершенно неправильное представление о Чингисхане как о простом порабителе, завоевателе и разрушителе, которое создано в исторических учебниках и руководствах, главным образом, под влиянием одностороннего и тенденциозного отношения к нему современных ему

летописцев, представителей разных завоеванных им оседлых государств»⁶. Этот сложившийся стереотип трактовки личности Чингисхана и роли монголов сохраняется долгие столетия, несмотря на то, что никак не позволяет понять: почему после двухсотлетнего «ига», порабощения и угнетения со стороны огромной Монгольской империи по отношению к раздробленной маленькой Киевской Руси, последняя, в конечном итоге, превратилась в единое сильное Московское царство, территория которого в двадцать раз большая, чем прежняя?!

Найти объяснения этому историческому казусу смогли только евразийцы.

В частности, они отмечали, что в деятельности Чингисхана «стремление к созиданию и организации преобладало над стремлением к разрушению», а главным условием, обеспечивающим это созидание Великой империи была «большая и положительная идея Чингисхана», его государственная идеология, согласно которой «всем религиям оказывалась поддержка», а правящий слой формировался из представителей как разных этносов, племен так и религий⁶.

Именно эта «государственная идея», а не только геополитическое пространство было унаследовано Московской Русью от Монгольской Империи. Евразийцы полагают, что и в последствии Россия только тогда успешно развивалась, когда управлялась и устраивалась как политическое объединение «собора народов», а не только русского народа.

И в будущем в пределах общеевразийского политического единства каждому народу Евразии должна быть обеспечена область самостоятельной государственной жизни, гарантирующей возможность развития его неповторимых национальных особенностей⁷.

Своеобразие же народа, согласно классическому евразийству, реализуется во всех проявлениях его жизни: и в экономике, и в политике, и в социальной сфере, но наиболее ярко представлено в культуре. Культура – это самопознание и самореализация народа, это сама его жизнь.

Неоевразийство (современное евразийство), продолжившее традиции классического евразийства в новых исторических реалиях, вышло на политическую арену в 90-е гг. прошлого века. На Учредительном съезде партии «Евразия» 30 мая в 2002 г. ее лидер А. Г. Дугин сразу же указал на преемственность позиции по вопросу этнической и культурной политики: «Мы – сторонники евразийского этнизма, т. е. предоставления этносам политического статуса и политического пространства на более достойной основе»⁸.

Неоевразийцы считают высшей категорией истории, высшей ценностью – народ. Человек есть часть народа, он целиком и полностью им создан, воспитан, организован. Язык, культура, образ жизни, обычаи, верования, внешний вид человека – все это производная от его этнической принадлежности.

Современное евразийство предупреждает о том, что сегодня народы находятся под угрозой, ибо их сталкивают друг с другом, рассеивают, отрывают от корней. Они переплавляются в космополитическом котле. Но смысл существования и развития человечества в том, что все народы различны и не похожи друг на друга в своей жизнедеятельности. В этом их богатство и богатство всего мирового сообщества, вот почему народы должны сохраняться и свободно развиваться по образу «цветущей сложности».

Политическое евразийство предлагает народам путь совместного спасения. Этническая программа неоевразийства – третий путь между национализмом и космополитизмом.

Программа политической партии «Евразия» содержит (как и полагается политической партии) конкретную модель государственно-правового управления полиэтничным сообществом и культурной политики⁹.

Этнос как целое, по взглядам евразийцев, выше, чем индивидуум как часть. Последний может стать индивидуальной личностью только наследуя то, что он получает от своего народа: язык, обычаи, генетический код, бытовые привычки, поведенческие установки, песни, юмор, мифологические системы, особенности национального темперамента или фенотипа и т. д.

Согласно евразийской модели этнос (народ) должен быть признан главным политическим субъектом на втором уровне, т. е. иметь право решать все вопросы, не затрагивающие первый уровень, к которому относятся стратегическое геополитическое управление, обеспечивающее безопасность и территориальную целостность государства. Таким образом, этносам (народам) должна быть представлена максимальная степень свободы в самореализации и в самоуправлении, в политике, экономике, социальной сфере, культуре, образовании и т. д.

Так, например, этносы организуют систему самоуправления и правовые нормы в соответствии со своими историческими и культурными традициями: как выборно-демократические, так и династически авторитарные или религиозно-харизматические.

Этносы имеют право проживать компактно или в рассеянии на всей территории своего государства.

Каждый народ должен получить возможность развиваться с присущим только ему ритмом и в избранном только им направлении. Этническая история не терпит насилия, ибо каждый этнос пребывает в присущей только ему фазе этногенеза (теория Л. Н. Гумилева). Здесь нет и не может быть никаких норм и шаблонов. Более того, у этнического развития нет какой-то единообразной цели: как и всякое живое существо этнос наделен внутренней свободой, ибо нации, по словам Гердера, это «мысли бога».

И ни один народ не имеет права навязывать другому народу свои этнические, культурные, правовые, нравственные установки.

Вместе с тем, этносы не имеют права отчуждать территории (даже в областях компактного проживания) от общего пространства Государства или совершать какие то другие акты, могущие повести к разрыву общей безопасности и целостности. Последнее, как отмечалось выше, является прерогативой управления первого уровня (надэтнического).

Таким образом, по утверждению неоевразийства, существующие современные Государства – Нации, растворяющие этносы в безликих гражданских обществах, преобразуются в Государства – Наций (Народов), гарантирующих права последних на самоопределение.

Государство – Народов на первом уровне может представлять собой геополитическую конструкцию с единой системой экономики, транспортных артерий, таможенным союзом, общей валютой, с единым стратегическим командованием, с общей системой коллективной безопасности, общей системой представительных органов¹⁰.

Этносы как политические субъекты делегируют своих представителей в Органы управления первого уровня, которые не только обеспечивают территориальную общую государственную безопасность, но и в случае возникновения межэтнических коллизий выступают в роли референтной инстанции.

Права народа подразумевают самое главное, что народ имеет право сохранять свою идентичность, оставаться уникальным и самобытным, развиваться сво-

им собственным путем, что он должен быть защищен от размывания в агрессивной глобалистской эрзац-культуре, что он должен любой ценой сохраниться в истории. Все это не означает, однако «сегрегацию» и «миксофобию» – народы подчас смешиваются, участвуя в этногенезе, чтобы сформировать иные народы. Органическое смешение с другим народом – тот же элемент прав народа. Но никто не имеет права никого принуждать к этому искусственно¹¹.

«Смысл политики евразийства в том, чтобы юридически отделить этнос от конкретной территории. Этнос может пребывать и распространяться так, как это естественным образом складывается. Но он подлежит юрисдикции как политический субъект независимо от того, на какой территории он находится – в местах компактного исторического проживания или вдали от них...»¹²

Например, киргизы проживающие в Москве или Астане, должны иметь такую же возможность обучать своих детей родной речи, культурным обычаям, вере отцов, как и те, кто живет в Кыргызстане! И гарантировать это должна политическая власть, осуществляемая на общеевразийском первом уровне.

Значительная роль в культурной политике неоевразийцами отводится религии. Согласно их партийной программе «религия – это не дань прошлому, а непреходящий источник истины и добра». И хотя церковь отделена от государства, никто не может отделить ее от общества, от народа, от духовного бытия. Система ценностей религии это конкретная основа возрождения национальной (этнической) культуры в условиях агрессивной постмодернистской псевдокультуры глобализма и секуляризации.

Именно различие между народами и их религиями, самобытность нравов и языков воплощает в себе многообразие истины и духа, составляет богатство, а не предлагаемое сейчас единообразие и однообразие мира.

Цель политики государства, которая есть по сути своей «культурно-государственная идеология» (термин классиков евразийства) – это распространение духовно-нравственных принципов и критериев не только на сферу культуры, воспитания, образования, но и на политику, экономику, науку.

В сфере экономики это гарантия права народов на хозяйственную модель, соответствующую его историческим традициям и самобытности, а также ориентация экономического развитого на нормы общественного блага. И в этом же плане, например, мусульманская экономика имеет право на такое же существование, как и «неолиберальная». В науке же необходима соотносимость результатов ее исследований с духовными и нравственными принципами, что позволит избежать катастрофического развития современных технологий, подошедших к зловещей черте – порождению генетических монстров, созданию «мыслящих» машин, технической манипуляции человеческой психикой, сознанием и волей.

Значительную роль сейчас начинают играть СМИ, что вызвало необходимость в специальном разделе программы партии: «Евразийские реформы СМИ». Суть предлагаемых реформ все в том же сопряжении деятельности СМИ с общественными нормативами, принципами и традициями культуры.

Партия «Евразия», основываясь на традиционалистском мировоззрении, вместе с тем ориентирована, прежде всего, на молодежь: ей придется «восстановить оборванную связь времен и эпох, над разрывом которой, к несчастью, немало потрудились отцы и деды»¹³. Именно на юношество возложена историческая задача – переложить на современный язык традиционную культуру своего этноса и народа.

Примечания

- ¹ См.: Абрамова, М. Н. Мультикультурность как основа формирования мировоззрения личности в XXI веке / М. Н. Абрамова // Центр. Азия и к-ра мира : междунар. науч.-образов. журн. : спец. вып. 1–2 (21–22). – Бишкек, 2007. – С. 178.
- ² Найзабекова, А. О культурной политике в Кыргызстане / А. Найзабекова // Идентичность и диалог культур в эпоху глобализации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Бишкек, 2007. – С. 200.
- ³ Евразийство. Формулировка 1927 г. // Основы евразийства. – М. : Арктогея-центр, 2002. – С. 173.
- ⁴ Там же. – С. 174.
- ⁵ См.: Трубецкой, Н. С. Общевразийский национализм / Н. С. Трубецкой // Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 493–505.
- ⁶ Трубецкой, Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. Трубецкой // Наследие Чингисхана. – С. 237.
- ⁷ См.: Савицкий, П. Евразийство как исторический замысел / П. Савицкий // Континент Евразия. – М., 1997. – С. 98–110.
- ⁸ Дугин, А. Г. Партия «Евразия» сегодня затребована самой жизнью : выступления на I Учредительном Съезде политической партии «Евразия» 30 мая 2002 г., Москва / А. Г. Дугин // Основы евразийства. – М., 2002. – С. 61.
- ⁹ См.: Программа и Устав политической партии «Евразия». – М., 2002.
- ¹⁰ См.: Программа и Устав... – С. 49.
- ¹¹ См.: Дугин, А. Г. Права народов и права человека / А. Г. Дугин // Основы евразийства. – М., 2002. – С. 598.
- ¹² Там же. – С. 601.
- ¹³ Программа и Устав... – С. 83.

Сергей Селиверстов

«Евразийская тема» в раннем творчестве К. Н. Леонтьева

Среди тех русских интеллектуалов, кто привлекает внимание как возможный предшественник евразийства, в первом ряду находится личность Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891), мыслителя, невниманию к которому и в XIX, и XX в., по словам Л. Зандера, можно объяснить «только умышленным замалчиванием»¹.

Еще в 1893 г. П. Н. Милуков постарался сформулировать вывод, что взгляды К. Н. Леонтьева – это не что иное как «разложение славянофильства»². Впоследствии Н. О. Лосский посчитал его воззрения даже проявлением «вырождения славянофильства»³. Однако в 1925 г. К. И. Флоровской высказана мысль о К. Н. Леонтьеве как предшественнике евразийства⁴. Как исследователь, стремящийся к объективности, не мог не указать на К. Н. Леонтьева, в связи с евразийством 1920-х гг., философ В. В. Зеньковский (сам, конечно, далекий от евразийства). Существенно уже то, что он рассматривает К. Н. Леонтьева и евразийцев в общей главе⁵. Далеко не вся эмиграция была беспристрастной, имеется, например, точка зрения поэта и исследователя Ю. П. Иваска (1960–1970-е гг.), который не отрицает наличие евразийских идей у К. Н. Леонтьева, но в отличие от сдержанной позиции В. В. Зеньковского, эмоционально считает их, буквально, «бредня-

ми»⁶. Разумеется, мы полагаем эту позицию, как минимум, некорректной, предвзятой, но она все же существует.

В 1980-е гг. в советских философских исследованиях появляется тезис о необходимости изучения мыслителей, «испытанных влиянием» со стороны К. Н. Леонтьева, в том числе представителей «евразийства»⁷. В 1990–2000-е гг., с возрождением, на новом этапе истории России и Евразии, с ренессансом евразийских идей, тезис о К. Н. Леонтьеве как о предшественнике евразийства постепенно закрепляется в общественно-научной мысли. В 1991 г. Н. А. Рабкина отмечает, что К. Н. Леонтьев был «пионером своеобразного евразийства, идеологом восточной имперской структуры»⁸. Исследователь славянства В. И. Косик в монографии, ставшей новым словом в «леонтьевоведении», полагает, что К. Н. Леонтьев «может считаться одним из предтеч евразийцев», что он «почвенник с азиатской подкладкой»⁹. Философ Е. С. Гревцова отмечает, что К. Н. Леонтьев в рамках своего «византийского проекта» выдвигает идеи, «характерные для евразийства», более того, «предвосхищает основные положения евразийства», а потому и сами евразийцы 1920-х гг. выступают «продолжателями дела» К. Н. Леонтьева¹⁰. Как предшественника, либо мыслителя близкого евразийству видят его В. Аверьянов, Г. С. Келлер¹¹. Высказывается мнение, что «историософия Леонтьева, в особенности его обоснование национальной самобытности, воздействовало на концепцию русского евразийства» 1920-х гг.¹²

Интересная книга о К. Н. Леонтьеве написана Д. М. Володихиным. В ней прослежена интеллектуальная взаимосвязь между идеями Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева и Л. Н. Гумилева, как сторонников цивилизационного видения истории¹³. А. Клементьев рассматривает К. Н. Леонтьева как одного из предтеч геополитики¹⁴. И хотя евразийцы первой половины XX в. в этих последних работах оставлены как бы в стороне, но на самом деле они, конечно, незримо присутствуют.

Историография и печатная, и сетевая, как видим, постоянно пополняется, однако специального всестороннего рассмотрения наследия К. Н. Леонтьева в контексте «евразийской темы» все же, представляется, еще не создано. Как указал в 2003 г. крупнейший знаток евразийства В. Я. Пащенко: в обширной литературе анализу подвергались самые разные аспекты деятельности Леонтьева – от гносеологии до политики. Но, к сожалению, один аспект... весьма существенный, остался в тени. Речь идет о Леонтьеве как о предшественнике евразийцев»¹⁵. Сам В. Я. Пащенко предпринимает такую попытку и дает очерк его «своеобразия творчества», останавливаясь, правда, только на двух сюжетах: отношение к славянству (и славизму) и к социализму¹⁶.

Отметим статью В. Л. Цимбурского, где автор называет К. Н. Леонтьева в контексте «пreeвразийской» эпохи¹⁷. Из новейших работ укажем на интересную статью К. А. Жукова, который считает возможным говорить о «туранских» идеях К. Н. Леонтьева как об идеях протоевразийских¹⁸.

Однако есть и своего рода «умолчания». Так, во введении к одной из первых антологий евразийства Л. И. Новикова и И. Н. Сиземская дают содержательный очерк развития «русской идеи», но в сюжете о К. Н. Леонтьеве нет ни слова о соотношении его идей и идей евразийцев 1920-х гг.¹⁹ Отсутствует «евразийская тема» в книге А. А. Королькова²⁰. В монографии американского исследователя Н. Ржевского, посвященной в том числе леонтьевской идеологии, анализ не выходит за пределы XIX в.²¹ Или в работе Р. Г. Пашко, несмотря на рассмотрение концепции К. Н. Леонтьева на широком фоне сторонников культурно-исторической типологии, отсутствует сравнение с идеями русских евразийцев²². Академически

нейтрально прокомментированы В. А. Котельниковым и О. Л. Фетисенко воззрения К. Н. Леонтьева 1870-х гг. в фундаментальном «Полном собрании сочинений и писем», издающемся в настоящее время Институтом русской литературы²³. Впрочем, «умолчания» весьма многозначительны. Поэтому, даже те исследователи, которые рассматривают наследие К. Н. Леонтьева вне контекста общественной мысли евразийской направленности, в итоге признают, что его идеи «о союзе России с Азией... не умерли вместе со смертью их творца. Они получили развитие уже в XX столетии в концепции евразийства»²⁴.

Таким образом, несмотря на многие красноречивые умолчания, представление о К. Н. Леонтьеве как предшественнике евразийства все же постепенно занимает свое место в истории общественной мысли. Однако в леонтьевском наследии еще много того, что не вполне ясно, требует дальнейшего внимательного изучения и осмысления. Таким аспектом является вопрос об эволюции взглядов К. Н. Леонтьева на протяжении 1860–1880-х гг. и об «объеме» и «тематике» его раннеевразийских идей. Дело в том, что, обычно, евразийство связывают с историческим пространством России, однако, как представляется, К. Н. Леонтьев существенно расширил пределы «евразийской темы». Все это заставляет предпринять попытку максимально всесторонне выявить «евразийскую тему» в, казалось бы, уже хорошо знакомом наследии К. Н. Леонтьева, и в первую очередь применительно к тому периоду его интеллектуальной деятельности, который предшествует российско-османской войне 1877 г.

Ряд обстоятельств способствовал тому, что К. Н. Леонтьев начал свой личный «исход к Востоку». Во-первых, уже в начале 1860-х гг. как писатель, как начинающий мыслитель, он расходится с модным тогда либерализмом, демократизмом и становится убежденным консерватором. И, во-вторых, в 1863 г. он, как известно, поступает на службу в Министерство иностранных дел в Азиатский департамент и вскоре делает карьеру в российских консульствах в Османской империи: Крит (Кандия), Адрианополь, Белград, Добруджа (Тульча), Албания (Янина), Салоники, Константинополь. В отставку с дипломатической службы уволен, по собственному прошению, 1 января 1873 г.²⁵ В-третьих, там, вдали от родины, во время личного кризиса он искренно проникается истинами восточного христианства. Это десятилетие дипломатической службы под покровительством русского посла в Константинополе Н. П. Игнатьева на практике познакомило его с Востоком. Как отмечает Л. А. Тихомиров, время дипломатической службы К. Н. Леонтьева «было эпохой его полного внутреннего перелома. Этот психологический процесс произошел далеко не случайно именно в Турции», где он «попал в атмосферу фанариотов, хранителей точек зрения древней Византии... Даже в турецкой мусульманской среде весь быт строился на религиозной дисциплине. Религиозно-социальная жизнь, так сильно потускневшая в России, здесь охватывала Леонтьева во всей своей свежести и поэтической красоте»²⁶. И его мысль там, на византийско-османской земле сфокусировалась на новых для русского мыслителя впечатлениях и проблемах, что и стало, в свою очередь, основой, базой для разработки им оригинальных концептуальных взглядов на Россию и мир.

Как молодой мыслитель, К. Н. Леонтьев двигался в 1860-е гг. от идей, близких славянофильству. Через двадцать лет, в 1888 г. он пишет, что думал тогда «подобно людям славянофильского оттенка»²⁷. А в письме Т. И. Филиппову (1885) подчеркивает: «я славянофилов старых люблю и уважаю, а они никак не могут понять, что мы из них вышли»²⁸. Однако и по своему провинциальному происхождению, и по своему жизненному пути К. Н. Леонтьев принадлежит к

другому кругу, нежели московские славянофилы и потому воспринимает славянофильство «со стороны». Вспоминая свою молодую московскую жизнь, он отмечает, что со славянофилами «лично не был знаком», хотя и встречался с западниками²⁹.

Позже, в 1884 г. К. Н. Леонтьев открывает свои пристрастия в русской общественной мысли, и указывает, что по прежнему остается «последователем нашего столь замечательного и (увы!) до сих пор одиноко стоящего мыслителя Н. Я. Данилевского...»³⁰. Или: что он его «единомышленник», «хотя и с оговорками»³¹. На первый взгляд, такие признания концептуально приближают К. Н. Леонтьева к панславизму. Да, он согласен – для перспективной жизнеспособности «земного шара» нужен новый культурно-государственный тип. Однако, сомневаясь, спрашивает: но «славяне ли разовьют его, как надеется Данилевский?»³² Еще в 1870 г., читая главы из «России и Европы», он отмечает: «Статья Данилевского превосходна, я ее прочел раза три и еще буду читать, но нельзя же успокаиваться на ней...»³³

И К. Н. Леонтьев не успокаивался, он сам шел вперед параллельно Н. Я. Данилевскому³⁴, постепенно, все больше опережая его. Уже в статье «Грамотность и народность», написанной в 1868 г. (то есть накануне публикации «России и Европы»), он подчеркивает: «Но мы желали бы, чтобы Россия от всей Западной Европы отличалась на столько, на сколько греко-римский мир отличался от азиатских и африканских государств древней истории или наоборот»³⁵. Вот такую «европейско-азиатскую» цивилизационную оппозицию рисует К. Н. Леонтьев для России! Особенно примечательно, что она верна и «наоборот».

В целом, К. Н. Леонтьев на стороне славянофилов, как сторонников исторической самобытности, но уже в конце 1860-х гг. в его аргументации появляются новые мотивы, идущие дальше представлений классического славянофильства (в частности, А. С. Хомякова) о православном Востоке. Мы видим, что, по его мнению, Россия должна отличаться от Запада, как в древности азиатский мир (персидский, скифский и т. д.) отличался от античного мира. Так, недвусмысленно он показывает свои исторические симпатии – они ведут его на европейско-азиатский, византийско-османский Восток. По существу, одновременно с Н. Я. Данилевским он обращает внимание на цивилизационное разнообразие мира и при этом не исключает «азиатского» позиционирования России относительно Европы.

Примечательно, что восточные эстетические пристрастия К. Н. Леонтьева прояснились уже в 1863 г., когда он, направляясь к месту службы, на средиземноморских островах впервые после Петербурга и Европы «увидел не черную и не серую толпу, а голубую и синюю с пунцовыми большими фесками и красными кушаками». На Крите, отмечает он, «глаза и душа моя отдыхали, и только цепи службы моей воздерживали меня от того, чтобы одеться или по-русски в цветную рубашку и цветной бархат, или даже прямо не то по-гречески, не то по-турецки»³⁶. Примечательно и то, что главу «Очерков Крита», в которой все это традиционалистское разнообразие Востока было восторженно описано, М. Н. Катков, как признался К. Н. Леонтьев, «печатаю мои очерки, выкинул»³⁷. Позже, в 1867 г. в письме своему младшему другу К. Губастову, обрисовывая преимущества нового места службы в османской Тульче, на Дунае, он пишет, что хотел бы именно здесь «свить на век... гнездо», так как «здесь есть и движение, и покой, и восток, и запад, и север, и юг»³⁸. К. Н. Леонтьев лишен всяких предубеждений о Востоке. В консульском донесении 1871 г. он, например, указывает: «Восточные города производят на человека свободного от известных предрассудков крайне отрадное впечатление»³⁹.

Существенное отличие историко-философских построений К. Н. Леонтьева от воззрений славянофилов и близких к ним заключается, как известно, в критике славизма (панславизма), да и вообще политической жизнедеятельности славянских народов Европы. На первый взгляд, это кажется неожиданным, немотивированным, имея в виду его консервативную общественную позицию и потенциальные симпатии к славянофилам. Однако при внимательном анализе выясняется вся последовательность и логичность леонтьевской мысли, которая в вопросе о славянах, подчеркнем, в полной мере сформировалась еще до балканских событий второй половины 1870-х гг. Еще в 1862 г. И. С. Аксаков пишет К. Н. Леонтьеву, желавшему тогда отправиться корреспондентом в Герцеговину, что не видит, чтобы его «влекло особенное сочувствие к Славянам»⁴⁰.

В 1872–1874 гг. К. Н. Леонтьев живет в Стамбуле и вблизи его на острове Халки, – к этому периоду его жизни относятся публицистические работы «Панславизм и греки», «Панславизм на Афоне»⁴¹, а также знаменитый трактат «Византизм и славянство». Две первые статьи, опубликованные под псевдонимом Н. Константинов (когда они сочинялись, автор еще состоял на консульской службе) в журнале «Русский вестник», написаны, как это нередко принято в русской общественной мысли, в виде ряда публицистических писем и по смыслу непосредственно примыкают друг к другу. Высказывая мнение о «панславизме», К. Н. Леонтьев, тем самым, выявляет собственную позицию и по другим «восточным» вопросам, которые в последствии стали частью большого евразийского дискурса.

К сожалению, указывает он, у многих в XIX веке «вопрос славянский является каким-то переводом немецкого вопроса на русский язык». Но в отличие от немцев, славяне не нация, а племя, «разделенное на отдельные нации языком, бытом, прошедшей историей и надеждами будущего». И если Пруссии выгодно присоединить отдельные немецкие государства, то для России «тесное присоединение других славян было бы роковым часом ее разложения и государственной гибели»⁴². Столь открыто и нелицеприятно о панславистских мечтаниях не высказывался тогда из консервативных мыслителей никто. Вдумаемся в его прогноз: политический панславизм не как предпосылка усиления империи, а как предпосылка разложения и гибели. Почему же прогноз именно таков? По мнению К. Н. Леонтьева славяне, которым «так страстно еще хочется государственной самобытности и сепаратизма», в случае образования ряда славянских государств, «жить с нами, под знаменем нашего давнего, последовательного, многотрудного исторического развития, ... вероятно, не захотят». Именно поэтому «слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России»⁴³.

Для адекватного понимания концепции К. Н. Леонтьева необходимо выявить его взгляды не только на европейско-славянский мир, но на мир российский. И он отмечает, что грекам не следует бояться мифического панславизма, потому что «Россия чисто славянской державой никогда не была». Конечно, бросается в глаза вот это – «никогда». Как же К. Н. Леонтьев понимает сущность российской истории? Он указывает: «западные и восточные владения, расширяя и обогащая ее [России] культурный дух и ее государственную жизнь, стеснили ее славизм разными путями». То есть, в процессе роста российского государства он видит не только распространение славянских начал вширь, но и одновременную их трансформацию («стеснение»), принимая ее как не минус, а плюс, как «обогащение» российской истории. Важно и то, подчеркивает он, что пути, которыми происходило историческое «стеснение» изначального славизма, «людям, знакомым с русской историей, известны недурно теперь и... станут еще понятнее и из-

вестнее по мере большей разработки русской истории»⁴⁴. К. Н. Леонтьев уверен, что по мере изучения прошлых веков общество будет все более и более уяснять реальные особенности российской истории, отличающие ее от истории европейских славян. Он вновь и вновь повторяет: «Россия не была и не будет чисто славянской державой»⁴⁴. Но если Россия не «чисто славянская страна», то какая же?

Для К. Н. Леонтьева «Россия – планета со многими спутниками», страна «просторная, пестрая»⁴⁵. Предупреждая о последствиях необдуманного расширения в юго-западном, балканском направлении, он констатирует «неудержимое расширение России в Азии – расширение, которое не только не ослабевает, но, напротив, усиливается после всякого урона или разочарования нашего на Западе». И этот азиатский вектор, по его мнению, требует от России «сильного сосредоточия» государственной власти⁴⁵. Именно это многовековое продолжение России на восток Евразии, существование азиатской России, столь отличающее ее от небольших славянских территорий в Европе, является тем решающим обстоятельством, которое не позволяет говорить о ней как о чисто славянской стране. Позиция К. Н. Леонтьева требует категориального осмысления. На наш взгляд, представление им России как страны, одновременно славянской и азиатской, есть прямой шаг в направлении ее «евразийского» понимания.

Не менее важна его позиция по отношению к Османской империи, которая по своему историческому, геополитическому, этно-конфессиональному состоянию есть страна не чисто азиатская, а азиатско-европейская, или как определяют современные историки – страна «промежуточного региона», который «относится одновременно и к Западу и к Востоку»⁴⁶. Формулировки К. Н. Леонтьева и здесь четкие и предельно самостоятельные по мысли. «Я, – отмечает он в 1873 г., – нисколько не желаю падения Турции; напротив, ... она в некоторых случаях может стать для нас самым естественным и верным союзником». Условие «естественного союзничества» одно: «Пусть Турция сумеет успокоить и удовлетворить своих христианских подданных, и Россия будет ей самый верный друг»⁴⁷. Как все-таки это далеко от того общественно-политического антитурецкого пафоса, который не раз становился популярным в России со второй половины XVIII в.! Действительно, «подчеркнуто пристрастное отношение Леонтьева к Азии» стало «новым явлением русской общественной мысли, не вписывающимся ни в рамки славянофильской, ни тем более западнической традиции». Как отмечают современные московские авторы, «он в числе первых обозначил необходимость... перехода от конфронтации к поиску союзников» на Востоке⁴⁸.

Позиция К. Н. Леонтьева гораздо серьезнее, нежели поверхностное туркофильство. Особенно примечательны его секретные дипломатические донесения 1860-х гг., в которых он проявляет сочувствие к расстройству османской жизни, понимание того, что «всякий шаг, который делает Турция на пути европейского прогресса, посягает на ту или другую святыню Мусульманской жизни». Вывод же его заключается в том, что, учитывая фаталистические настроения турок, необходимо «употребить все усилия для сближения... с некоторыми главными беями»⁴⁹. Дипломат К. Н. Леонтьев указывает, что в критической ситуации турки склонны более к российской власти, нежели к европейской. Он приводит предание, распространенное среди улемов и простых мусульман, о том, как принял русский царь послание Магомета: «Когда Магомет распространил свое владычество в Аравии, он послал всем царям письмо, приглашая их принять Ислам. Западные цари отвечали презрительно и бросили его письмо; но Русский Царь, встав с престола, прочел письмо Пророка, поцеловал его, приложил к челу своему и потом

почтительно отвечал: «Рады бы и Мы принять такую святую веру, но теперь уже поздно; Мы приняли Православие, и изменить ему нельзя!»⁵⁰. Здесь важно не только отражение настроений османских мусульман в легендарном предании, но и позиция самого К. Н. Леонтьева, который, безусловно, разделяет уважительное отношение к исламу.

Он видит Османское государство изнутри и понимает – его положение (особенно в европейской части) справедливо могло подать повод назвать Турцию «больным человеком». Но – «больной человек не значит еще человек умирающий; больные выздоравливают». И он надеется именно на государственное выздоровление Турции. В этой ситуации, «не самой Турции, не султану Россия... должна быть враждебна», а западным интригам, которые беспрепятственно разыгрываются в организме Османской империи⁵¹.

К. Н. Леонтьев ставит геополитический вопрос: если «всегдашняя опасность для России – на Западе», то «не естественно ли ей искать и готовить себе союзников на Востоке»? И «если этим союзником захочет быть и мусульманство, тем лучше». Вновь мы видим мысль о союзнических отношениях с османским государством. Однако «если Турцию никогда сила Запада не допускала до этого союза, должна ли была Россия смиряться перед Западом»⁵²? Ответ, с его точки зрения очевиден, Россия обязана проводить собственную разумную дружественную политику в отношении Блистательной Порты.

К. Н. Леонтьев не газетчик, а дипломат, поэтому он хорошо знает, что «разумная и умеренная деятельность официальной России на Востоке» состоит в том, чтобы «поддерживать и защищать гражданские права христиан и вместе с тем умерять по возможности пыл их политических стремлений». Поэтому «турки необходимы» для российской политики, «всегда фаталистически умеренной»⁵³.

Показывая вопрос о взаимоотношениях славян, греков и османской власти, он рассматривает ситуацию и с турецкой точки зрения, «становясь искренно на место турецких политиков». Такая позиция для русской общественной мысли XIX в. вообще уникальна. «Будем же, наконец, справедливы, – восклицает он, – чем виноваты эти турки, столь беспощадно и бессовестно оклеветанные в разных органах либерального и прогрессивного фразерства?» Защищая внутреннюю османскую политику дипломат констатирует: «Странное было бы дело, если бы государственные люди, которых предки мечом и кровью своей завоевали... и разстроенную по собственной вине Византию, и грубые, некультурные племена соседних ей славян, не имевших никакой солидной организации, – если б эти государственные люди Турции пренебрегли своим долгом, в угоду... публицистам лжеславянским, вроде сотрудников “Вестника Европы”, воображающих, что они понимают восточные дела»⁵⁴.

Никак не находясь в зависимости от узкого панславизма, К. Н. Леонтьев приходит к парадоксальному выводу, что, в условиях греко-болгарского конфликта, власть османского султана есть определенная гарантия свободы православия во всем регионе, и что «интересы Православия (не политического, а духовного) тесно связаны с владычеством мусульманского государя». В частности, «власть Магометова наследника есть залог охранения и свободы для христианского аскетизма» на Афоне. Всему афонскому православному сообществу «выгодно теперешнее его положение самоуправления под султанской властью»⁵⁵. Думается, что беспристрастный исследователь не может не признать в этих «протурецких» суждениях К. Н. Леонтьева наличия не только восточно-православного, но и евразийского духа. Российский дипломат XIX в., как и его дальние предшественники

XIII–XIV вв., жившие во времена Великой Орды (Улуг улус), не видит непреодолимой цивилизационной проблемы в том, что православные народы находятся под властью тюрков-мусульман. Более того, эта «ордынско-османская» политико-религиозная ситуация, на его взгляд, благоприятнее, чем междоусобная борьба православных народов между собой.

Итак, Турция может стать «естественным союзником» России. Конечно, в реальности во второй половине 1870-х гг. события стали развиваться по-другому, но именно для того, чтобы этого «другого» не произошло, то есть не произошло того самого Берлинского конгресса, после чего Турция начала ориентироваться на Германию, и писал свои письма К. Н. Леонтьев в 1872–1873 гг. И он указывает для России в начале 1870-х гг. ту «среднюю диагональ сил» восточного вопроса, где «все соединяется в настоящее время к тому, чтобы Турция была не только сохранна, но и по возможности расположена к нам». К сожалению, в самой России лишь «немногие... понимают это». (История подтвердила его опасения. Русское общество не желало воспринимать Османское государство как доброго соседа и тем более как потенциального союзника.) Когда К. Н. Леонтьев рассматривает «Восток Европы» с учетом интересов европейских государств, то становится предельно ясно, что «что туркам и не нужно скоро уходить за Босфор». Если же гипотетически предположить «самое худшее», а именно, «неожиданное удаление турок за Босфор, то Россия будет вынуждена, – пишет он, – поддерживать на Востоке «иноплеменников» – «греков, румын, быть может, мадьяр и азиатских мусульман». Чтобы понять это, отмечает К. Н. Леонтьев, «стоит лишь внимательно поглядеть на карту Европы и вспомнить историю России»⁵⁶. Вот такой развернутый ответ дает он русским, и не только, «узким славистам». Однако тогда в России далеко не все были так знакомы с европейским Востоком, не столь внимательно смотрели на карту и тем более не так адекватно воспринимали российскую историю.

Размышляя о европейском Востоке, К. Н. Леонтьев не мог, разумеется, не затронуть Восток в широком социально-историческом смысле, и поднять, таким образом «настоящий Восточный вопрос», а не только «босфоро-балканский». Но сначала, какова его позиция относительно географического соотношения Европы и Азии? Он полностью разделяет позицию Н. Я. Данилевского, обозначая Европу как западную «окраину Азии», как «атлантический берег великого азиатского материка»⁵⁷. К. Н. Леонтьев сравнивает Запад и Восток с цивилизационных позиций: с одной стороны, – отмечает он, – «Запад, малоземельный, промышленный, крайне торговый и пожираемый глубоко рабочим вопросом», с другой, – «Восток, многоземельный, малопромышленный», имеющий «громоотвод» в своей многоземельности. Существенно, что в этой оппозиции он видит не «отсталый» Восток и «передовой» Запад, а возможность нового социального развития благодаря тенденциям Востока⁵⁸.

Следует подчеркнуть, что, в отличие от славянофилов, К. Н. Леонтьев видит в этом большом «Востоке» не только православный, но и исламский мир. Тогда, в начале 1870-х гг. К. Н. Леонтьев выступает как безусловный оптимист, он верит в историческую миссию православных и мусульманских народов Востока: «И где бы ни был тогда центр славянской тяжести, <...> где бы ни была, наконец, тогда столица ислама, на Босфоре, в Багдаде или Каире, все тогда, и греки, и болгары, и русские (а за ними и турки), будут заодно против безбожия и анархии...» Он надеется, что «соединенные тогда в одной высокой цели народы Востока вступят дружно в спасительную и долгую, быть может, духовную, быть может, и кровавую борьбу... для обновления человечества...» Важно и то, что он убежден –

«славяне одни не в силах решить этого ужасного и великого вопроса». Таким образом, для К. Н. Леонтьева в начале 1870-х гг. не «малый вопрос», босфоробалканский, а именно позиционирование большого Востока является той действительно «великой идеей», тем, как он утверждает, «настоящим Восточным вопросом, за который, пожалуй, и стоит страдать и жертвовать жизнью и всем достоянием!»⁵⁸ И в этом большом Востоке, по К. Н. Леонтьеву, основными компонентами являются, как мы видим, православное и мусульманское сообщества.

Конечно, исторические реалии последней четверти XIX в. по-своему расставили фигуры в шахматной партии по восточному вопросу – и «малому», и «великому». Не все надежды К. Н. Леонтьева оправдались, но существенно то, что он самостоятельно поставил эту важнейшую цивилизационную проблему – о возможной альтернативе европейской (либеральной и революционной) действительности. И увидел эту альтернативу в самом широком объединении стран и народов Востока, точнее, Евразии, включая Россию и Турцию, включая конфессиональные пространства православия и ислама. Содержаться ли в этих воззрениях зерна последующих евразийских идей? Думается, непредвзятый исследователь должен ответить утвердительно. Свой личный «исход к Востоку», которым шел К. Н. Леонтьев, был не узкой славянской тропой, петляющей через Балканские перевалы, а широким, по сути, евразийским трактом.

Проблема «византизм и славянство», раскрытая в одноименном труде, является (наряду с восточным вопросом), важным основанием для изучения взглядов К. Н. Леонтьева в контексте истоков и предвосхищения евразийства⁵⁹. Византия – непосредственный предшественник Османской империи, поэтому вполне логичным является обращение К. Н. Леонтьева от современного ему восточного вопроса к историческому осмыслению византизма. В 1888 г. К. Н. Леонтьев пишет о роли Востока в развитии Византии. Он указывает на эволюцию римского мира, который со временем стал все ближе подходить «к стилю восточных царств»⁶⁰.

К. Н. Леонтьев стремится реабилитировать восточный византизм и его влияние на Россию. По его убеждению, «византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм»⁶¹. Примечательно, что, размышляя о византизме, он позитивно ссылается на слова английского историка Т. Карлейля (1795–1881) из письма к А. И. Герцену: «Я несравненно больше предпочитаю самый царизм или даже великий туркизм» чистому парламентаризму. «Вашу обширную родину [Россию] я всегда уважал как какое-то огромное, темное, неразгаданное дитя Провидения, которого внутренний смысл еще не известен...»⁶² Думается, и К. Н. Леонтьев размышлял о «внутреннем смысле», государственном стиле России, предпочитая западным порядкам не только русский византизм, но и, в конечном счете, тот самый восточный «великий туркизм» (или более точно, «османизм»), о котором пишет Т. Карлейль.

Подводя итог осмыслению прямых или опосредованных восточно-византийских влияний, К. Н. Леонтьев отмечает: что именно «византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами... и грубым вначале, славянским материалом»⁶². Каким же этот «славянский материал» стал в XIX веке? И что от него можно ожидать? На эти вопросы К. Н. Леонтьев также дает свои ответы. Позиция его относительно славизма (славянство – есть, славизма – нет⁶³) хрестоматийно известна. И она логично продолжает критику панславизма, содержащуюся в письмах «Панславизм и греки». Без учета этого аспекта понимание им не только

русского византизма, но и «великого туркизма», «великого Восточного вопроса» не будет полным и завершенным.

Однако такое восприятие славизма не соответствовало настроениям русских общественных кругов, симпатизирующих славянству. М. Н. Катков ведь категорически отказался печатать труд «Византизм и славянство» в своем журнале. И только известный славист О. М. Бодянский в 1875 г., с большим трудом, как отмечает В. И. Косик, смог «пристроить» его в малочитаемый журнал-архив «Чтения в Обществе истории и древностей Российских»⁶⁴.

С точки зрения К. Н. Леонтьева, славяне могут быть и «особым миром», и «частью европейской цивилизации». От них можно ожидать и «нового разнообразия в единстве», «особой, оригинальной формы союзного государственного быта», и «быстрого однообразия» по стандартам европеизма⁶⁵. А потому Россия, уверен он, должна искать со славянским миром «искусного тяготения», но «на почтительном расстоянии». При этом он задает риторический вопрос: «Но о чем же мы тревожимся?» Ведь «Австрия и Турция стоят?» (то есть славяне до сих пор несвободны). Вывод из этого делается вполне в духе парадоксального леонтьевского консерватизма – и «пусть стоят Австрия и Турция (особливо последняя)», так как «существование Турции... даже выгодно и нам и большинству наших единоверцев на Востоке». Тем более что России нужна какая-нибудь «приготовительная теорема», чтобы «чисто племенной, бессмысленно-простой славизм не застигнул нас врасплох»⁶⁶.

По существу, вот такую региональную геополитическую евразийскую теорему (учитывающую российский византизм, османский «великий туркизм», нарождающийся национальный славизм, европейские интересы) и стремился сформулировать в своих работах первой половины 1870-х гг. К. Н. Леонтьев. Мыслитель, начисто лишенный легкомысленного оптимизма, писал свои работы в первую очередь для того, чтобы «последствия не застали нас врасплох», чтобы Россия, стоящая «у какого-то страшного предела», не переступила его⁶⁷. Впоследствии, когда Россия все же «переступила» этот предел, С. Н. Булгаков напомнил, что именно К. Н. Леонтьев в свое время «рассеял сладкую грезу панславизма, когда все были ею охвачены»⁶⁸.

Восприятие К. Н. Леонтьевым «византизма» и «туркизма» в контексте восточного вопроса до войны 1877–1878 гг. являются двумя сторонами единого историко-цивилизационного взгляда на стык Европы и Азии, на евразийскую региональную (босфоро-балканскую) контактную зону, на российско-османские взаимоотношения и стоящий за всем этим большой Восток в целом. Подчеркивая историческую роль византизма как восточной (точнее европейско-восточной) цивилизационной традиции, К. Н. Леонтьев антагонистически не противопоставляет ему «великий туркизм» Османского государства (или, как он пишет в одном из своих донесений, «нео-турецкий государственный патриотизм»⁶⁹), унаследовавший геополитическую проблематику Византии и до определенного момента достаточно эффективно сдерживавший узко национальные устремления славянских народов.

Византизм К. Н. Леонтьева – это не только «идеальный тип» ушедшей цивилизации⁷⁰, но, по существу, это основание концепции регионального мироустройства там, где Европа и Азия соседствуют и взаимопроникают друг в друга. «Византизм», особенно если его воспринимать в паре с «великим туркизмом», есть своего рода ранняя евразийская идея для босфоро-балканского региона.

Интеллектуальное наследие К. Н. Леонтьева многообразно и с трудом поддается однозначной идентификации. Исследование общественно-политической

публицистики убеждает, что его идеи могут (и должны) быть рассмотрены не только в рамках консерватизма (постконсерватизма) и постславянофильства, но в контексте истоков, интеллектуальных предпосылок становления нового, евразийского направления общественно-политической мысли.

Евразийство – это не только глобальный историософский вопрос о соотношении Европы и Азии, Востока и Запада, это в значительной степени достаточно конкретный вопрос о взаимодействии славянских и тюркских народов, православных и мусульман, с одной стороны, на Ближнем, босфоро-балканском Востоке, а с другой, на пространстве России и Евразийского региона. Однако славянофилы и панслависты 1840–1870-х гг., живя в официально-православной стране, не увидели в полной мере эту проблему. Не видел ее первоначально и К. Н. Леонтьев. Подлинное понимание православно-мусульманской и славяно-тюркской проблематики наступило для него в Османской империи, то есть там, где православные жили под властью мусульман. Что и способствовало развитию его воззрений на славянскую, так и собственно российскую культурно-цивилизационную проблематику в евразийском направлении. Понимание того, что Россия на самом деле является славяно-азиатским миром стало приходить к нему именно там – в османской Турции. Можно сказать, что в Оттоманский Порт он увидел «перевернутую» Россию.

Разумеется, К. Н. Леонтьев не оставил какого-либо единого свода своих раннеевразийских идей. Ведь, и сама евразийская проблематика тогда еще не выделилась в самостоятельную исследовательскую тему. Но в его наследии есть ряд сюжетов, которые имеют непосредственное отношение к последующему евразийскому дискурсу. В первую очередь к нему относится понимание славянства и славизма. Конечно, сама критика общественно-политического славизма (панславизма) еще не свидетельствует о евразийском умонастроении. Однако во взглядах К. Н. Леонтьева славизм стал отправной точкой для осмысления, с одной стороны, России, а с другой, Турции, осмысления, которое осуществлено им в евразийском ключе.

К. Н. Леонтьев первым в русской общественной мысли XIX в. вложил в понимание России не просто и не столько традиционный русско-славянский смысл, сколько более широкий – русско-азиатский смысл. Он не отрицает славянских начал, но он призывает глубоко осмыслить то, что страна в процессе исторического развития уже давно переросла изначальный славянский масштаб. Продолжение России на восток Евразии, является именно тем обстоятельством, которое отличает ее от небольших славянских территорий в Европе и не позволяет утверждать о ней как о чисто славянской стране. Выводы К. Н. Леонтьева нуждаются в дополнительных эмпирических исследованиях, но в то же время они основательны и открыты к категориальному обобщению. В частности, представление о России (о пространстве, которое входило в состав империи) как стране одновременно славянской и азиатской есть прямой шаг к пониманию ее как страны «евразийской».

В сходном, но теперь уже в азиатско-европейском смысле оценивает К. Н. Леонтьев особенности Османского государства, которое включало в себя, как известно, и мусульманские, и христианские компоненты. Во второй половине 1860-х – первой половине 1870-х гг. он исходит из возможности «выздоровления» Турции и «естественного союзничества» между российским и османским государствами – в интересах не только российских, но всего православно-славянского мира. Его позиция может быть обозначена как своего рода «протурецкая», нежели «роевропейская». Принципиально то, что объективно-позитивное, взвешенное

(но не слепое) отношение к Османскому государству у К. Н. Леонтьева основано не на племенном или религиозном чувстве (как у российских тюрков-мусульман), а является трезвым выводом из знания реалий балканского региона. При этом он призывает строить восточную политику только «вспомнив историю России». Но прежде чем он задумался о «туранизме» России, он увидел и познал реальный «туранизм», «туркизм» Османского государства, который не вызвал у него цивилизационного отрицания, отторжения. И это, полагаем, стало важной предпосылкой к пониманию им особенностей российской цивилизации.

В целом, сдержанно-толерантное отношение к Турции, сопряженное с критикой славизма и междоусобной борьбы на Балканах и неразрывно соединенное со стремлением к глубокому осмыслению российской истории и действительности, свидетельствует о том, что К. Н. Леонтьев не просто отрицал панславистские установки, но как мыслитель позитивно развивался именно в евразийском направлении. От Османской империи он логично идет к ее предшественнице Византии, чья история и положение с полным основанием могут рассматриваться также в европейско-азиатских координатах. Именно от Византии, указывает он, русские славяне получили тот цивилизационный импульс (не только религиозный, но и государственный), тот «византизм», который по существу и способствовал созданию реальной России. К. Н. Леонтьев по существу принимает мысль Т. Карлейля о «загадочности» России и значимости «великого туркизма». Существенно то, что он нигде не противопоставляет «византизм» и «туркизм» в контексте восточного вопроса, наоборот, эти цивилизационные типы (не только последовательные, но и объединяемые им в понятие «турко-византийской старины»), становятся как бы двумя сторонами в осмыслении Востока. «Византизм» К. Н. Леонтьева (особенно в соотношении с «великим туркизмом») – это своего рода вариант ранней евразийской идеи для босфорско-балканского региона.

К. Н. Леонтьев видит Восточный вопрос и в широком, региональном смысле. Он полагает, что Восток (и православный, и исламский) может выступить реальной цивилизационной альтернативой Западу, он надеется, что народы этого Востока смогут принести обновление человечеству, сохранить его разнообразие и, тем самым, решить подлинный «великий» Восточный вопрос. Такое глобальное позиционирование православно-исламского Востока вплотную приближает его к понятию «Евразия».

Таковы основные аспекты начального и основного этапа (вторая половина 1860-х – первая половина 1870-х гг.) личного концептуального «исхода к Востоку» К. Н. Леонтьева, который пошел вперед не по узкой славянской дороге, а по широкому, по сути, евразийскому пути. Как мы видим, раннеевразийские мотивы и идеи складывались у него в этот период под влиянием не только российской, но и османской, турецко-славянской, турецко-греческой действительности. Вернувшись в Россию, осмыслив (и переосмыслив) Восточный вопрос и российско-османские отношения после 1878 г., он особое внимание уделил собственно российской проблематике, российской цивилизации. Но это – тема, относящаяся преимущественно уже к следующему периоду жизни К. Н. Леонтьева.

Примечания

¹ Зандер, Л. Константин Леонтьев о прогрессе / Л. Зандер. – Пекин, 1921. – С. 1.

² Милюков, П. Н. Разложение славянофильства / П. Н. Милюков // Из истории русской интеллигенции : сб. ст. и этюдов. – СПб., 1902. – С. 290.

- ³ Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М., 1991. – С. 97–100.
- ⁴ См.: Флоровская, К. И. Леонтьев как предшественник Евразийства / К. И. Флоровская. – Прага, 1925. – С. 17.
- ⁵ См.: Зеньковский, В. В. Русские мыслители и Европа / В. В. Зеньковский. – М., 2005. – С. 75, 82.
- ⁶ Иваск, Ю. П. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество / Ю. П. Иваск // К. Н. Леонтьев : pro et contra : в 2 кн. Кн. 2. – СПб., 1995. – С. 464–465.
- ⁷ См.: Авдеева, Л. Р. Религиозно-консервативная социология К. Н. Леонтьева : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Л. Р. Авдеева. – М., 1983. – С. 6.
- ⁸ Рабкина, Н. А. «Византизм» Константина Леонтьева / Н. А. Рабкина // История СССР. – 1991. – № 6. – С. 38.
- ⁹ Косик, В. И. Константин Леонтьев : размышления на славянскую тему / В. И. Косик. – М., 1997. – С. 124, 191.
- ¹⁰ См.: Гревцова, Е. С. Философия культуры А. И. Герцена и К. Н. Леонтьева (сравнит. анализ) / Е. С. Гревцова. – М., 2002. – С. 90.
- ¹¹ См.: Аверьянов, В. Россия и человечество: в 2 ч. Ч. 1 [Электронный ресурс] / В. Аверьянов. – Режим доступа : <http://www.rustrana.ru/print.php?nid=8504>; Келлер, Г. С. Диалектика взаимодействия Востока и Запада в историософии евразийства : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Г. С. Келлер. – Мурманск, 2003.
- ¹² См.: Лобанов, С. Константин Леонтьев : философ, эстет, геополитик и монах [Электронный ресурс] / С. Лобанов. – Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/culture/leontiev.htm>.
- ¹³ См.: Володихин, Д. М. «Высокомерный странник». Философия и жизнь Константина Леонтьева / Д. М. Володихин. – М., 2000. – С. 112–150.
- ¹⁴ См.: Клементьев, А. Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев как предтечи геополитики / А. Клементьев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – Сер. 10, Востоковедение. Евразийство. Геополитика. – 2003. – № 2 (1). – С. 42–51.
- ¹⁵ Пашенко, В. Я. Социальная философия евразийства / В. Я. Пашенко. – М., 2003. – С. 199–200.
- ¹⁶ См.: Пашенко, В. Я. Социальная философия... – С. 202–210.
- ¹⁷ См.: Цимбурский, В. Л. Две Евразии : омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства / В. Л. Цимбурский // Евразия. Люди и мифы : сб. ст. из журн. «Вестн. Евразии». – М., 2003. – С. 23.
- ¹⁸ См.: Жуков, К. А. О соотношении протоевразийских идей К. Н. Леонтьева и теории Фр. Духинского о туранском происхождении великороссов / К. А. Жуков // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы : актуальные проблемы и перспективы. – СПб., 2007. – С. 193–202.
- ¹⁹ См.: Новикова, Л. И. Введение / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская // Россия между Европой и Азией : евразийский соблазн : антология. – М., 1993. – С. 7–8.
- ²⁰ См.: Корольков, А. А. Пророчества Константина Леонтьева / А. А. Корольков. – СПб., 1991.
- ²¹ См.: Rzhovsky, N. Russian literature and ideology. Urdana-Chicago-London, 1983. – P. 99–115.
- ²² См.: Пашко, Р. Г. Концепция «византизма» Константина Леонтьева : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Р. Г. Пашко. – Минск, 1996. – С. 2–5.
- ²³ См.: Котельников, В. А. Комментарии / В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко // Леонтьев, К. Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. Т. 7. Кн. 2. – СПб., 2006. – С. 527–965.

- ²⁴ Андронов, Ю. В. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX в. : К. Н. Леонтьев / Ю. В. Андронов, А. Г. Мячин, А. А. Ширинянц. – М., 2000. – С. 54.
- ²⁵ См.: Косик, В. И. Константин Леонтьев : размышления на славянскую тему / В. И. Косик. – М., 1997. – С. 20–102.
- ²⁶ Тихомиров, Л. А. Тени прошлого. К. Н. Леонтьев / Л. А. Тихомиров // К. Н. Леонтьев : pro et contra... Кн. 2. – С. 12.
- ²⁷ Леонтьев, К. Н. Плоды национальных движений на православном Востоке. (Глава) XII / К. Н. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство : филос. и полит. публицистика. – М., 1996. – С. 554.
- ²⁸ «Брат от брата помогаем...» (Из неизданной переписки К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова) // Нестор. – 2000. – № 1. – С. 179.
- ²⁹ См.: Леонтьев, К. Н. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве [Электронный ресурс] / К. Н. Леонтьев. – Режим доступа : http://leontiev.net.ru/text/ap_grigoriev.htm.
- ³⁰ Леонтьев, К. Н. Дополнения к двум статьям о панславизме / К. Н. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство... – С. 81.
- ³¹ Леонтьев, К. Н. Кто правее? Письма к В. С. Соловьеву. Письмо 8-е / К. Н. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство... – С. 670.
- ³² Леонтьев, К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского. (Глава) V / К. Н. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство... – С. 479.
- ³³ Леонтьев, К. Н. Письмо Н. Н. Страху. 12 марта 1870 / К. Н. Леонтьев // Леонтьев, К. Н. Избр. письма. 1854–1891. – СПб., 1993. – С. 73.
- ³⁴ См.: Хатунцев, С. В. Проблема «Россия – Запад» во взглядах К. Н. Леонтьева (60-е гг. XIX в.) / С. В. Хатунцев // Вопр. ист. – 2006. – № 3. – С. 113–121.
- ³⁵ Леонтьев, К. Н. Грамотность и народность / К. Н. Леонтьев // Поздняя осень России. – М., 2000. – С. 185–186.
- ³⁶ Леонтьев, К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского. (Глава) X / К. Н. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство... – С. 495.
- ³⁷ См.: Леонтьев, К. Н. Очерки Крита / К. Н. Леонтьев // Полн. собр. соч. и писем. – СПб., 2001. – С. 9–25.
- ³⁸ Губастов, К. Из личных воспоминаний о К. Н. Леонтьеве / К. Губастов. – СПб., 1911. – С. 9.
- ³⁹ Янина, января 15-го 1871 г. № 382 // Леонтьев, К. Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты (1865 – 1872). – М., 2003. – С. 331.
- ⁴⁰ Цит. по: Косик, В. И. Константин Леонтьев... – С. 21.
- ⁴¹ Леонтьев, К. Н. Панславизм и греки / К. Н. Леонтьев // Рус. вестн. – 1873. – № 2; Леонтьев, К. Н. Панславизм на Афоне / К. Н. Леонтьев // Рус. вестн. – 1873. – № 4.
- ⁴² Леонтьев, К. Н. Панславизм и греки. (Письмо) I / К. Н. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство... – С. 42–43.
- ⁴³ Там же. – С. 44–45.
- ⁴⁴ Там же. – С. 45.
- ⁴⁵ Там же. – С. 44.
- ⁴⁶ Кицикис, Д. Османская империя / Д. Кицикис // На перекрестке цивилизаций : сб. – М., 2005. – С. 112–113.
- ⁴⁷ Леонтьев, К. Н. Панславизм и греки. (Письмо) I. (Письмо) II / К. Н. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство... – С. 43, 47.
- ⁴⁸ См.: Андронов, Ю. В. Русская социально-политическая мысль... – С. 54.
- ⁴⁹ Андрианопись, 4-го марта, 1867 г. № 78 // Леонтьев, К. Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты (1865 – 1872)... – С. 121.

- ⁵⁰ Там же. – С. 122.
- ⁵¹ См.: Леонтьев, К. Н. Панславизм и греки. (Письмо) II... – С. 48–49.
- ⁵² Там же. – С. 49.
- ⁵³ Там же. – С. 49, 50.
- ⁵⁴ Леонтьев, К. Н. Панславизм на Афоне. (Письмо) II... – С. 74–75.
- ⁵⁵ Там же. – С. 80.
- ⁵⁶ Леонтьев, К. Н. Панславизм и греки. (Письмо) IV... – С. 54–55.
- ⁵⁷ Леонтьев, К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения. (Глава) VIII // Леонтьев К. Н. Храм и Церковь. – М., 2003. – С. 490.
- ⁵⁸ См.: Леонтьев, К. Н. Панславизм и греки. (Письмо) IV... – С. 55.
- ⁵⁹ См.: Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1875. – № 3; То же // Леонтьев, К. Н. Восток, Россия и Славянство... С. 94–155; То же // Леонтьев, К. Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. Т. 7. Кн. 1 / К. Н. Леонтьев. – СПб., 2005. – С. 300–443.
- ⁶⁰ Леонтьев, К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского. (Глава) I / К. Н. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство... – С. 469.
- ⁶¹ Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство... – С. 104, 105.
- ⁶² Цит. по: Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство... – С. 107.
- ⁶³ Там же. – С. 117.
- ⁶⁴ Косик, В. И. Константин Леонтьев... – С. 99–100, 103, 131–132.
- ⁶⁵ См.: Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство. Глава IV. Что такое славянство? Глава XII. Заключение / К. Н. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство... – С. 119, 154.
- ⁶⁶ Там же. – С. 154.
- ⁶⁷ Там же. – С. 155.
- ⁶⁸ Булгаков, С. Н. Тихие думы / С. Н. Булгаков. – М., 1918. – С. 117.
- ⁶⁹ Леонтьев, К. Н. Копия с доверительного донесения Надворного Советника Леонтьева в Императорское Посольство в Константинополе от 6 июля 1868 г. за № 190 // Леонтьев, К. Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты (1865–1872)... – С. 218.
- ⁷⁰ См.: Пашко, Р. Г. Концепция «византизма» Константина Леонтьева... – С. 6.

Александр Пастухов

К вопросу о социокультурных ресурсах евразийского развития*

*Данная статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 07-03-00393а, тема «Исследование социокультурных ресурсов территории в рамках муниципальной реформы: институциональный аспект».

Уже не одно столетие среди российской интеллигенции, ученых, политиков продолжают жаркие споры о путях развития России. В настоящее время эта тема приобретает особую актуальность в связи с процессами глобализации, так как в условиях развития экономикоцентричной миро-системы могут обеспечить свое существование в длительной перспективе только страны обладающие экономической гегемонией, страны, имеющие уникальные восполняемые ресурсы и страны, политика которых основывается на устойчивой самоидентичности. Россия, в на-

стоящее время не имеет экономического лидерства и не обладает достаточным количеством восполняемых ресурсов (кадровый ресурс, передовая технологическая информация, высокий уровень правосознания и трудового сознания).

Поэтому, в соответствии с евразийской теорией А. Дугина, стратегия России в наступившем веке должна исходить из следующего фундаментального принципа: верность историческим константам национального пути, отстаивание исторической уникальности России и русских как государства и народа, как особой культуры и особой цивилизации, с одной стороны, и эффективное и своевременное участие в динамике новой мировой реальности, адекватная реакция на основные тренды мирового развития (на всех уровнях), с тем, чтобы сознательно и планомерно усваивать и развивать одни направления, переориентировать в своих интересах другие и разумно, качественно и успешно противостоять третьим. То есть именно социокультурные ресурсы России должны стать той ресурсной основой, которая будет способствовать дальнейшему стратегическому развитию России.

Соответственно, популярные в российском обществе идеи народовластия, основанные на традициях коллективизма, соборности, подвижничества могут стать тем базисом, на основе которого будет формироваться евразийский путь развития.

По мнению А. Дугина, евразийская политическая модель должна быть основана на императиве соучастия всего общества в принятии основополагающих исторических решений, на подлинном народовластии. Соучастие народа в своей собственной судьбе – так определяется подлинная демократия. Это соучастие может реализовываться различными способами. Так как Россия представляет собой масштабное стратегическое образование, управление ее стратегическим потенциалом должно быть сосредоточено в руках небольшой группы или отдельного лица, как бы он ни назывался – президентом, монархом, Высшим Советом, вождем и т. д. Такая персонификация власти не противоречит принципу органической демократии в том случае, если общий вектор деятельности высшего лица (группы лиц) государства соответствует основному направлению исторического развития, основывается на константах национального бытия.

На базовом уровне «органическая демократия» предполагает широкую и гибкую систему автономного самоуправления, соотнесенную с культурными, религиозными и профессиональными традициями конкретных общественных групп. В некотором смысле, можно соотнести эту модель с аналогом Советов. Здесь должны действовать принципы «прямой демократии», механизмы коллективной выработки решений, имеющих локальное политическое значение и вписанных в конкретику региона, субъекта федерации, муниципалитета, сельского поселения.

Между стратегическим унитарным принципом верховной власти и дифференцированным плюрализмом автономных групп на низовом уровне, должна существовать гибкая система политической координации в лице органов исполнительной и законодательной власти промежуточного уровня, осуществляющих координацию волеизъявления общин со стратегической линией центрального руководства. Соучастие граждан в развитии России будет максимально эффективным только в том случае, если власть будет контролировать только те аспекты политической, экономической, культурной жизни общества, которые имеют стратегическое значение.

Эта модель, в виде местного самоуправления, стала реализовываться в России с 1990-х гг. и до настоящего времени находится в стадии становления. Однако, отсутствие согласованного понимания этих вопросов у немногочисленных специалистов, представителей органов власти разного уровня, населения, порожд-

дает разные взгляды на задачи и формы организации местного самоуправления, результатом чего является непрекращающаяся борьба за его права и зону ответственности, распределение полномочий. Яркой иллюстрацией этого является история подготовки и введения в действие Федерального закона «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» (№ 131-ФЗ). Широкое предварительное обсуждение этого закона так и не привело к согласованию разных позиций.

Стремление федеральной политической элиты развивать самоуправление в России, что было открыто высказано В. В. Путиным в процессе подготовки Общероссийского муниципального форума, столкнулось со следующими феноменами, характерными для России в целом, которые были выявлены в процессе исследования Аргаяшского, Дербишевского, Хомутининского сельских поселений Челябинской области:

1. Искусственное сдерживание темпов муниципализации на уровне субъекта федерации. Фактически поселения оказались в подчинении муниципальных районов, что противоречит базовым основам самоуправления, и демонстрирует нежелание местной политической элиты содействовать развитию народовласти.

2. Отсутствие институтов муниципального развития. Это способствует ошибочному представлению о муниципальном управлении и роли местного сообщества, недоверию населения к местной власти (взаимному) и местному самоуправлению в целом. При сложившейся ситуации социокультурные нормы, традиции, не становятся ресурсом развития местного самоуправления, а общественные инициативы, местное сообщество не рассматриваются органами государственной власти как ресурс развития поселений.

3. Противоречия в понимании проблем местного самоуправления представителями власти и жителями. При таком понятийном «хаосе», неизбежно возникают сложности межмуниципального взаимодействия, и снижается эффективность государственного управления.

4. Отсутствие последовательного (а не только на период выборов) механизма участия граждан в самоуправлении.

5. Сами граждане не видят необходимости своего участия в изменении ситуации, не готовы к диалогу, к участию в общественной жизни поселения, не владеют навыками управления, организации, знаниями о своих правах и т. д.

6. Отсутствие государственных структур, которые могли бы оказывать поддержку и обучение социально-активных граждан, способствовать формированию местных сообществ.

В результате общее число муниципальных образований Челябинской области уменьшилось с 325 до 317 за счет объединения части территорий. При этом в области появилось более 20 вновь образованных поселений.

Кроме того, широкое распространение получила практика передачи полномочий от сельских поселений муниципальным районам, причем как в части вновь созданных, так и существовавших ранее муниципальных образований. С учетом всех переданных на районный уровень полномочий, как по областному закону, так и по соглашениям, объем решаемых на уровне вновь созданных поселений Челябинской области вопросов местного значения можно оценить в 20–30 % от предусмотренного Законом 131-ФЗ.

Таким образом, для дальнейшего развития самоуправления в России, в соответствии с евразийской моделью развития, предложенной А. Дугиным, необходимо ликвидировать препятствия политического, экономического, социального характера, мешающие формированию российской соборности и самобытности.

Дмитрий Пазий

О блоке понятий теории международного

Когда я беру слово, оно означает
то, что я хочу, не больше и не меньше, –
сказал Шалтай.

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье.

Международные отношения, всемирность, миропорядок, мирополитическое взаимодействие, мировая политика, глобальная политика, международное взаимодействие, мировая система, система международных отношений, международное общество, модель мира, мировое сообщество, всемирная система, международная система, политическая структура мира, мироустройство, международные режимы, глобальное управление, геополитическая модель мира и т. д. Перечень можно продолжить без труда.

Эти понятия и термины соседствуют и сосуществуют в лексиконе наших политологов, ученых-международников. Чувствуется, что подчас это просто синонимы. Различают их также по соотношению объемов: шире – уже. При этом если в сопоставляемой паре понятий одни говорят, что первое шире второго, то другие утверждают прямо обратное. Появляются недоразумения, ученые перестают понимать друг друга. Сложилась ситуация, напоминающая сценки из популярной сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в зазеркалье» Слова одного из героев – Шалтая-Болтая, заявленные презрительно и высокомерно, вынесены в эпитаф. Правда, Шалтай тут же сетует: «Некоторые слова очень вредные. Ни за что не поддаются!»¹

То, что по мере развития и углубления научного знания происходит его дифференциация, явления нормальные. При этом в пределах одной науки возникают новые субдисциплины. Например, политическая наука (политология) сегодня «распочковалась» на добрых полтора десятка дисциплин: политическая социология, политическая психология, геополитика и т. д. Заметим, что при этом никто не ставит под сомнение существование политологии как таковой. С другой стороны, возникают все новые области знания на стыке наук – междисциплинарные науки. Именно здесь происходит зачастую наиболее быстрый прирост нового знания как результат синтеза, «перекрестного опыления». Естественно, что возникают новые понятия и категории, обогащающие науку.

Однако есть и обратная сторона медали, по сути носящая псевдонаучный характер. Имеется в виду неистребимая тяга части ученых к введению в оборот новой терминологии для того, что уже имеет свое понятийное выражение. В итоге множится терминология для обозначения одного и того же явления, либо наоборот устоявшемуся понятию дается совершенно иная трактовка и происходит это совсем не обязательно из желания сказать свое слово. Чаще всего механизм тут иной. Добросовестно углубляясь в изучение какого-либо явления, автор как бы «замыкается» на выбранном им аспекте рассмотрения и свою увлеченность подчас закрепляет терминологически через введение нового термина. Возникает путаница, что влечет за собой дискуссии и бесконечные, зачастую бесполезные спо-

ры «о понятиях». Полагаем, что нечто подобное произошло и в теории международных отношений.

Первый вопрос, который появляется в связи с этим: какое из множества понятий, перечисленных в начале статьи, является обобщающим, базовым, родовым? Видимо, содержательно – это «глобальная (всемирная) система международных отношений». Много слов для одного понятия. Если их «свернуть», то как аналог, априори и как рабочее понятие предлагаю «международье». Этот термин ввел в оборот великий русский мыслитель, писатель и публицист Александр Исаевич Солженицын – знаток русского языка и тонко его чувствующий человек. На первый взгляд звучит неприемлемо. Слишком величественно, но зато созвучно скажем «мирозданию», только применительно к человечеству. В частности понятием «международье» А. И. Солженицын пользуется в программной статье, написанной им в рамках интеллектуального проекта «Какой быть России» газеты «Аргументы и факты»².

Наибольший интерес представляет анализ соотношения понятий «международные отношения» и «мировая политика», дискуссия о которых длится в нашей литературе вот уже полтора десятилетия. Вырисовывались, как минимум, четыре варианта толкования: а) мировая политика и международные отношения синонимы; б) это рядоположенные и различные понятия; в) мировая политика шире, чем международные отношения; г) мировая политика – понятие более узкое, чем международные отношения.

Если «международные отношения» – это уже классика политологии, то «мировая политика» у нас новояз. Правда, это научное направление – мировая политика – сформировалась на Западе еще в 70-е гг. XX в. в рамках неолиберализма. Теория международных отношений давно конституирована даже как учебная дисциплина. Но стремительно ворвавшаяся в научные исследования теория мировой политики тоже скоропалительно включается как учебная дисциплина в стандарты подготовки ряда специальностей. В 2004 г. появился первый отечественный учебник М. М. Лебедевой «Мировая политика», написанный в соответствии с программой, утвержденной Министерством образования России. Понятно, что взгляды М. М. Лебедевой уже потому заслуживают внимания.

Немного удивляет, что автор учебника «Мировая политика» не дает четкого определения этому понятию. Зато во врезке с пометкой «Это важно» М. М. Лебедева дает пять отличительных, специфических характеристик мировой политики³. Проанализируем их. Во-первых, отмечает М. М. Лебедева, истоки мировой политики уходят в исследование международных организаций, международных политико-экологических процессов, сравнительной политологии, теоретических исследований международных отношений. Но разве устоявшаяся теория международных отношений (ТМО) не изучает все это, спросим мы у Марины Михайловны?

Во-вторых, мировая политика занимается проблемами современного состояния, а также тенденциями развития мировой политической системы. Всем этим занимается и ТМО, достаточно посмотреть любой учебник по ней.

В-третьих, по М. М. Лебедевой, специфика мировой политики состоит в том, что она в качестве участников международного взаимодействия рассматривает не только государства и межправительственные организации, но и негосударственных акторов. Помилуйте, давным-давно, уже к примеру, в фундаментальной трехтомной монографии «Международные отношения после второй мировой войны» международные отношения определяются как «совокупность экономических, по-

литических, идеологических, правовых, дипломатических и иных связей и взаимоотношений между народами, между государствами и системами государств, между основными социальными экономическими и политическими силами, действующими на мировой арене»⁴. А вышла эта монография еще в 1962 г. И через двадцать лет в трехтомном «Дипломатическом словаре», вышедшем в 1984–1986 гг., это определение повторяется слово в слово.

В-четвертых, мировая политика, по утверждению автора, рассматривает международные проблемы во взаимосвязи друг с другом и в едином общемировом контексте. Опять же заметим, что все это характерно и для ТМО. Наконец, в пятых, М. М. Лебедева отмечает, что мировая политика не делает резкого противопоставления между внутренней и внешней политикой. Действительно, в советский период в литературе бытовал довольно привлекательный тезис о самостоятельности и независимости внешней политики от внутренней. Однако эта позиция не была всеобщей. Еще В. И. Ленин выдвинул положение об ошибочности и вредности идеи о том, что можно рассматривать внешнюю политику изолированно, в отрыве от внутренней политики, а тем более их противопоставлять⁵. Концепция взаимосвязи и взаимообусловленности внутриобщественных и международных отношений с разной интенсивностью, но жила в науке даже советского периода. Приписывать ее теории мировой политики как новацию, нет особых оснований. Обратимся теперь к содержанию учебника М. М. Лебедевой «Мировая политика». Из 16 глав в их названии лишь в четырех фигурирует понятие «мировая политика». Остальные посвящены проблемам глобализации мира, изменению системы международных отношений и политической структуры мира, проблемам безопасности, контроля над вооружениями, конфликтам в современном мире, проблеме отношений «Север-Юг», внешней политики и дипломатии, глобальному управлению и т. д. Получается довольно случайный и сумбурный набор тем теории международных отношений, политической глобалистики, политологии и др.

Завершая сопоставление международных отношений и мировой политики, М. М. Лебедева пишет: «В целом же в данной области как науки, так и практики наблюдается, скорее, терминологическая избыточность»⁶. Очень здравая мысль и касается она, думается, прежде всего самой мировой политики.

Обратимся теперь к тем исследованиям, авторы которых однозначно выступают за дихотомию международных отношений и мировой политики. Опустим статьи, носящие подчас слишком большой полемический запал, а рассмотрим учебные пособия. Учебник – это всегда что-то уже устоявшееся в теории, общепринятое. В 2005 г. в Санкт-Петербурге вышло учебное пособие, рекомендованное УМО по классическому образованию, авторы, которого недвусмысленно заявляют свою позицию уже в его названии: «Мировая политика и международные отношения» под ред. С. А. Ланцова и В. А. Ачкасова. Первый параграф, как и следовало ожидать, посвящен соотношению категорий «международные отношения», «международная политика» и «мировая политика».

Авторы отмечают, что мировая политика отличается от международной политики предшествующих столетий и по содержанию проблем стоящих в ее центре, и по характеру субъектов, действующих в ее рамках. С этим подходом в историческом аспекте трудно спорить. Но заметим, тут еще ни слова о международных отношениях, речь только о политике.

«Мировая политика», – утверждают авторы, – зародилась и выросла на фундаменте международных отношений и представляет с ними единый и неразрывный комплекс. Однако полного тождества между обеими частями этого комплек-

са нет. Мировая политика включает и международную политику, но не сводится к ней, она шире по своей проблематике и по числу задействованных в ней субъектов»⁷. Сразу же возникает по меньшей мере три вопроса, которые хотелось бы задать авторам. «Единый и неразрывный комплекс» – что это такое, каким понятием его можно обозначить? Если полного тождества между частями комплекса нет, то означает ли это что «неполное» имеется и в чем оно состоит? Наконец, во второй половине приведенной цитаты «международные отношения» незаметно подменяются «международной политикой». Для авторов это различные понятия или синонимы?

Далее, если мировая политика шире чем международная, то буквально на следующей странице, противореча себе при определении предмета теории международных отношений авторы включают в него и «комплексное исследование отдельных вопросов мировой политики»⁸. Однако дочитаем учебное пособие до конца. Оно состоит из трех частей в названии двух из них значатся «международные отношения», а в одной «мировой политической процесс». Книга объемная, в ней 79 (!) параграфов, в названии 12 из которых фигурируют «международные отношения» и лишь в одном «мировая политика». Этот параграф называется «Мировая политика и мировая экономика в условиях глобализации». Но вот парадокс, в самом тексте содержится характеристика феномена глобализации и «международных отношений глобального мира» и ни разу термин «мировая политика» даже не упоминается. Одним словом, авторы своей работой блестяще показали, что одно из двух понятий: мировая политика и международные отношения оказывается не нужным, не работающим. И это понятие – мировая политика.

Особое место в ряду публикаций посвященных соотношению мировой политики международных отношений занимает работа крупнейшего нашего политолога-международника Алексея Демосфеновича Богатурова. В 2004 г. в журнале «Международные процессы» опубликована его статья «Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе». Эту блестящую работу следует признать рубежной, знаковой в дискуссии о мировой политике. В ней в обобщенном виде дается история возникновения и применения этого понятия в исследованиях по международной проблематике, подводятся по сути итоги дискуссий и сделано это обстоятельно, доказательно.

А. Богатуров задачу своей статьи определил так: «достроить понятие мировой политики на базе анализа методологического соотношения между исследованиями мировой политики, с одной стороны, и международных отношений, с другой»⁹. Хотя в полной мере ему это не удалось, но один «этаж», где-то уже ближе к «крыше», автор построил.

Особо значимы его семь развернутых тезисов о концепции мировой политики. В тезисе пятом А. Богатуров приводит определение: «мировая политика – это сфера нерасчлененного взаимодействия между субъектами международных отношений по поводу как их действий в отношении друг друга и решения общемировых проблем, так и политики каждого из них в отношении собственных внутренних проблем и ситуации»¹⁰. Обратим внимание, что в центре определения стоят все те же «международные отношения». В завершение статьи автор приводит таблицу предметов исследования международных отношений и мировой политики, где три колонки: составляющие международных отношений, мировой политики и предметы «общей компетенции». Надо заметить, что таблицы и схемы – вещь обоюдная и опасная. С одной стороны они позволяют предельно четко выявить суть концепции или теории с другой стороны – высвечивают недостатки и погрешности, если они, конечно, есть. Не избежал этого и автор статьи. Так, со-

гласно таблице в предмет мировой политики входят: социологические и политико-психологические аспекты международных отношений, деятельность международных криминальных сетей, международные организации неформального в том числе сетевого типа (антиглобализация, «международная амнистия», «Гринпис», интегристские движения и НПО, экологические движения, роль ТНК. Но почему все это вдруг стало невозможным изучать в теории международных отношений? Далее, если объединить эти три предметных поля, в одно, частями которого они являются, то что это будет за целый объект исследования, как его терминологически обозначить?

А. Богатуров пишет, что оптимальным вариантом взаимоотношений науки о международных отношениях и мировой политики видится их равноположенное развитие как сопредельных субдисциплин. Но если это субдисциплины, то должна быть и дисциплина суб-которыми они являются. Что это за дисциплина? Ответа нет. Еще один момент привлекает в статье А. Богатырева, когда он пишет, что в среде западных ученых понятие мировой политики стало функционировать в профессиональном дискурсе де-факто в роли эвфемизма для обозначения того, что сейчас уже без ложной стыдливости называется «американской империей». Действительно, можно понять американских ученых: как-то неудобно либералам употреблять понятия типа «однополюсный мир», «мировая империя», и они нашли приемлемый, идеологически нейтральный термин – «мировая политика». Ну а нам-то зачем это делать?

Всякое понятие или категория имеет свою семантику, и чем содержание понятия ближе к ней, тем эффективнее оно «работает» в науке. Однако раскроем любой научный словарь и убедимся, что подавляющее число понятий очень приблизительно соответствует своему семантическому корню и почти никогда не бывает ему тождественно. Отсюда полагаем, что при оценке содержания понятия «международных отношений» нельзя слишком уж буквально их толковать как «отношения между народами» и тем более включать в него только межгосударственные взаимодействия. Такое истолкование действительно подталкивает к порождению термина «мировая политика», когда авторы заикливаются на семантике «международных отношений». Конечно, международные отношения могут пониматься узко как система межгосударственных взаимодействий. Это пройденный этап. Сегодня приемлемо расширение этого понятия за счет включения новых единиц взаимодействия, таких, как неправительственные организации, транснациональные корпорации и т. п.

Расчленять взаимосвязанный и взаимозависимый сегодняшний мир на две части – международные отношения и мировую политику – как рядоположенные, некорректно в когнитивном отношении, малоаргументированно, малопродуктивно и нецелесообразно. Это может привести к ряду ошибок в оценке мирового политического процесса искаженным результатам в его исследовании. Другое дело – использование понятия мировая политика вместо «международных отношений», имея в виду расширение и углубление транснациональных явлений. Думается, что и теория международных отношений вполне не только может, но и должна включать в себя изучение новых явлений, в том числе и новых акторов мирового политического процесса.

Однако полагаю, что и теории международья (глобальной системы международных отношений) в ряду других понятий может быть найдено место и мировой политике. На наш взгляд, мировая политика может быть конструирована как футурологическое понятие. Теоретически можно допустить, что однополюсность

мира, когда-либо утвердиться и тогда политика, проводимая Соединенными Штатами, может быть названа «мировой». Или же, под грузом глобальных проблем современности и стремлении их разрешить, человечество дойдет до необходимости создания мирового правительства с полномочиями принимать решения обязательные для всех силой для их реализации. Для такой политики и предлагаем «зарезервировать» понятие «мировая политика». Может в отдаленном будущем оно и сгодится.

Представляет интерес выяснение соотношения понятий «мировая политическая система» и «структура международных отношений». Общепринято в современной науке, воспринявшей системный подход, под системой понимать целое, составленное из частей, то есть совокупность элементов, находящихся в отношениях (связях) друг с другом. Что касается элементов, ясно – все акторы мирового политического процесса. А вот отношения и связи в системной теории обозначаются понятием «структура». Заменяем «международные отношения» структурой и получаем тавтологию. Структура мировой системы есть международные отношения, то есть «структура» мировой системы – понятие оказывается излишним. Однако в науке указанное понимание структуры не общепринято. Понятие «структура» трактуется и как выражающее лишь то, что остается устойчивым, относительно неизменным при различных преобразованиях систем. Видимо, в этом значении можно говорить о структуре мировой политической системы. Но тогда нужно и понятие, фиксирующее изменения в ней. С некоторой натяжкой это может быть понятие «мировой политической процесс».

Понятие «политическая система мира» имеет право на существование, поскольку не всегда оно имело характер международных (межнациональных) взаимодействий. Так, Б. Бузан и Р. Литтл в книге «Международные системы в мировой истории» выделяют четыре этапа в развитии политических отношений в мире. Это домеждународный этап, характерный для периода первобытнообщинных отношений на земле. Второй этап – начальная (древняя) и классическая международные системы. Третий этап, начинающийся примерно с XVI в., связан сначала с взаимодействием средневековых городов-государств католической церкви, монастырей и др., а затем переходит во взаимоотношение сформировавшихся государств-наций. Конец XX – начало XXI в. характеризуется четвертой международной системой, имеющей свою специфику¹¹. Можно дискутировать по поводу количества этапов. Так, третий этап может быть без труда разделен на два периода. Но, исходя из того, что этап собственно международных отношений лишь один из этапов мировой истории, требуется понятие, обобщающее все этапы. В этом отношении «политическая система мира» имеет свою когнитивную нишу. Правда, при этом надо иметь в виду, что с точки зрения системного анализа, не все периоды взаимоотношений в мире полностью соответствуют критериям системы. Всеохватным в русскоязычной литературе могло бы стать понятие «мирунорое». К сожалению, слово это буквально не переводимо на другие языки и поэтому повторимся еще раз: «мирунорое» можно считать синонимом «глобальной политической системы мира».

Всемирная система международных отношений – явление настолько сложное и многоуровневое, что для его исследования требуется целый ряд понятий, рассматривающих мирунорое в различных аспектах. Помимо уже рассмотренных, нельзя обойтись без таких понятий как «баланс сил», «мировой порядок», «геополитическая модель мира» и т. п. Но назрела необходимость их унификации, приведения в систему. Только не путем конституирования понятий в ГОСТах Минобразования. Нужна широкая дискуссия научной общественности, которую органи-

зовать могли бы международные издания, в том числе такие журналы, как «Международные процессы», «Мировая экономика и международные отношения».

Примечания

- ¹ Кэрролл, Л. Алиса в стране чудес. Алиса в Зазеркалье : сказки / Льюис Кэрролл. – Минск, 1993. – С. 155.
- ² Солженицын, А. Что нам по силам? / А. Солженицын // Аргументы и факты. – № 5. – 2008. – С. 3.
- ³ См. : Лебедева, М. М. Мировая политика : учеб. для вузов / М. М. Лебедева. – М., 2003. – С. 56.
- ⁴ Цит. по: Политология на российском фоне : учеб. пособие / под ред. П. И. Симуша. – М., 1993. – С. 375.
- ⁵ См.: Ленин, В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 32 / В. И. Ленин. – С. 335.
- ⁶ Лебедева, М. М. Мировая политика / М. М. Лебедева. – М., 2003. – С. 59.
- ⁷ Мировая политика и международные отношения / под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. – СПб., 2005. – С. 19.
- ⁸ Там же. – С. 20.
- ⁹ Богатуров, А. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе / А. Богатуров // Междунар. процессы : журн. теор. междунар. отношений и мир. политики. – 2004. – Т. 2. – № 1 (4), янв.-апр. – С. 17.
- ¹⁰ Там же. – С. 30.
- ¹¹ См.: Buzan, B. International system in world history : Remaking the study of international relations / B. Buzan, R. Little. – Oxford, 2000.

*Андрей Волынчук
Вячеслав Шведов*

Опыт предварительного определения состава геополитического потенциала

Конец XX – начало XXI в. отмечены усилением интереса к геополитике, что обусловлено нарастающим динамизмом и усложнением политической жизни человечества¹. Однако этот, в целом позитивный, процесс сопровождается определённой долей профанации данной науки, признаками чего являются:

- умножение числа концепций, созданных исключительно на основе субъективных умозаключений;
- попытки перевода геополитики в разряд неких «метанаук»²;
- вымывание из её содержательной части территориального компонента, который изначально являлся инструментом геополитического анализа.

Развитие этих тенденций представляется неблагоприятным с научной точки зрения и небезопасным в области практической деятельности. Одним из средств выправления сложившейся ситуации представляется возвращение геополитики к её географической основе. Безусловно, из-за своих «технической» и содержательной сложности, данная задача не может быть решена в ближние сроки. Значит, логично подходить к ней с начальной позиции, опора на которую позволит затем продвигаться вперёд на поэтапно выстраиваемой основе. В данной связи особую

важность приобретает углубленная разработка понятийно-терминологического аппарата современной геополитики³. Это обусловлено следующими причинами:

- очевидно, что круг устоявшихся и наиболее употребляемых геополитических терминов и понятий достаточно узок и не справляется с отражением всего многообразия соответствующей стороны жизни общества;
- большая их часть была сформулирована в конце XIX – начале XX столетий, и потому многие из них объективно нуждаются в корректировке;
- происходящее внедрение новых терминов имеет несколько хаотичный и конъюнктурный характер, не сопровождается их смысловым раскрытием;
- сложившийся понятийно-терминологический аппарат геополитики формально слабо связан с географической основой, что является нонсенсом для науки, занятой изучением «пространственного могущества».

В числе терминов, требующих к себе внимания с точки зрения раскрытия и обоснования их внутреннего содержания, находится геополитический потенциал (ГПП) региона. Особый интерес к данной понятийной категории объясняется её значением, которое состоит в следующем:

- она вмещает в себя всю совокупность разнородных факторов, с помощью которых то или иное государство может решать «на местах», в пределах своего территориально-политического контроля, конкретные геополитические задачи;
- ею определяется значимое соотношение между упомянутыми факторами. В результате становятся возможными выявление существующих между ними взаимосвязей, специфика их взаимодействия, разработка подходов к оптимизации их взаимодействия.

Особую актуальность прояснение данных позиций имеет для размерно-крупных стран постольку, поскольку региональные различия в их пределах могут иметь контрастный характер. А игнорирование этих неоднородностей зачастую оказывается чревато негативными последствиями в осуществлении демографической и социальной политики, регулировании межэтнических и межконфессиональных отношений, выработке экономической и оборонной стратегии. Оно же служит основой формирования ложной самооценки какой-либо страной своих возможностей в реализации тех геополитических интересов, которые направляются ею «вовне» с территории избранного для этой цели «своего» региона. Таким образом, определение состава, оценка регионального геополитического потенциала, поиск возможностей его практического использования и «улучшения» играют важную роль в укреплении территориально-политических позиций государства в целом.

Введение в научный оборот термина «геополитический потенциал» относится ко времени становления классических идей геополитики (конец X – середина XX в.). Но происходило оно интуитивно, вне чёткой формулировки соответствующего определения и его раскрытия. В дальнейшем такое положение создало широкий разброс в авторском понимании ГПП. Положение изменилось лишь недавно, когда геополитический потенциал было предложено рассматривать как «максимально возможную реализацию комплекса географических факторов данной территории выражающуюся в степени её существующего влияния на соседние страны». Данное определение представляется достаточно полным потому, что им отражено основное функциональное назначение ГПП – использование государством различных возможностей составляющих его регионов для решения своих краткосрочных и долгосрочных геополитических задач. При этом озвученный в нём географический «акцент» обусловлен, как минимум, двумя причинами:

– формальной, основанной на зарождении и становлении геополитики как части географической науки;

– фактической, обусловленной тем, что любое геополитическое явление зарождается и разворачивается в пределах геосреды. Эта зависимость всеобъемлюща и априорна; следовательно, категория геополитического потенциала не может быть выведена за её рамки.

Заметим, что приведённое определение ГПП предполагает дальнейшее раскрытие его содержания. Это непростая задача, так как неизвестны (следуя от начального понятийного уровня к более сложным):

– состав того факторного ряда, который формирует состав геополитического потенциала региона;

– критериальный (качественный или количественный) характер оценок компонентов, составляющих этот ряд;

– подходы к определению соотношения значимости выявленных факторов между собой;

– принципы унификации их оценок в том случае, если таковые по своим критериям оказываются несопоставимы друг с другом;

– принципы итогового формирования сбалансированного оценочного «облика» ГПП региона.

Очевидно, что главным методологическим приёмом разрешения поставленной проблемы является поэтапная ликвидация перечисленных неясностей. Т. о., первым шагом к разрешению более сложных вопросов является определение ряда тех факторов, которые образуют геополитический потенциал региона. При этом следует учитывать следующие моменты:

– геополитический потенциал территории – понятие, заведомо включающее в свой состав много разнородных в топологическом отношении схем. Поэтому оно трудно поддаётся формализации – как в целом, так и по отдельным его составляющим;

– выполненная авторами работа имеет предварительный характер, и потому не претендует на полное исчерпание затронутой проблемы.

Исходя из существующего определения ГПП, его внутренний состав следует рассматривать как систему сосредоточенных в пределах какого-либо региона различных, но взаимосвязанных географических факторов, которые (как вместе, так и по отдельности) служат своеобразным инструментарием в решении государством двуединой задачи:

– удержания в своём составе определённого региона – места сочетания- размещения этих факторов;

– их использования в процессе осуществления своего прямого или косвенного влияния на вполне определённое зарубежное пространство.

Для удобства рассмотрения, эти факторы можно, с некоторой долей условности, разделить на несколько блоков, за основу выделения которых берётся преобладающая факторно-функциональная специфика их слагающих.

Первоочередного внимания заслуживает математико-географический блок. Он предельно прост по своему наполнению и не имеет внутреннего дробления на отдельные факторы. Однако эта простота имеет чисто внешний характер. Математические параметры являются универсальной основой для чёткой пространственной локализации любых геополитических явлений, определяя «языком» цифр их координаты, конфигурацию, размерность, а так же – метрически исчисляют их размещение как друг относительно друга, так и географических объектов иных

качественных свойств. Каждая геополитическая данность, взятая вне математико-географической системы, оказывается, образно говоря, вмещённой в «никуда». В результате, все связанные с ней характеристики, в том числе – и потенциального характера, приобретают отвлечённый, абстрактный вид. А это, в свою очередь, лишает смысла целесообразность её рассмотрения: нельзя всерьёз говорить об изучении какого-либо территориально идентифицируемого явления, не зная ни точного места его расположения, ни размеров и очертаний его проявления.

Итак, математико-географический блок позиционирует изучаемый регион на земной поверхности, чем и обеспечивает первичный доступ к знакомству с составом его внутреннего геополитического потенциала.

Физико-географический блок ГПП включает в себя сочетание тех естественных факторов, которые допускают (или лимитируют) осуществление геополитической деятельности в конкретном регионе. Очевидно, не требует дополнительных доказательств утверждение того, что если регион вмещён в общем благоприятные для жизнедеятельности людей природные условия, это усиливает его потенциальную геополитическую ценность. Обратная ситуация влечёт за собой такие следствия, как:

- изначально ослабленный интерес к «суровой» территории со стороны, как государства-суверена, так и зарубежных стран;

- снижение возможности её самореализации в качестве активного субъекта геополитической деятельности.

Состав данного блока обширен, что представляется оправданным, так как состояние ГПП напрямую (хотя и с разной степенью силы и интенсивности проявлений) зависит от многих физико-географических факторов. Здесь будут рассмотрены те из них, которые представляются наиболее существенными.

Ведущая роль среди них должна отводиться общей комфортности природно-климатических условий суши. Такая оценка обусловлена тем, что именно поверхность земной тверди является естественной средой обитания человечества как биологического вида, и именно на ней сосредотачиваются, по преимуществу, все виды его деятельности, в том числе – и геополитическая. Этот фактор объёмен, и включает в себя всё разнообразие режимных показателей климата, характеристику рельефа, гидросети, растительного покрова. Все они, как вместе, так и раздельно, способны существенно влиять на потенциальные геополитические возможности проживающего в местах их различных сочетаний социума.

В тесной связи с данным фактором находится фактор природно-ресурсного потенциала. Его рассмотрение традиционно связывают с экономической или геоэкологической характеристиками региона. Но следует признать, что богатые естественные ресурсы служат первичным источником материальной вооружённости (в прямом и переносном смысле) любого субъекта геополитической деятельности. Следовательно, чем богаче природно-ресурсная обеспеченность территории, тем с большим на то основанием она может служить плацдармом для развёртывания соответствующей региональной (и надрегиональной) активности государства.

В то же время, природно-ресурсный потенциал выступает в качестве того «магнита», который привлекает к себе внимание внешних агрессивных сил. Следовательно, любое государство оказывается поставленным перед необходимостью создания в пределах ресурсообеспеченных регионов системы разносторонних защитных мер, которые оказываются нацелены на сохранение своего суверенитета над этой территорией. Таким образом, природно-ресурсный потенциал занимает в составе ГПП своеобразное двойственное положение, что лишь усиливает его значение.

Следующим физико-географическим фактором является приморское положение – категория достаточно сложная. На первый взгляд, её потенциальная геополитическая ценность имеет «чисто» размещенческий характер, «автоматически» обеспечивая возможность:

- развития оперативных и широких контактов между не соседствующими друг с другом на суше территориями;

- предоставляя возможность для обладания таким важным «аргументом» экстремальных геополитических отношений, как военно-морские силы.

Однако естественные условия приморских территорий, равно как и прилегающих к ним акваторий, далеко не всегда способны оправдать возлагаемые на них геополитические надежды. При оценке ГПП следует учитывать не столько сам факт приморского положения региона, сколько конструкционные условия его побережья (изрезанность береговой линии, наличие защищённых бухт и гаваней) и характеристику навигационных условий прилегающей к нему акватории. Лишь их благоприятное сочетание действительно способно сыграть соответствующую роль, усиливая потенциальные геополитические возможности приморской территории.

Наконец, в число факторов физико-географического блока следует включать наличие в пределах региона «рассечённых», то есть трансгранично расположенных естественно-природных объектов.

Известно, что сложившаяся сеть межгосударственных границ в целом имеет определённую тенденцию тяготения к «вписыванию» в существующую пространственную систему природных (в первую очередь – речных и орографических) рубежей. Но на практике данное совпадение реализуется нечасто, что объясняется следующим:

- ход исторического процесса территориально-политического размежевания отличается предельной сложностью и потому сообразуется отнюдь не с одними лишь реалиями физической географии;

- природные рубежи далеко не всегда оказывались удобными «местоположениями» для проведения линий межгосударственного разграничения

В результате, границы между странами зачастую рассекают множество физико-географических объектов, что служит дополнительным источником усложнения геополитических отношений. В основном, такое положение дел обусловлено хотя и достаточно отвлечённым, но, тем не менее, традиционно стойким стремлением той или иной страны к достижению неких (тракуемых ею в свою пользу) естественных рубежей.

Если тот канал формирования геополитической проблематики традиционен, то другой, так же обусловленный трансграничностью физико-географических объектов, при первом приближении, не столь заметен. Однако по существу связанных с ним проблем, он представляется не менее важным. Его наличие определено издержками процесса ресурсопользования, когда одна из частей разделённого между государствами физико-географического пространства становится источником трансграничного переноса антропогенных загрязнителей либо распространения негативных экологических процессов на другую её часть. Эта ситуация вполне может быть переведена государством-реципиентом в плоскость геополитической проблематики и стать причиной обострения отношений со страной-создателем экологического негатива.

Т. о., геополитическая значимость региона, имеющего в своём составе трансграничный физико-географический объект, оказывается более существенной,

чем региона, такого объекта не имеющего. Следовательно, его геополитический потенциал следует рассматривать как более высокий.

Итак, общее значение физико-географического блока в составе ГПП велико. Но вывод о его преобладании был бы ошибочным. Не менее важен и вклад, вносимый в формирование геополитического потенциала общественно географической составляющей. Это утверждение обусловлено следующим:

– с одной стороны, осваивал геосреду, различные социумы активно приспосабливаются к многообразию её условий. В результате, их общественная жизнь обретает определённый ритм, который, учитывая ход природных явлений, как бы «перестаёт замечать» их. Нарушить эту закономерность могут лишь какие-либо ярко выраженные природные катаклизмы;

– с другой – непрерывно нарастающая активность людей трансформирует географическую оболочку Земли, обращая её в антропогенизированное «поле деятельности» человечества, всё более отличающееся от оригинала.

В результате развития данных тенденций естественное окружение давно утратило полностью определяющее влияние на ряд сторон жизни людских сообществ, в том числе – и на территориально-политическую. Это подтверждено теми примерами, когда геополитическая целесообразность заставляет то или иное государство игнорировать лимитирующие природные факторы, и не считаться при этом ни с какими затратами на их преодоление ради достижения соответствующих целей. Т. о., общественный блок ГПП образует те составляющие, которые, безусловно, не оторваны от естественно-природной основы, но при определённых условиях могут рассматриваться как слабозависящие, либо вовсе не зависящие от неё. Рассмотрим их по порядку.

Социо-географический фактор слагают те характеристики, которые рассматривают население региона и как объект, и как субъект геополитической деятельности. Некоторые из них традиционны:

- численность и размещение населения;
- его этно-конфессиональный состав;
- особенности демографической и миграционной ситуации в регионе.

Эти характеристики широко применимы в демографии, географии населения и экономической географии. Потому их включение в состав ГПП не оригинально. Но без них нельзя составить полного представления о «человеческом ресурсе» региона и его динамике. Невозможно рассматривать геополитические возможности территории, не зная, сколько людей проживает на ней, как они размещаются по ней, какой национальный и религиозный «субстрат» образуют, а также – какими темпами и за счёт каких «механизмов» убывает или прибывает местная людская популяция. Кроме того, эти общие позиции дополняются специфическими, нацеленными на «геополитически суженную» оценку населения региона. В их числе находятся:

– тот мобилизационный потенциал населения территории, который может быть оперативно задействован здесь в каком-либо виде геополитической деятельности – от участия в выборах до участия в боевых действиях.

– уровни осознания жителями региона своей моральной (региональный патриотизм) и материальной (меркантильный фактор) привязанности к определённой территории, а так же – готовности отстаивать её от внешних посягательств как на вербально-доказательном уровне, так и действительно.

– степень лояльности жителей региона существующим общегосударственным ценностям. С одной стороны, ею отражается осознание ими единства с населением ос-

тальной части страны, политической неразрывности с нею места своего проживания. С другой – она же определяет наличие, формы мотивации, широту распространения и устойчивость среди местного населения сепаратистских настроений.

Экономико-географический фактор образуется той материальной основой, которая создаётся обществом в процессе целенаправленных ресурсо- и трудовых затрат. Его составляют отраслевые, технологические, результативные и размещенческие показатели сосредоточенных в регионе производственных мощностей, транспортной и телекоммуникационной сетей, которые следует рассматривать с позиции геополитической оценки. Так, в индустриальном секторе основное внимание должно уделяться количеству, местоположению, производственным мощностям и объёмам производства предприятий регионального военно-промышленного комплекса. Это суждение исходит из того факта, что число единиц, качество и тактико-технические характеристики производимых на них вооружений самым непосредственным образом усиливают геополитическую значимость территории – места их производства.

Данный аспект имеет особое значение ещё и потому, что фактор размещения предприятий военно-промышленного комплекса зачастую оказывается индикатором региональных устремлений или опасений той или иной страны. Примером тому служит советский период развития юга российского Дальнего Востока, когда большинство размещённых здесь промышленных предприятий имело оборонное назначение. Это обстоятельство позволяло слабо заселённому и, в целом, экономически несамодостаточному региону представлять собой адекватный геополитический ответ территориям-«антиподам» – Северо-Восточному Китаю и Тихоокеанским штатам США. В результате, Советский Союз в течение достаточно долгого времени обладал обширной сферой территориально-политического влияния в Пацифике.

Вместе с тем, оценка индустриальной составляющей ГПП должна включать в себя не только те предприятия, которые входят в военно-промышленный комплекс «напрямую», но и могут быть оперативно включены в его состав. Такой подход обусловлен двумя причинами, согласно которым:

- подобные предприятия не являются оборонными формально, но часть выпускаемой ими продукции может иметь военное назначение;
- при необходимости их технологический процесс может быть оперативно переведен на милитарную основу.

Сельскохозяйственное производство при оценке ГПП рассматривается с позиций его реальной и перспективной возможности в выработке продукции и материалов стратегического назначения. Причём показатели здесь могут иметь как общее, так и специальное назначение. Первые из них в данном случае учитывают ценность территории, как производителя жизненно необходимых сельскохозяйственных продуктов – продовольствия, промышленного сырья широкого назначения, медицинских ингредиентов.

Показатели специального назначения отражают более «узкие», но не менее существенные данные, которые могут свидетельствовать о возможности проявления конкретных подвижек в региональной геополитической обстановке. Иллюстрацией тому служит один из эпизодов сельскохозяйственного освоения бассейна Амура. В конце X в., по данным британской разведки, почти 70 % посевных площадей Амуро-Зейской равнины было занято посевами овса – важнейшей для своего времени фуражной культурой. На основании этих сведений был сделан вывод о ско-

ром развёртывании Россией на этой территории крупного воинского контингента, что ускорило заключение в 1902 г. англо-японского военно-политического альянса.

Назначение коммуникационной инфраструктуры состоит в перемещении людей, грузов и передаче информации. Разумеется, что если эта задача выполняется в условиях высоких объёмных и скоростных обменов, территория их осуществления обретает положительно характеризующие её качества внутреннего и внешнего динамизма. Первое из них обеспечивает внутреннее единство региона. Второе обеспечивает интенсивность межрегиональных обменных связей – как на внутри-, так и на межгосударственном уровнях. Т. о., территория, обладающая развитой и эффективно работающей коммуникационной сетью, имеет и более ёмкий ГПП, нежели лишённая таковой.

Военно-географический фактор составлен теми слагающими, которые имеют непосредственное отношение к взятой в «чистом» виде военной стороне ГПП. Его значение состоит в том, что:

- именно военный компонент может оказаться «конечным доводом» сдерживания внешней агрессии и непосредственно обеспечить безопасность региона, гарантию его сохранности в составе страны;

- он же является одним из основных инструментов как опосредованного (потенциальная возможность его применения), так и прямого (непосредственное применение) отстаивания тем или иным государством своих геополитических интересов на зарубежном пространстве.

Весомость этого фактора определяется главным образом характеристикой размещённых в регионе воинских частей и специальной инфраструктуры (укрепрайонов, складских баз, полигонов и т. д.). Чем более существенными показателями по данным позициям обладает регион, тем более ёмок его ГПП.

Вместе с тем, наряду с этой, материальной, характеристикой, военно-географический фактор обладает ещё одной гранью «чисто» информационного свойства. Её составляет комплекс знаний об опыте ведения боевых операций в пределах конкретного региона и на прилегающих к нему территориях.

На первый взгляд, эти сведения могут быть расценены лишь как справочно-познавательные, т. к. базируются они на необратимо устаревающей (в технологическом и моральном отношениях) основе. Однако свод сведений о ведшихся боевых действиях содержит в себе достоверные и осмысленные, эксклюзивные по своему содержанию данные о тех практических действиях, которые осуществлялись в пределах определённой территории в условиях экстремальной геополитической обстановки. Таким образом, он оказывается источником уникального познавательного материала такого свойства, которое ни при каких условиях не может быть предоставлено иными содержательными блоками.

Безусловно, подобная информация, из-за своего естественного устарения, не может являться абсолютно приемлемой в условиях тех перемен, которые происходят по отношению к ней *post factum*. Но её содержание открыто для аналитической коррекции применительно к условиям и реалиям «сегодняшнего дня». Следовательно, она оказывается ретроспективно обоснованной базой для моделирования вариантов современных военных действий. Это превращает её в важное средство подготовки разрешения острых геополитических задач на региональном и межрегиональном уровнях.

Политико-географический фактор в оценке регионального ГПП тоже образуется несколькими составляющими. Первым из них является факт наличия или отсутствия у региона внешних соседей. Его приоритет очевиден, так как геополити-

тический «водораздел» между территориями, не имеющими выхода на государственную границу и имеющими таковой, всегда заметен. Последние неизменно являются теми непосредственными «проводниками», с помощью которых страна в той или иной форме оказывает своё влияние на прилегающее внешнее зарубежье. В то же время, они представляют собой субъекты разностороннего обратного воздействия. Всё это делает обязательным учёт следующих обстоятельств:

- добрососедские межгосударственные отношения могут внезапно и достаточно быстро смениться враждебными;
- дружественный внешний сосед в результате агрессии «третьей» страны может смениться на недружественного;
- территориальный контакт с расположенной по ту сторону внешнего рубежа «горячей точкой» может существенно влиять на геополитическое состояние приграничного региона в любой политически стабильной стране;
- тот официальный конструктив, который существует между соседствующими государствами, может сочетаться с трансрубежной напряжённостью на региональном уровне;
- регион, служащий субъектом как «экспорта», так и «импорта» геополитического влияния, оказывается «зоной естественного притяжения» к себе внимания со сторон и собственного центрального правительства, и граничащего с ним зарубежного государства.

Далее, при рассмотрении роли политико-географического фактора, необходимо учитывать наличие политических и (или) экономических соглашений между страной-сувереном региона и соседствующим с ним зарубежным государством или государствами.

Наиболее характерен для данного случая пример, когда договорное взаимодействие напрямую осуществляется через пограничную территорию, выражаясь в конкретном исполнении в её пределах интернациональных взаимодейственных проектов в областях экономического, военного или культурного сотрудничества. И чем больше таких соглашений заключается, а их спектр оказывается шире, тем более это позволяет углубить заключённые в общем ГПП порубежных регионов возможности.

Изложенные в данной публикации идеи, безусловно, требуют уточнений и дополнений. Но в то же время, обозначенный в ней в самых общих чертах факторный ряд представляется той основой, опираясь на которую, можно приступить к обсуждению проблемы определения качественных и количественных характеристик отдельно взятых факторов ГПП, а так же – к поиску путей взаимной соотносимости их показателей.

Примечания

¹ См.: Колосов, В. А. Геополитика и политическая география / В. А. Колосов, Н. С. Мироненко. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 479 с.; Моро-Дефраз, Ф. Введение в геополитику / Ф. Моро-Дефраз. – М. : Конкорд, 1996. – 147 с.; Туровский, Р. Основы и перспективы региональных политических исследований / Р. Туровский // Полис. – 2001. – № 1. – С. 138–156.

² См.: Дугин, А. Г. Основы геополитики / А. Г. Дугин. – М. : Арктогея, 1997. – 599 с.

³ См.: Бакланов, П. Я. О категориях современной геополитики / П. Я. Бакланов // Изв. РАН. Сер. География. – 2003. – № 7. – С. 16.

Некоторые принципы построения системных моделей вооруженных конфликтов

Вооруженные конфликты есть способ существования дискретных саморегулирующихся социальных систем. Вооруженное противоборство при этом можно представить как самоупорядочивающийся процесс, который может быть описан в рамках ряда системных моделей.

В нашем понимании *системная модель* означает абстрактное и логически замкнутое («закольцованное») описание какого-либо феномена, представленного в виде автономной организации элементов и отношений. Построение системной модели вооруженного конфликта подразумевает, что не существует и не может существовать ни одного вооруженного конфликта, который не мог бы быть непротиворечиво описан в рамках указанной системной модели.

Любой системный объект, по мнению специалистов, должен отвечать некоторым неизменным правилам системности, а именно: состоять из нескольких взаимосвязанных элементов, иметь относительную обособленность от других объектов, то есть, определенную автономию, и, наконец, обладать минимальной внутренней целостностью (это означает, что целое не сводимо к сумме элементов)¹.

С точки зрения специалистов, системный аспект включает совокупность представлений о задействованных универсальных конструкциях тех или иных типов (вещи, свойства, отношения, системы, структуры, режимы, функции, процессы, механизмы, состояния, переходы и т. д.) и устойчивых связей между ними. Так, например, Н. С. Розов предлагает воспользоваться понятием «режим», под которым он понимает целостность, охватывающую повторяющиеся (циклические, рутинные) процессы в некоторых пространственно-временных границах. Речь в данном случае, идет об интегральных режимах сообществ, ограниченных в пространстве занимаемыми сообществами территориями, во времени переходами к качественно иным режимам. Режимы допускают дальнейшее концептуальное разбиение на функции, способы выполнения функций, институты, процессы, поведение (в том числе и деятельность) и ингредиенты последних.

Функционализм данной схемы дополняется представлением о последствиях режимных процессов, в том числе непреднамеренных накапливающихся, которые рано или поздно становятся помехами для самих режимов, в том числе для режимов соседних сообществ. Вследствие таких накапливающихся последствий, важнейшим типом которых является перенаселенность и истощение ресурсов, происходят кризисы режимов, которые либо преодолеваются, либо приводят к их качественному изменению или упадку обществ, подчинению их обществам с более успешными режимами.

Некоторые кризисы проявляются в форме внутренних или внешних конфликтов. Конфликтные взаимодействия (в том числе войны) могут иметь повторяющийся характер и представлять собой особые режимы, например ежегодные захватнические кампании или набеги. Однако нередко бывают конфликты с эскалацией разрушительных воздействий на сообщества и их режимы, которые либо погибают, либо трансформируются².

Построение системных моделей вооруженных конфликтов не может быть осуществлено вне поля действия следующих аксиом:

– все вооруженные конфликты в своей основе имеют единый каузальный базис;

– все вооруженные конфликты имеют единые механизм и логику развития (но не единую динамику, – важно не смешивать эти два понятия).

В самом деле, невозможно построение модели общественно-политических процессов, как некоего обобщающего абстрактного знания, если основываться на предположении о каузальной специфичности каждого конфликта. В этом случае нам придется довольствоваться рамками чисто исторического подхода, описывающего вооруженные конфликты как отдельные события, обусловленные уникальными предпосылками. Но и в противоположном случае, если мы считаем что разные вооруженные конфликты в своем генезисе и развитии подчиняются универсальным причинным факторам, необходимо уточнить следующее. Единый каузальный базис не означает – ряд причин, из которого для каждого конкретного конфликта выбирается исследователем та или иная. Например, мы построили классификацию, куда включили все мыслимые причины вооруженных конфликтов и назвали ее единым каузальным базисом, основываясь на котором мы говорим – это конфликт на почве этнорелигиозной вражды, а это – война экономических интересов. Не означает это и сочетания причин в различных пропорциях, модной нынче мультикаузальности, когда генезис того или иного феномена объясняется одновременным действием множества причин, что в большей степени ведет специалистов к компромиссу, чем к истине, – ведь монистические теории требуют совершенных концепций, а совершенные концепции – плод большого труда и развитого творческого мышления. В нашем понимании, единый каузальный базис есть некая неизменная и неизмеримая первопричина проявляющаяся в конкретных условиях. Как правило, именно эти следствия, эти конкретные воплощения и считают действительными причинами и условиями конфликта. Между тем, действующая первопричина не сводится к своим конкретным проявлениям и по сути дела, действует безотносительно к ним. В силу этого, построение моделей общественных процессов, в том числе и вооруженных конфликтов, по большей части, занятие сколь сложное, столь и неблагодарное. Ведь каждая война обусловлена великой совокупностью специфических факторов и у исследователя может сложиться и, как правило, складывается впечатление о некоей исторической и культурной аутентичности каждого вооруженного конфликта.

То же самое относится и к механизму развития конфликта. Единый механизм означает, что каждый раз, различные субъекты конфликта следуют одной и той же логике развития конфликта, которая действует безотносительно к происходящим конкретным событиям. И это вовсе не означает, что конкретные события в точности (или даже не в точности) повторяются при всяком новом параллельно или последовательно разворачивающемся вооруженном конфликте. Здесь очень важно отделить логику конфликта, как сущности его развития, от логики конфликта как определенной цепи вытекающих друг из друга конкретных событий, последовательности которых разум часто необоснованно придает характер и силу причинно-следственной связи.

Например, можно сказать, что Великая Октябрьская Социалистическая революция и последовавшие за ней Гражданская война и установление тоталитарной азиатской деспотии в России, явились следствиями уникальной исторической ситуации и не могли возникнуть на иной культурной почве, вне контекста российского *modus vivendi*. Однако, при более тщательном анализе выясняется, что историко-и культуроспецифические особенности по сути дела не затрагивают ни каузальный ряд, ни механизм, ни логику развития вооруженных конфликтов. Разнятся лишь конкретные события, а так же некоторые аспекты стратегии и тактики

действий центров сил, что и создает эффект обособленности, аутентичности исследуемых событий. Например, многие исследователи вполне обоснованно проводят параллель между упомянутой октябрьской революцией 1917 г. в России и революцией 1789 г. во Франции, также приведшей к установлению тоталитарного репрессивного режима. Тоталитарные деспотии и азиатского, и европейского типа как форма правления прошли фактически по всему миру, обойдя лишь великие колониальные державы, чья деспотия направлялась не на граждан метрополии, но на огромные массы контролируемых колониальных территорий. Будет вполне обоснованным утверждать, что любое государственное управление тяготеет к деспотии, как абсолютизации господства правящей группы. В цивилизованных странах исторически сформирован определенный баланс сил, что заставляет всех участников политического процесса действовать в рамках общественно выработанных правил. В силу этих обстоятельств, деспотические тенденции и стремление к господству таких групп чаще всего направляются вовне, туда, где сопротивление менее развитых политий не имеет такой силы как внутривнутриполитическое сопротивление оппозиционных групп. Здесь реализация стремлений к абсолютному господству обретает свое воплощение через войну или более экономически и политически оправданные формы контроля. С этой точки зрения, африканские и латиноамериканские диктаторские режимы второй половины двадцатого века, не есть следствие отличия этих народов в культурном и политическом развитии от так называемых развитых демократий мира, но лишь результат насаждения этими демократиями привлекательно простой тоталитарной (но уже марионеточной) формы контроля за утраченными в результате национально-освободительной войны территориями. Это – очевидно и чрезвычайно выгодно как в экономическом аспекте, так и с точки зрения государственной безопасности. Таким образом, мы видим, как некий универсальный фактор неизменно действует в каждой точке политического пространства, безотносительно к конкретным формам своего проявления.

На основании приведенных рассуждений об экспорте деспотии может быть построена простейшая «гидравлическая» модель вооруженных конфликтов, чем то очень напоминающая теорию Фрейда. Согласно этой модели стремление правящей группы к деспотии и внутривнутриполитическому насилию, которому противостоят мощные оппоненты, находит выход во внешней агрессии и стремлению подчинить и эксплуатировать третьи силы. Здесь даже возможно построение циклической фазированной модели.

1. Фаза хаоса – множество мелких акторов осуществляют примитивные грабительские набеги на соседей.

2. Фаза становления политического субъекта, сопровождающаяся «собираемыми» войнами с захватом и присоединением земель под одной короной.

3. Фаза установления внутреннего баланса сил, характеризуется периодами смуты и гражданской (этнической, религиозной) розни.

4. Фаза цезаризма, тирании или тоталитаризма, когда при сформированном внутреннем балансе сил агрессия правящей группы направляется на завоевание новых пространств. Характеризуется внешними захватническими войнами.

5. Фаза раздела мира, колониального и неоколониального (экономического, культурного и идеологического) господства. Установление мирового баланса сил.

6. Фаза дисбаланса, неизбежно наступает в результате развития новых агрессивных центров сил сначала на уровне политий и регионов, затем на глобальном уровне, что приводит к анархии, хаосу и повторению цикла...

Приведенная модель цикла в разных вариантах очень распространена. Основа модели – чередование хаоса и порядка на различных уровнях политического взаимодействия, как, например, в схеме К. С. Конопатова. Этот отечественный исследователь так фазирует динамику военно-политической составляющей международных отношений.

1. Стабилизация – характерна для начала послевоенного периода.

2. Фаза зарождения и развития противоречия. В силу закономерной неравномерности развития государств, ограниченности ресурсов этого развития постепенно происходит разбалансировка сил и интересов субъектов международной деятельности, формируются и развиваются противоречия между ними. Среди них выделяется основное противоречие, подчиняющее себе прочие, и определяющее развитие ситуации.

3. Фаза вызревания основного противоречия, кризис. Вследствие прогрессирующей разбалансировки сил и интересов субъектов международной деятельности, обостряется, становится неустойчивой военно-политическая ситуация.

4. Фаза отрицания (разрешения противоречия). Исторически обострившаяся до неустойчивости военно-политическая ситуация тем или иным образом разрешается. Обычно – войной. Что при этом отрицается? Элементы старой системы международных отношений, в которой вызрело иное – антагонист. Естественно, выигравшая – а это сильная системообразующая сторона, – стремится закрепить (новую, выгодную для нее систему международных отношений, т. е. происходит переход в фазу 1 – стабилизации)³.

Привходящие причины можно квалифицировать как закономерные предпосылки или же некие случайные и / или уникальные сочетания факторов. А можно и делить их на так называемые объективные и субъективные, действующие в совокупности. В свою очередь сами по себе циклы можно рассматривать как витки спирали, то есть логически последовательные этапы единой цепи развития, а можно как логически равные элементы синусоиды, где каждый этап повторяет другой, неизменно возвращаясь в нулевое положение.

Первопричина, о которой мы говорим применительно к данным моделям – это сам по себе условный «луч», порождающий и синусоиду и спираль, кому как нравится. Она остается иррационально безусловной, постоянно изменяя лишь свой вектор действия, в том ограниченном нашим пониманием смысле слово «действия», как воздействия.

Другую модель можно назвать «броуновской» и рассмотреть ее как ограниченное пространство с ограниченными ресурсами, где роль элементов выполняют политические акторы с динамически изменяющимися своей силой и направлением «жизненными интересами». Эта динамика жизненных интересов может быть с легкостью приведена в соответствие, и даже математическое, с динамикой вооруженных противоборств. Для каждого элемента вполне можно построить кривые зависимости вероятности его вступления в вооруженное противоборство от изменения направления или длины вектора расширения «жизненного пространства» (что соответствует направлению и выраженности интереса). При этом в данную модель можно вводить и другие параметры зависимости, например, – геополитическое положение (и соответствующие притязания за ресурсные зоны и зоны влияния), внутреннюю динамику актора (эволюция политической системы, смена способа производства и т. п.), особенности глобальных процессов (климат, демография и т. д.). Так же можно вводить и простейшие условия, например, задавать

обязательные вектора баланса сил, или вектора борьбы «суши» и «моря». Здесь возможно отслеживать элементарные зависимости.

Однако это было бы лишь первым и самым простым шагом. Сущность построения системной модели отражающей суть генезиса и воспроизведения вооруженного конфликта заключается, как правило, в следовании сложившемуся в науке целому ряду принципов. Во-первых, выделяют, по возможности универсального, актора (или систематизированный ряд таковых), например, – государство (как полития), класс, общественные, национальные или религиозные группы. Во-вторых, исследуют характер отношений между этими акторами в целом и, в-третьих, выделяют в структуре этих отношений универсальные сочетания факторов, определяющих синергетический или антагонистический вариант взаимодействия между указанными акторами.

На основании изложенного возможно построение множества системных моделей, как однофакторных так и многофакторных, а также составных. Все они условно могут быть названы «ньютоновскими», поскольку взаимодействия, описанные в рамках этих схем весьма схожи с законами классической механики. Общий смысл таких моделей сводится к тому, что на образовавшиеся политические акторы действует масса самых разнообразных сил, которые можно разделить на естественные, то есть, в общем природно-климатическая среда, обуславливающая специфику развития политики, ее структуру и особенности (культуру) функционирования и на действие (синергетическое и антагонистическое) иных политических акторов. Все это можно представить себе в виде направленно действующих на ограниченном пространстве сил или, если мыслить схематически, векторов. Разумеется, сама по себе система на любом уровне движется в направлении равнодействующей всех сил на исследуемом пространстве. Конфликты в системе возникают в результате поляризации сил в какой-то точке пространства системы, когда при максимальной выраженности составляющих векторов (математически – при максимальном стремлении к увеличению длины векторов) равнодействующая политических сил стремится к нулю. Если проводить более сильную параллель с классической механикой, то акторов политического процесса надо представлять себе не в виде простых физических тел, а как носителей одноименного заряда, потенциал которого, притом, у каждого носителя постоянно динамически изменяется. Поляризация сил на определенном и ограниченном участке системы приводит к сверхнапряжению и стремлению избавиться от лишнего потенциала либо через существенную перестройку сил (скажем, политическое решение проблемы) либо через прямой сброс потенциала через вооруженный истребительный конфликт.

Диалектический подход, привносит в эту модель определенные правила или, иными словами, структурирует ход внутрисистемных процессов. Центральной идеей здесь является биполяризация системы. Причем эта биполяризация носит не только структурный, а сущностный характер.

Если мы возвратимся к векторной схеме, то мы можем сформулировать новые «политические» законы диалектики, а именно – во-первых, для каждой пары политических субъектов обязательно существуют условия, где равнодействующая векторов их интересов стремится к нулю; во-вторых, для любой точки политической системы обязательно существует минимум одна пара субъектов, равнодействующая интересов которых стремится к нулю. Эти законы иррационализируют биполярность и определяют изначальную диалектическую противоречивость системы. Следствиями этих законов будут положения, согласно которым, во-первых, между любыми двумя политическими акторами при соответствующих условиях

возможен вооруженный конфликт, и, во-вторых, не существует ни одной точки пространства политической системы, где бы интересы любой пары субъектов не пересекались бы. Состояние «нулевой равнодействующей» мы можем определить как абсолютное противоречие, субъектов противоречия – противоположностями, которые в борьбе образуют диалектическое единство, самая же борьба направлена на разрешение этого противоречия, что приводит к качественному изменению и прогрессу системы в целом.

Биполяризация системы определяет и феномен «баланса сил». Теория баланса сил вносит в системную модель вооруженных конфликтов уже известную нам биполярность как характеристику имманентную международным (а, впрочем, и любым социальным) отношениям. Это означает, что система не может быть таковой вне следующих аксиом.

Первое, в любой момент времени в системе существуют не менее двух центров сил, преследующих взаимоисключающие интересы.

Второе, прирост синергии внутри системы немедленно вызывает такой же прирост антагонизма.

Третье, с абсолютным увеличением системы биполярность сменяется многополярностью в связи с естественным дроблением основных (материнских) центров сил и вызреванию дочерних. Образно выражаясь, биполярность, размножается, достигнув критического уровня. Но это не крах империи, согласно концепции Рэндалла Коллинза, а условие рождения новых субъектов прироста власти. Проблема целостности империй большой протяженности лежит не только и не столько в организационно-структурной (логистической) или управленческой сферах, а в первую очередь в ускорении созревания локальных эмбрионов имперского образа действий. В этой связи не удивителен тот факт, что пост-колониальная и пост-имперская политическая динамика являет собой массу ожесточенных вооруженных конфликтов.

Таким образом, на ограниченном пространстве существует большое количество политических субъектов наделенных стремлением расширять свое жизненное пространство. Это стремление и соответствующее этому стремлению движение имеют свой вектор, величина и направление которого постоянно меняются, что связано с противодействием иных политических субъектов. Глобальное мировое пространство иерархически организовано, при этом необходимо указать на геополитическую и этнокультурную специфику взаимодействий. Иными словами, в разных «культурных» зонах международные (как, впрочем, и все остальные социальные) отношения имеют свою специфику и каждая такая зона специфически структурирована, то есть имеет свою уникальную сеть вертикальных и горизонтальных взаимодействий, определяющих «лицо» региона. Разрушение этой специфической структуры всегда сопровождается целым рядом региональных войн.

Каждая из таких культурных зон развивается неравномерно, в том очень условном смысле, в котором понятие «равномерности» применимо в данной ситуации. Дело в том, что единой шкалы, относительно которой можно измерять «прогресс» каждой культурной зоны, не существует. Как мы уже говорили, несмотря на международные связи, каждая такая зона является подобием «ньютоновской» инерциальной системы отсчета, в которой процессы хоть и подчиняются общим законам, но функционируют по-своему (наполнены своим содержанием, характеризуются своими интенсивностью и скоростью), а сама система движется в специфическом для себя направлении. Вест-центризм, который свойственен большинству европейских исследователей и политиков, игнорирует специфичность

культурных, полагая указанную специфичность как отсталость. Как считают авторы труда «Капитализм на Востоке», ошибочность такого подхода заключается, во-первых, в том, что на докапиталистические общества, проецируются законы и особенности капиталистических обществ, индустриальной системы производительных сил. Во-вторых, ошибочно развитие социальной системы, которая основана на внеэкономических отношениях и в которой вещные, товарно-денежные отношения играют второстепенную, несистемообразующую роль – определять и мерить с помощью последних в качестве показателей. Это то же самое, что сравнивать дельфина, ихтиозавра и акулу по длине плавников или форме глаз⁴. Прорисовки такого рода в политике уже привели и продолжают приводить к целому ряду кровопролитных войн.

Отношения политических субъектов регулируются уже описанными в данной главе законами биполярности и баланса сил.

Мировое политическое пространство, разделенное на культуроспецифические зоны, представляющие собой сложно организованные центры сил является ареной, где указанные центры сил ведут между собой борьбу за господство соответственно своему уровню и вектору своих интересов. Это может быть борьба за господство (никакого лидерства именно господство) на локальном (субрегиональном), региональном, континентальном и мировом уровнях. Политические коалиции являются средством быстрого достижения такого господства, однако по завершении своей задачи коалиции распадаются на ряд конкурирующих субъектов, но уже на более высоком уровне. Характерен молниеносный распад Антигитлеровской коалиции по завершении Второй мировой войны и смена векторов интересов США и Великобритании, обусловившая начало «холодной» войны против Советского Союза.

Баланс сил в данной модели играет двойственную роль. С одной стороны, он естественным образом, уравнивает потенциалы оппонентов, что приводит к сдерживанию (или удержанию) оппонентов от крайних действий, в нашем случае, от вооруженного конфликта. С другой стороны – баланс сил столь же естественным образом увеличивает напряжение за счет того же уравнивания сил и, как следствие, формирования резко очерченных полюсов, в результате чего возрастающее напряжение может превысить некую пороговую величину и вылиться в кровопролитный конфликт. В то время как в несбалансированной системе диктат гегемона естественным образом жестко структурирует систему. Однако искусственная маскировка диктата гегемона понятием о мировом лидере делает его схему с научной точки зрения принципиально ложной.

Несбалансированные системы существуют непродолжительное время, неважно идет ли речь о балансе сил внутри политики или же речь идет о региональных или глобальных отношениях. Особенность в том, что баланс сил тоже никогда не бывает абсолютным, поскольку субъекты динамичны и «точка равновесия» всегда стремится к нулю на некой воображаемой двунаправленной числовой прямой, отражающей уровень власти оппонированных сторон. Хотя более точной была бы многолучевая (многоосевая) схема баланса, где количество лучей тождественно количеству «поглотителей» власти. Разумеется, идеальным будет вариант с положением точки баланса в нулевом положении; в действительности она постоянно мигрирует.

Скорость и величина смещения точки баланса сил имеет гораздо более важное значение, чем даже ее местоположение и направленность вектора смещения. Чем выше скорость и больше величина смещения точки баланса, тем вероятнее

развитие вооруженного конфликта. В принципе существует, однако, невычисляемый строго математически порог величин скорости и смещения точки баланса, превышение которых с наибольшей вероятностью приводят к развитию вооруженного конфликта. При этом можно с полным основанием предположить, что для каждой культуроспецифической зоны этот порог будет свой. Кроме того, эти пороговые значения с течением времени динамически изменяются, в зависимости от динамики политической среды. В принципе, возможно даже исследовать зависимость изменения указанных пороговых величин от различных универсальных и уникальных факторов для каждой культуроспецифической зоны, однако это не входит в задачи нашей работы.

Запредельные изменения в балансе сил локального, регионального или глобального уровней означают резкую дезорганизацию отношений в той или иной зоне, что приводит к высвобождению огромного количества субъектов, претендующих на власть и обладающих соответствующим потенциалом, ранее задействованным в поддержании «суперструктуры». Формируется благодатный «первичный бульон» для развития (и, разумеется, эскалации и провокации) вооруженных столкновений различного ранга и накала. Традиционное сравнение: Китай – СССР. В первом политические изменения и реформы не привели к существенным сдвигам точки баланса сил и, соответственно, политической дестабилизации. В СССР, наоборот, скорость и величина смещения точки баланса сил значительно превысили пороговые значения, что привело к распаду страны и возникновению целого ряда локальных и региональных вооруженных конфликтов.

Таким образом, представленная модель характеризуется в первую очередь структурно функциональным «параллелизмом». Это означает, что системный процесс не требует формирования системы как видимой и осязаемой структуры. И даже более того, в такой структуре он был бы невозможен. Единая политическая мировая система как иерархически организованная структура это нонсенс. Это исключительно рационалистически механистически-ньютоновское видение действительности. Мировое политическое пространство уместнее отождествить с сильно поляризованным энергетическим полем, которое непрерывно генерирует из себя всевозможной величины и качества центры сил, с одной стороны, в силу своей единой природы находящиеся в вечном противоборстве, с другой стороны, в силу этого же единства природы, способные к взаимопоглощению или трансформации. Одной из главных качественных характеристик этого поля является предел величины центра силы, по достижении которого он непременно распадается с выбросом огромного количества энергии, рождающем то, что мы называем политическими кризисами и войнами, временами кажущимися нам бессмысленными, как, например, взаимоистребление католиков и протестантов, последовавшее за расколом Великой Католической империи.

Еще одной моделью вооруженных конфликтов, причем циклической моделью может служить концепция централизации-децентрализации насилия. Суть ее состоит в том, что в течение не соответствующих друг другу периодов времени социальное насилие (в том числе и вооруженные конфликты, как одна из его форм) имеет тенденцию к централизации и последующей децентрализации, причем эти циклы не случайны. Первоначально войны и стычки происходят между небольшими исторически сложившимися группами людей, внутри которых нет специализированных подгрупп войны. Таково племя. Каждый мужчина – потенциальный воин, так же как и потенциальный охотник. С появлением примитивных протогосударственных и государственных форм организации человеческого

общества формируются и специализированные «группы насилия», которые монополизуют его, в русле общей монополизации насилия в руках государства и все большего упрочения общественного порядка. Эта тенденция с ростом государства и выхода его на уровень империи все усиливается. Однако по мере падения его централизующих функций и появлением свободного гражданского общества насилие начинает все более присваиваться низами, проявляясь в вооруженном анархизме и терроризме, разъедающем основы средневековых империй. Череда революций и Первая мировая война окончательно похоронившая старые империи привела к невиданной децентрализации насилия и возникновению новых, тоталитарных империй, диктатур и тираний, снова узурпировавших насилие в руках сверхгосударства. Вторая Мировая война привела с одной стороны к усилению нескольких сверхдержав, с другой, – новому присвоению насилия низами, но теперь уже с «национальных окраин», что привело к обвалу системы колониального господства, возникновению тоталитарных и военных диктатур «второй волны» (Латинская Америка, Африка, Китай, Камбоджа и т. д.). Окончание холодной войны и развал гигантских военно-экономических союзов привел к новой волне децентрализации насилия и воплощению в жизнь малых и асимметричных войн. Так, например, А. В. Торкунов указывает, что крах прежнего биполярного миропорядка обернулся усилением дестабилизирующих тенденций в мире, что выразилось в увеличении числа этнорелигиозных конфликтов, распространении ядерного и других видов оружия массового уничтожения, росте международного терроризма и преступности⁵.

Интересным представляется тот факт, что с ростом мощи субъектов насилия, тем не менее, стремится к децентрализации. Объясняется это тем, что масштабы насилия не могут принимать формы, превышающие общий уровень безопасности. Отсюда и тенденция к наращиванию высокоточных обычных вооружений, беспрецедентное усиление роли спецслужб и тактики малых партизанско-повстанческих войн, осуществляемых марионеточными вооруженными формированиями.

Процесс централизации-децентрализации обладает определенной *инерциальностью*. Это значит, что децентрализация сродни распаду сосредоточенного в узком кругу насилия (в данном случае легитимного, поскольку оно узурпировано в руках элит) на огромное количество его носителей в лице малых групп. Централизация, наоборот, отчуждает социальное насилие от индивидов к верхам. Инерциальность заключается в свойстве стремления в каждой фазе достичь своего абсолютного максимума, Иными словами, в фазе централизации насилие может концентрироваться в руках одного человека («государство – это Я»). В фазе децентрализации политическое насилие присваивается отдельным индивидом или малой группой. Если ранее эти индивиды или группы служили проводниками или жертвами централизованного насилия, то теперь они становятся его ядрами или атомами. Степень присвоения и реализации насилия зависит от культуроспецифичности общества. В одном обществе при децентрализации насилия оно остается преимущественно политическим, в другом, оно наряду с политическим характером приобретает и криминальный, а в третьем случае фактически приобретает криминально-асоциальную (или вместе с тем и антисоциальную) форму. Россия является классическим примером последнего типа децентрализации и одновременной деполитизации насилия. Даже сепаратистские войны 1990-х гг. на Северном Кавказе в большей степени имели криминальный характер, чем политический. То же самое можно сказать и об Афганистане. Политический характер децентрализации насилия свойственен более правым и левым движениям стран Западной

Европы, а смешанный вариант характерен для стран Латинской Америки, где повстанцы для поддержания и финансирования своих движений вынуждены включаться в различные сферы теневого бизнеса.

Примечания

¹ См.: Ачкасов, В. А. Сравнительная политология : курс лекций / В. А. Ачкасов. – СПб. : Социол. об-во им. М. М. Ковалевского, 2002. – С. 211.

² См.: Макродинамика : Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений / А. А. Изгарская, Н. С. Розов, Ю. Б. Вертгейм и др. ; под ред. Н. С. Розова. – Новосибирск : Наука, 2002. – 468 с. – С. 294.

³ См.: Конопатов, С. Н. Военно-политическая ситуация в современном мире : Истоки, состояние, перспективы / С. Н. Конопатов. – М. : КомКнига, 2005. – С. 34–35.

⁴ См.: Капитализм на Востоке во второй половине XX в. / отв. ред. В. Г. Растянников, Г. К. Широков. – М. : Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 1995. – С. 36.

⁵ См.: Современные международные отношения : учебник / под. ред. А. В. Торкунова. – М. : РОССПЭН, 1999. – С. 166.

Виктор Шрейбер

На распутье

Классический университет: идейные истоки и современный кризис

Прообраз университета, который мы называем классическим, сложился в начале девятнадцатого века под влиянием идей Вильгельма фон Гумбольдта. Гумбольдт возглавлял департамент культуры и образования шестнадцать месяцев, но этого хватило, чтобы начать реформу гимназического образования и основать Берлинский университет. Он был задуман как учебное заведение нового типа. Научная работа превратилась в штатную обязанность преподавателей, в учебные планы вошли практические занятия и философия, а в аудиториях утвердился дух академической свободы: *Lehrfreiheit* для профессуры и *Lernfreiheit* для студентов. Особым предметом забот было создание протекционистского барьера, защищающего науку от влияния частных интересов. Всю конструкцию скрепляли три допущения. Согласно первому, выразителем всеобщего интереса является государство, на которое отсюда возлагались особые надежды в плане попечения. Два других составили идеи разделения властей (полномочий) и незаинтересованного исследования.

По Гумбольдту, правительство, определяя место знания в обществе, условия его поиска и способы передачи, никак не должно касаться содержания обучения. Тут он опирался на Канта. В «Споре факультетов» Кант доказывал, что университет отвечает только за истинность знаний: ученые не определяют форм их использования, а потому ответственность за применение несут не ученые, а субъекты интересов. Принцип разделения властей помог родиться образу затворника в Башне из Слоновой Кости, занятого чем-то, быть может, и значимым, но таким же далеким от людей как звезда Бетельгейзе. Как потом скажет Макс Вебер, «существуя в мире, университет был не от мира сего».

Принцип незаинтересованности означал, что исследование должно быть независимым от соображений внешней полезности. Этот принцип вырос из представления, что способность познания, как и всякая выдающаяся человеческая спо-

способность, есть ничто иное, как дар божий. Она дана человеку для служения высшим и от него сокрытым целям провидения. Ученый, коль скоро у него есть искра божья, должен беззаветно следовать призванию и не смешивать божий дар с яичницей, то есть свое призвание с мирскими заботами. Критерием порядочности в этом случае становилась одна только ориентация на свет разума и принципиальный отказ от ценностей, отличных от истины. По мере секуляризации культуры место божественного провидения занимали природа и идея гуманизма. Но то, как человек распорядится своими способностями, по-прежнему считалось его личной прерогативой. Эта установка доминировала в сознании держателей фондов – государства и частных бенефициариев. Они за редким исключением ориентировались на нравственные соображения, и потому вопрос о процентах на инвестируемые в науку средства вставал не часто.

Первые трещины по стенам Башни из Слоновой Кости поползли под воздействием индустриализации и массового производства. Тенденция скрывалась в посылках концепции. Именно изыскания университетов привели Германию конца девятнадцатого века к мощному скачку в машиностроения, оптике и химической промышленности. Эта же тенденция реализовалась в росте престижа инженерных и технологических институтов во Франции. То же самое имело место и в Англии, где к середине позапрошлого века возникает ряд провинциальных университетов вроде шеффилдского, изначально ориентированных на нужды местного бизнеса.

Здесь масса нюансов, связанных с мировыми войнами, противостоянием блоков, распадом колониальных империй и ростом экономической ценности человеческого капитала. Формат обзора не позволяет уделить этим процессам должного внимания. Отметим лишь, что нужды государства всеобщего благоденствия и социальный мир в Западной Европе, достигнутый благодаря социал-демократическому консенсусу, пробили новые крупные бреши в стене между научным исследованием и ответственностью ученого за свои результаты. С другой стороны «постмодернизм», отвергнув понятие истины, накрепко привязал социальные науки к злобе дня и властным отношениям. Знание стало товаром, а современное государство из Попечителя постепенно, хотя и не без попятных шагов, трансформируется в Организатора совместных дел.

Классический университет оказался на распутье.

Современная эпоха по-прежнему высоко ценит науку, видя в ней движущую силу того, что сегодня называют информационным обществом или, не менее высокопарно, экономикой знаний. Но одновременно начался исход науки из её *alma mater* – университета, где теперь набирают силу практические интересы. Непосредственно это выражается в перераспределении академических часов от курсов теоретического и исследовательского характера в пользу сугубо профессиональной подготовки, операционализуемой языком компетенций, навыков и умений.

В нашей стране, как и на всем постсоветском пространстве, на эти общеевропейские процессы наложились преобразования, начатые перестройкой и резко усилившиеся после распада Советского Союза. Возникла сложная – синергетическая по существу – конфигурация детерминант, обстоятельств и вариантов, когда выбор траектории, по которой пойдет наше высшее образование, зависит от множества случайных – и в том числе личностных – факторов. В такой ситуации любое обобщение накопленного опыта применительно к восточноевропейскому высшему образованию представляется очень своевременным. Именно эту задачу выполняет монография Вольдемара Томуска «Открытый мир и закрытые общест-

ва», вышедшая в серии «Вопросы высшего образования» Международной ассоциации университетов.

Автор является заместителем директора Программы по поддержке высшего образования в странах Восточной Европы, финансировавшейся Институтом «Открытое Общество» Джорджа Сороса. До переезда в 1995 г. в Будапешт возглавлял отдел высшего образования Министерства образования в Эстонии. Ученую степень по социологии образования получил в университете Турку. По своему духу он, пожалуй, близок к традиции Юма. В данном случае это даже повышает ценность книги. Дело в том, что компаративист всегда рискует считать свою страну типичной представительницей региона. Другая крайность – уже номиналистического толка – заключается в склонности оценивать происходящее в других странах через призму своих национальных особенностей (с. 20). Эти бэконовские идылы едва ли могут быть устранены полностью, но их влияние можно ослабить опорой на здравый смысл и эмпирические данные, чем, собственно, и отличалась манера великого шотландца.

Работа состоит из 13 очерков. Хотя они писались в разное время и для разных изданий, в силу чего не лишены повторов, их объединяет общий замысел, и взятые вместе они предлагают любопытные оценки прошлого постсоветских образовательных систем, контрастную и объемную картину их настоящего и завершаются некоторыми, – правда, очень осторожными – прогнозами. Из множества сюжетов книги мы остановимся на 1) идеологии высшего образования, 2) состоянии российского высшего образования, 3) взаимоотношении образовательных реформ с Всемирным банком и глобализацией и 4) роли университета в воспроизводстве элиты. Эти темы, надеюсь, будут интересны не только для преподавателей университетов.

Образование, наука и политика

Прежде всего, спросим себя, что объединяет политику, университеты и науку. Ответ очевиден: этим общим является видение лучшего общества и роли, которую наука и университеты должны играть в его достижении. Образ лучшего общества выполняет функцию целевой установки для системы образования. К сожалению, констатирует Томуск, в этом контексте смысловая ясность «лучшего» оставляет желать большего.

В первой главе разбираются две концепции лучшего общества – марксистская (рассматриваемая очень эскизно) и технократическая. Автор пытается выделить главный урок социалистического «эксперимента», основную причину неудачи и ответить на самые частые аргументы в пользу марксистской «утопии». История для Томуска есть естественный непрерывный процесс: если что и можно извлечь из попыток харизматических лидеров разорвать непрерывность истории, так это то, что «новые дивные миры» вырастают из миров старых (с. 2).

Урок довольно скудный. И его бедность, пожалуй, объясняется тем, что автор подобно теоретикам постмодернизма принципиально избегает суждений о направленности исторического процесса и возможности его закономерного характера. В этом он проявляет известную непоследовательность. Ведь для Делёза и Ко объективной истины нет. Томуск же усматривает «фатальную ошибку» Маркса как раз в том, что он основывал свои построения не на эмпирических свидетельствах, но на шатких умозрениях, и симпатии к рабочему классу были для него важнее, чем истина (с. 7). Поправляя Томуска, можно указать, что коль скоро интересы людей объективны и, следовательно, являются выражением реального по-

ложения дел, в познании существует хотя бы абстрактная возможность совпадения формул, выражающих содержание интересов, с суждениями истины.

Томуск признает масштабность марксистского замысла, но в целом оценивает его отрицательно. Государственный социализм, считает он, дал мало хорошего странам Восточной Европы. В России широко распространено мнение, что благодаря сталинскому режиму страна успешно провела модернизацию. Но, пишет автор, учитывая богатство российских ресурсов, можно с равным правом утверждать, что капиталистическая модернизация была бы не менее успешной – и с меньшими социальными издержками. В качестве довода предлагается сравнить западную и восточную части Германии. После десятилетия гигантских вливаний в инфраструктуру Восточной Германии экономический разрыв между ними остается заметным и сохранится еще как минимум лет двадцать (с. 6).

Это же неприятие произвола определяет отношение автора к сциентистским утопиям. Нынешние адепты всемогущей науки сулят «новый мир» без смертей и болезней и идут по этому пути, иронизирует Томуск, даже дальше Библии. Усилиями псевдо-философских апологетов эти обещания получили воплощение в образовательной стратегии Всемирного банка, опубликованной в 2002 г. под громким названием «Конструирование Обществ Знания – Новые Вызовы для Высшего Образования». Документ пронизан гностическим пафосом освобождающей силы знания и в этом плане не слишком отличается от убеждений Маркса. Маркс верил, что пришел к подлинному знанию, позволяющему достичь свободы всем трудящимся. Согласно манифесту Всемирного Банка, распространение высшего образования сделает свободными всех, кто занят в экономике Знания:

«Представьте университет без зданий, учебных аудиторий и даже библиотеки, за десять тысяч миль от обучающихся в нем студентов, предлагающий программы и курсы в режиме on-line через аффилированные (franchise) иностранные институты. Представьте университет без академических кафедр, без обязательных курсов, специализаций и званий, присуждающий степени, которые действительны только в течение пяти лет после его окончания. Представьте систему высшего образования, где рейтинг института определяется не качеством обучения, а интенсивностью его выходов в Интернет и частотой работы электронной почты. Представьте страну, основные доходы которой поступают от экспорта услуг по высшему образованию»¹.

Что здесь более всего впечатляет, – так это наивность создателей картины. Особенно, иронически замечает Томуск, если учесть, что даже в западных колледжах порой не хватает столов и стульев. А чего стоит предложение ранжировать вузы по интенсивности сетевого трафика? В любом университете можно найти умельцев, которые охотно объяснят, как интенсифицировать показатели трафика. Таким образом, наш автор подходит к выводу, что программа Всемирного банка содержит сильную «идеалистическую компоненту»

Но как возникла эта «идеалистическая составляющая»? Ведь финансисты не сочиняют фантастических романов, и в качестве финансового института банк должен стоять на твердой почве здравого смысла и точных расчетов. В поисках ответа Томуск следует (возможно, произвольно) ленинскому делению гносеологических и социальных корней учения и, соответственно, выделяет просветительскую веру в науку и, с другой стороны, интересы транснациональных групп как субъектов глобализации. Взаимодействие этих факторов помогло родиться очередной технократической утопии, первая часть которой сводится к созданию

глобального информационного пространства, где для каждого возможен мгновенный доступ к любой точке его координат.

Вторая часть проекта – совершенствование человеческой природы. Для пояснения этого не очень внятного пункта Томуск обращается к декларации Института Экстропии (видимо, слово придумано как антоним энтропии. – *В. Ш.*). Помещенная на сайте Всемирной паутины, она провозглашает «абсурдность смиренного принятия «естественных пределов» продолжительности жизни». Ну, это куда ни шло. «Естественные пределы» действительно историчны. Экстропианцы замахиваются на большее! Они предлагают отнестись к человечеству как к «переходной ступени в эволюционном развитии разума». На манер русских космистов начала прошлого века они верят, что люди, в конце концов, покинут грешную Землю и в цифровой оболочке понесут разумное начало в звездные дали².

В комментарии Томуск напоминает читателю старую историю Станислава Лема. Его герой, легендарный космолетчик Йона Тихий в одном из путешествий попадает на планету, где осуществлена именно такая утопия – лишённые тел человеческие мозги функционируют в банках, составленных в чулане с компьютером, который генерирует для них всю полноту реальности. Неожиданно один из мозгов впадает в безумие. Он осознает, что мир, в котором он якобы живет, есть симуляция, фантом, а настоящая реальность это консервная банка в темном пыльном чулане. Чтобы такого кошмара «мозга в банке» не возникло, наука, считает Томуск, не должна подменять собой философию.

Наука ничуть не лучше других интеллектуальных практик человечества. Разница в том, что науку интересует лишь то, что «работает». Получаем ли мы при этом знания – вопрос спорный. Он не дает достаточных оснований для отказа от геной инженерии и других нравственно сомнительных экспериментов. Нужно исследовать все направления, пока возможности получения новых работоспособных решений не будут исчерпаны, – в этом беспрестанном поиске заключается ценность науки. Но именно поэтому, – считает Томуск, – вид, стремящийся к безграничному техническому прогрессу, в конце концов, уничтожит себя. Стало быть, наука должна иметь известные внешние ограничения.

Пассаж красивый. Он показывает, что диалектика для Томуска отнюдь не только интеллектуальный «трюк», как она характеризуется в начале книги. Автор довольно прилично владеет диалектикой. Подчеркнем еще один момент, вытекающий из рассуждения Томуска. Сегодня важным фактором жизнеспособности социума становится открытость науки для публичного обсуждения. Эта черта резко контрастирует с автономией обитателей Башни из Слоновой Кости.

Отметим два авторских довода в пользу того, что вождеденный информационный град, этот волшебный Новый Иерусалим обернется вселенской мусорной свалкой. Первое: количество закачанной в Интернет информации давно уже превысило интеллектуальные возможности отдельного индивида. И второе: крайне сомнительно, что нам удастся когда-либо редуцировать и универсализовать все своеобразие человеческого опыта (с. 14). На мой взгляд, первый из доводов не убедителен. Механика Интернета как раз и призвана помочь работать с массивами данных. Необходимо лишь точно формулировать запросы. Впрочем, ниже Томуск и сам скажет об этом. Второй аргумент серьезнее. Возможность его опровержения напрямую связана с ликвидацией культурного разнообразия и исчезновением наций и народностей.

То, что в наши времена в информационных каналах доминирует шум, перестает быть тайной даже для творцов образовательных стратегий. И в этих кругах

последний писк моды сводится к призыву вообще не давать знаний и центр усилий перенести в сферу передаваемых умений (transferable skills). Трудно, однако, представить, каким образом человека можно научить думать, если он не имеет никакого представления, о чем ему предстоит думать. Подлинная проблема образования – не в доступе к новым данным или пакетам программ, которые предлагают неутомимые провайдеры; она – в формировании критического отношения к тому, что доступно. Подобно элите прошлого, приучившей себя к воздержанию во времена разгульных пиршеств, элиты будущего будут демонстрировать свой вкус умением ограждать себя от избытка информации. И процесс, по мнению Томуска, пошел: признаком хорошего тона ныне стало не смотреть новостей по TV и не делать видеозаписей свадеб.

Как не сложно догадаться, Томуск сдержанно относится к перспективам компьютеризации высшей школы. Проекты типа «Прыжка тигра», инициированного в 1996 г. Эстонией, аналогичные программы в Румынии и Российской Федерации подвергают бюджеты серьезному испытанию и, не давая видимого повышения качества, своим идейным пафосом походят на попытку построить коммунизм в экономически отсталой стране. В результате студенты Сибири занимаются не тем, как спасти гибнущую местную промышленность, но учатся вести бизнес где-нибудь в Средиземноморье. Последствия могут быть тем печальнее, что проекты реализуются в технократических обществах, где за минувшие полвека утратили серьезную философию. Автор убежден, что без радикального пересмотра реформ, начатых комиссией Совнаркома с участием Бухарина и других видных большевиков в 20-е гг., без переосмысления роли обществознания в высшем образовании восстановление влияния университетских интеллектуалов в восточноевропейских странах едва ли возможно. Во всяком случае, если мы хотим от них не только идейного «секонд-хэнда» (с. 18).

Вузы России после коммунизма, или Конец эпохи сладкоежек

Не смотря на то, что Томуску доступна широкая информация о состоянии высшего образования в обществах бывшего «государственного социализма», особенное внимание он уделяет румынским, эстонским и российским реалиям. Первая страна рассматривается в силу репрезентативности её опыта. Вторая, надо полагать, вследствие своих особых отношений с самим автором, а третья... Наверное, потому, что это – Россия. Каждой из них посвящена отдельная глава. Примечательны вторые половинки названий глав. Они, говоря языком когнитивной лингвистики, играют роль фигуры, то есть выражают и организуют основную идею, смысл текста. Применительно к Румынии эта часть звучит как «стук во врата рая», для Эстонии – «совершенный хаос». Когда же речь заходит о России, фигурой оказывается что-то вроде «ушедшие сладкие денечки».

Многие вещи, о которых повествует автор, вроде лицензирования или Государственного стандарта, знакомы нам не понаслышке. Работа предназначена для англоязычного читателя. Нам она важна оценками и комментарием. Так, к примеру, признавая, что послевоенный Советский Союз создал беспрецедентную по масштабам систему высшего образования, Томуск тут же указывает, что возникший монстр не отвечал ни уровню экономического развития страны, ни потребностям социальной политики. Зато он был нужен ВПК.

В свое время Н. Вознесенский, академик и глава Госплана, размышляя о причинах победы во Второй отечественной войне, усмотрел преимущества планового хозяйства в

возможности концентрировать ресурсы всей страны на достижении намеченных целей. Но он не пояснил, как обеспечить правильность этих целей (с. 53).

Замечание Томуска тем более интересно, что проблема оправданности общественных целей по сути своей является философской. Это – один из немногих, но важных моментов, когда философия в состоянии оказать прямое воздействие на жизнь социума и отсутствие серьезной критической рефлексии может увлечь – и увлекало – народы по ложному пути. С оценками Томуска можно спорить. Но знать взгляд со стороны всегда полезно. Знание помогает освободиться от предубеждений и самодовольства.

Томуск активно ссылается на русскоязычные публикации и в их числе на выступления В. Садовниченко, Ж. Алферова, Ю. Кинелева и А. Егоршина, демонстрируя тем самым знание российской «табели о рангах». Кроме того, он опирается на закон об образовании 1992 г., поправки 1996 г. и государственные стандарты. Отмечая ограниченность своей источниковой базы, он вместе с тем оправдывается, что полной картины происходящего нет даже у работников российского министерства. В главе затронут широкий круг вопросов от изменения целей высшего образования и проблемы признания российских дипломов до правового статуса и перспектив частных вузов, от академической свободы и контроля содержания и качества образования до финансового положения высшей школы.

Основы советской вузовской системы сложились к середине 30-х. У Ленина, как свидетельствует его письмо Горькому от 15 сентября 1919 г., сохранялись серьезные трения с «буржуазной» профессурой, и советская школа, как и позднее – в 90-х, формировалась под определяющим воздействием студенчества. Задачей высшей школы, как и предлагалось бухаринской комиссией, стал не поиск истины (она дана в трудах классиков марксизма), а подготовка специалистов для нужд обороны и народного хозяйства. Отсюда почти шестьдесят процентов студентов изучали инженерное дело и естественные науки, а остальные готовились учительствовать. Высшее образование сделалось частью производительных сил. Усматривая здесь некое снижение социального статуса высшей школы, Томуск вместе с тем признает, что в 60-е эти же техницистские настроения овладели западными университетами.

Хотя в посткоммунистической России появились новые типы образовательных учреждений, на самом деле, считает автор, вузы не развиваются, а выживают. Реструктуризация проходит медленнее и с большими трудностями, нежели в Центральной и Юго-Восточной Европе. Ряд проблем являются общими: низкая зарплата преподавателей, вынужденное совмещение, правовая беспомощность перед администрацией, недостаток инвестиций, противоречие между формальной регламентацией и хаосом повседневной практики. Однако если другие страны пытаются хотя бы на словах перейти на западные образовательные модели, то в Российской Федерации многие склонны считать, что советская образовательная система и до реформ соответствовала мировым стандартам и нужно лишь сохранить прежний уровень финансирования. Томуск полагает эти настроения консервативными и объясняет их живучесть неизвестностью в России критических оценок российского образования, даваемых западноевропейскими учеными еще в доперестроечные времена. Однако сам таких оценок не дает и приводит только один довод против советской системы высшего образования, а именно перенасыщенность учебных планов идеологическими дисциплинами типа истории партии или теории коммунистического строительства (с. 58).

Заметим, что довод этот не оригинален. Он часто встречался на страницах многочисленных «Soviet studies». Потом переключался в российские тексты по философии образования. Главное же то, что он просто замазывает проблему. В ней следует различать три аспекта. Один из них это оптимальное соотношение универсального (фундаментального) и профессионального образования. Западная концепция исследовательского университета, как отмечалось во введении, столкнулась здесь с серьезными трудностями. Второй аспект связан с воспитательными функциями университета. Пока не очевидно, что замена научного коммунизма либеральными теориями позволяет успешно решать вопросы формирования личности. Третий аспект касается сочетания профессионального, интеллектуального и гражданского компонентов в образовании. Отказ от дисциплин идейно-воспитательного цикла ведет к усилению аномии, безразличию к моральным ценностям и чреват распадом социальной ткани. Стало быть, надо объяснить, какое соотношение идеологических и неидеологических предметов является правильным и почему именно такое, а не другое. Томуск отдает себе отчет в значимости этих вопросов. Но внятного ответа на них у него (впрочем, как и у многих других) нет. Отсюда вытекает, что причины критического отношения капитанов российского образования к западным моделям достаточно весомы.

Конечно, наш контраргумент никоим образом не девальвирует прочих достоинств книги. Томуск правильно, на мой взгляд, указывает, что колебания целевых установок видны уже в законе 1992. Закон трактует перспективу развития вузовской системы как системы профессионального высшего образования (ст. 9.5). Реформа должна способствовать переходу выпускников специальных средних учебных заведений в вузы (ст. 24.3). Эти положения закона лежат в русле советской традиции, но расходятся с реальностью, поскольку не ликвидирован разрыв в естественнонаучной и математической подготовке между школами и техникумами. Расходятся они и с западной практикой присуждения ученых степеней. Степень доктора философии в европейских университетах мало что говорит о профессии соискателя.

Непоследовательности реформы наглядно проявились в судьбах бакалавриата. Переход к четырехлетнему обучению обещал 20 процентное сокращение издержек. Он должен был помочь достижению взаимной конвертируемости российских и западных дипломов. Но подход был частичным. И бакалавры оказались никому не нужными³. Зато теперь полноценный диплом требовал уже двух лет дополнительного обучения. В 1998 г. университетам разрешили следовать и старой, и новой практике. Присоединение в сентябре 2003 г. к Болонскому процессу вновь актуализировало проблему.

Остается неясным и правовой статус вузов, особенно частных. Корень разногласий тот же: государство хотело бы уменьшить свои бюджетные обязательства, но сохранить контроль над содержанием обучения и образовательной политикой институтов и университетов. Для вузов идеальным положением было бы обратное. Здесь придется формировать новую традицию. Советские высшие учебные заведения считались юридическими лицами, но решения по учебным планам, штатному расписанию, приему абитуриентов и т.п. принимались на более высоком уровне, закрытом для критики со стороны Ученых Советов. Попытка передать университетам хотя бы часть контролирующих и организационных функций министерства столкнулась с финансовыми трудностями. Частные вузы в материальном отношении от государственного бюджета вроде бы не зависят. Но государство дает лицензию и проводит аккредитацию вуза. Этим оно берет на себя

функцию гаранта качества обучения в частном вузе, но тем же самым частный вуз фактически утрачивает свое очень ценное свойство – оперативно откликаться на запросы местного рынка и локальных практик путем новых курсов и специализаций. Пока частные институты Российской Федерации копируют учебные программы государственных вузов.

Томуск подробно и вполне лояльно описывает все три шага, посредством которых Российское государство пытается обеспечить сохранение уровня вузовского обучения: лицензирование, аттестацию и аккредитацию. Его критические замечания сводятся, во-первых, к упреку министерским структурам в нарочитом усложнении и централизации подготовительных процедур, связанных с открытием частного учебного заведения или введением новых специализаций. Ещё одно замечание касается содержания учебных планов. Их анализ показывает, что почти две трети учебного времени отданы предметам, непосредственно не связанным с профессиональной подготовкой выпускника. Это ставит под вопрос определение высшего образования как профессионального (с. 69).

Из других суждений Томуска обратим внимание на его интерпретацию роста студенческих рядов за последнее десятилетие. Вузы, по его мнению, использовали возросшую хозяйственную самостоятельность, чтобы поправлять свое материальное положение за счет студентов, обучаемых по договору. Автор, однако, не претендует на полноту своего объяснения и указывает, что этот рост можно интерпретировать языком возросшей социальной ценности высшего образования. Кроме того, влияние оказали боевые действия в Чечне и общая ситуация в Российской армии. Надо полагать, что все эти факторы имеют место. Проблему составляет соотношение их удельных весов. Такое знание важно для принятия стратегических решений. Но автор не берется сказать нам что-то более определенное.

Университеты и рынок, или Всемирный банк и обман «общества знания»

В этой части обзора мы обратимся к материалу, разные аспекты которого рассматриваются на протяжении большей части книги. Автора волнуют взаимоотношения между университетским предпринимательством и изначальной миссией университета, заключающейся в образовании и производстве фундаментальных знаний. В пятой – седьмой главах он пытается выяснить, в какой мере рынок превратился в реальность для восточноевропейского высшего образования, какова степень самостоятельности нынешних частных университетов и где разумные пределы университетского предпринимательства.

Рыночные отношения активно внедряются в жизнь университетов и на Западе. Но влияние рынка на восточноевропейскую систему высшего образования оказалось беспрецедентно большим (с. 45). И последствия не всегда благотворны. Из самых очевидных изменений можно назвать атомизацию деятельности вузов, ослабление (в Эстонии даже утрата) координирующей роли министерств, хаотический рост числа вузов и смену вывесок, когда вместо педагогического или политехнического института появляются педагогический или, соответственно, политехнический университеты. Волна прокатилась от Прибалтики до предгорий Тянь-Шаня. На её гребне в ноябре 1997 г. тогдашняя первая леди США Хилари Клинтон с большой помпой открыла Киргизско-Американский Университет в Бишкеке. Новые вузы пестрят названиями типа «американский», «европейский» или «международный». Но, как правило, названием все и заканчивается (с. 80).

Внедрение рыночных отношений не столько обострило конкуренцию между частными и государственными вузами, сколько способствовало созданию напря-

женности между университетами и фискальными органами. Возникли проблемы между университетским сообществом в целом, ректоратом и факультетами, которые непосредственно зарабатывают на договорном обучении (с. 84). Трудности усугубляются структурным противоречием между монетаризацией социальных связей и стремлениями оградить вузы от рынка. Все восточноевропейские парламенты за исключением Болгарии и Венгрии решили сохранить бесплатность обучения в государственных вузах.

По убеждению автора, сегодняшняя Восточная Европа не в состоянии поддержать разросшуюся за последние годы вузовскую систему. С другой стороны, у неё нет сил и на реформирование этой системы. Все сводится к косметическим мерам. Остается, как иронизирует Томуск, возложить надежды на биологию, которая по мере старения профессорских кадров и непривлекательности академической карьеры для молодых поможет найти размеры образовательных систем соответственно экономическим возможностям каждого государства.

На Западе приватизация привела к резкому разграничению частных и государственных (муниципальных) образовательных структур. В Восточной Европе этот процесс тоже имеет место. Но основной путь – создание параллельных структур внутри государственных учебных заведений. К примеру, почти все из двухсот украинских университетов имеют собственные частные структуры, и ректор государственного вуза одновременно курирует частные специализации и отделения. Этот тип учебных заведений резко отличается от своих западных собратьев. Они хорошо организованы и в предпринимательском отношении успешны. Но они не разделяют ценностей, на которых построена идея предпринимательского университета, и трудно сказать, в чем состоит их главная миссия – образовательная или там доминируют иные цели (с. 109).

За эти годы определились три группы потребителей образовательных услуг: искатели альтернативного (либерального) дорогого и престижного образования, затем профессионалы, нуждающиеся во втором дополнительном образовании, и те, кому нужны просто дипломы. Вывод Томуска не тривиален: в условиях развитых рыночных отношений дипломы и знания суть разные продукты (с. 88). Тем самым он ставит проблему оптимальной пропорции между платностью и общедоступностью образования применительно к каждому из этих продуктов.

Восьмая глава посвящена деконтекстуализации качества восточноевропейского высшего образования, иначе говоря, выяснению того, насколько вообще возможно создание общеевропейских стандартов уровня вузовской подготовки. Чтобы контроль качества служил поступательному движению высшего образования, он должен опираться на абстрактные, обезличенные и лишённые контекста критерии. Но как отмечают И. Джоунз и Дж. Ратклифф, среди теоретиков нет единства относительно того, что считать качеством образования⁴. В этой связи Томас обращает внимание на противоречие между универсальным и национальным содержанием университетского образования.

Хотя качество подготовки к исследовательской работе можно оценить в рамках требований международного сообщества ученых, высшее образование это больше, чем академическая подготовка. Автор вполне традиционно выделяет два компонента университетского образования, зависящих от локального контекста: личностное развитие и формируемые умения (skills). Были времена «джентльменов», потом пришла эпоха «товарищей». Чье время сегодня? Может быть, нынешний идеал это «рациональный искатель прибыли»? Томуск не в восторге от такой перспективы. Он считает, что университеты должны ещё сказать свое слово.

Поиск целей высшего образования в различных социокультурных контекстах остается важным вопросом не только для правительственных департаментов (с. 128).

Этот вывод определяет авторскую позицию в девятой – двенадцатой главах, когда он пытается разобраться в особенностях новой элиты и взаимоотношениях между университетами, западными спонсорами и «обществом знания». Поскольку на вопросах воспроизводства элиты мы планируем остановиться специально, опустим пока главу девятую и обратимся к идеям трёх последующих глав.

Томуск начинает с далеко не очевидного факта: вложения в вузы делает богаче богатые нации, бедные же нации получают от них весьма скудные проценты (с.145). Для многих стран система всеобщего высшего образования, к созданию которой призывают Всемирный банк и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), – не мотор, а прицеп к экономическому росту. Отсюда под фанфары деклараций о приоритетности высшего образовании правительства втихомолку сокращают бюджетные отчисления на высшее образование и принимают постановления о переводе государственных университетов на самообеспечение. Томуск пытается найти аргументы, которые помогли бы противодействовать этим тенденциям. Он различает экономические, социальные и политические доводы в пользу развития высшего образования.

Образованное население создает более сложные вещи, лучше зарабатывает и платит больше налогов. Образование диверсифицирует потребности и тем самым увеличивает емкость внутреннего рынка: DVD, а не книги, CNN, а не местные новости, ракеты, а не луки и стрелы. Все это называется «прогрессом». Насыщение снижает потребительскую активность? Спрос надо стимулировать: суперсвежая зубная паста, новый стиральный порошок, еще более пенистое пиво и новые специальности в высшем образовании. Собственно, интерес транснациональных структур к высшему образованию продиктован желанием создать дополнительные рынки приложения капиталов и механизм здесь тот же самый, что при проталкивании на рынок новой зубной пасты (с. 149). И еще нужен образ врага, которого можно одолеть только с помощью самой совершенной технологии. Владельцы дипломов в этой схеме важны как субъекты потребностей и создатели технологий. Мотивация к обучению сохраняет простоту и ясность: в динамично меняющемся обществе обладатель новых умений и знаний получает дополнительный шанс занять высокое положение в социальной иерархии и пользоваться престижными и дорогими материальными благами. Наконец, сегодня рынок труда перенасыщен предложениями и было бы неплохо попридержать подрастающие поколения в учебных аудиториях (с. 191). Особенно выгодно проводить это мероприятие за счет самой молодежи.

Здесь, правда, возможны возражения. Средний выпускник массового университета не способен создавать новые виды продукции и услуг. И структура его потребления мало, чем отличаются от потребностей и образа жизни других социальных групп. Кроме того, большая часть обладателей дипломов занимаются совсем не тем, к чему их готовили. И эта работа не требует высокой квалификации (с. 149).

Томуск признает справедливость возражений. Вместе с тем он подчеркивает узость экономического подхода к человеческой личности, асимметрию производства и потребления и высокие издержки социальной мобильности (потеря рабочего времени, затраты на переквалификацию и адаптацию, ощущение незащищенности вследствие частых увольнений персонала). Отсюда вполне обоснованное заключение автора: нельзя забывать, что хорошее образование – нечто большее, чем знание прейскуранта на услуги прачечной, и коль скоро общество вынуждено

заботиться о тех, кто не участвует в общественном производстве, социальная мобильность должна быть ограничена.

Рынок и постиндустриальное общество стимулируют деконтекстуализацию труда. Чем дальше, тем легче человек будет переходить от одного занятия к другому, опираясь не на верительные грамоты, но на то, что он делает. Однако мир в целом еще не вошел в постиндустриальное состояние, и пока не видно, чтобы ценность социального и культурного опыта упала настолько, что его можно игнорировать. Зато очевидно, что с расширением высшего образования наличие диплома станет условием практически любого наемного труда. Обратной стороной этого, по мнению Томуска, будет изменение содержания высшего образования. В учебных планах будет нарастать гуманитарная составляющая, ориентированная на выработку умений работать в команде, общаться с представителями иных культур и формирование прочих качеств, ранее приобретаемых в тинэйджерском возрасте.

Еще момент! Несмотря на все усилия глобализаторов по уничтожению культурных различий, большая часть задач общественных наук сохраняет местный колорит. Значит, выпускники вузов должны уметь смотреть на проблемы глазами людей своего общества и решать их с учётом местной специфики. Западные университеты этому не учат (с. 152). Нередко они просто навязывают свои собственные проблемы, как, например, получилось с гендерными исследованиями. Глобализация создала для западных университетов дополнительные возможности продажи своих продуктов под видом западной помощи. Но с точки зрения качества эти продукты бывают, мягко говоря, сомнительными.

Конечно, университеты по самому своему духу предназначены устранять границы между нациями и культурами. Мощное развитие университетской системы во второй половине двадцатого столетия – один из ранних симптомов глобализации. Университеты строились на бесконечном доверии к разуму и науке. Со времен Просвещения наука мыслилась как единый корпус знания, которое в один прекрасный день удастся выразить в одной универсальной формуле и создать теорию всего. Однако, рассуждает Томуск, поиск единой формулы, будучи при взгляде из Башни из Слоновой Кости делом вполне законным, едва ли поможет при решении локальных проблем. Вместе с тем обращение к таким проблемам ведет не к универсализации знания, а к его фрагментации. Дробление знания – одна из самых очевидных и не самых привлекательных черт современной науки. Но отказ от этого только ухудшит познавательную ситуацию (с. 154). Стало быть, университет должен найти баланс между своим статусом хранителя универсальных знаний и локальными нуждами.

Здесь возможны три варианта решения: 1) довериться способности глобализации нивелировать и устранить различия между народами и культурами; 2) отвергнуть глобализацию и сосредоточиться на культивировании своей самобытности; 3) постараться адаптировать принципы западной рациональности к местным условиям, не впадая в тоску по прошлому или в дискурс потребительства. Во всяком случае, разумность должна преобладать над этничностью. Ограничение рациональности национальными рамками означает, по мнению Томуска, поругание самой идеи университета.

Университеты и элита, или Принцип дистантной легитимации

Пока что легитимация на рынке труда остается большим бизнесом, и, по мысли автора, её значение будет расти. Когда половина населения страны имеет высшее образование, статус университета и специальность диплома имеют боль-

шую значимость, нежели при пяти процентах. В такой ситуации растет зависимость между эффективностью легитимации и отдаленностью легитимизирующего агентства. Проще говоря, советы лучше воспринимаются, если они приходят из дальнего зарубежья. Не случайно, лидеры «третьего мира» стремились получать образование за границей. Не ради лучшего образования, но потому, что это давало заграничный диплом.

Основное правило легитимации противоречит обыденному представлению, что содержание образования должно соответствовать будущей работе (с. 151). Противоречие возникает потому, что в первую голову легитимируется знание, в котором заинтересованы ведущие академические центры. Как следствие самые талантливые студенты не хотят возвращаться на родину. Их интенция понятна. Люди хотят лучшей жизни. Тех, кто усвоил западный образ жизни, перспектива возврата к традиционным устоям приводит в состояние близкое к панике. Стало быть, нужна стратегия реинтеграции выпускников университетов в местные структуры. Западные образовательные учреждения этим не занимаются. В основе их политики лежит идея линейного прогресса. Согласно этой идее нынешние Штаты или Германия – прообразы того, как будут выглядеть Нигерия или Бангладеш в недалеком будущем.

Правящие элиты всегда нуждались в образовании для легитимации своих привилегий. Во Франции, например, функцию сертификации элиты выполняет очень узкая группа институтов. Отсюда Бурдьё в «Государственной знати» выводит, что надежды на демократизацию высшего образования путем увеличения численности студентов являются мифическими. Власть должна обладать символами своей мудрости, иметь соответствующие свидетельства. Правда, непреложность данного требования исчезает в революционные эпохи. Так получилось в Восточной Европе конца 80-х – начала 90-х, когда прежняя элита и старая система образования утратили свою кредитоспособность. Но такие периоды скоротечны. И тогда лидеры без формального образования оказываются вынужденными задуматься о дипломе, постараться обрести культурный капитал. Они обращаются к университету. Между университетом и государством восстанавливается отношение взаимной легитимации (с. 162).

Капитал, как известно, способен к самовозрастанию. В применении к культурному капиталу это означает, что родители с высшим образованием имеют больше шансов устроить своих чад в вузы. Первые генерации коммунистических лидеров пытались противодействовать этой тенденции и исключить возможности конвертации культурного капитала во власть. Бурдьё называет два метода деструкции этих возможностей: террор по отношению к действующей элите и поддержку выходцев из рабоче-крестьянских слоев. Результат получился неоднозначным. Политика коммунистов в области доступа к высшему образованию, воспроизводя многие черты демократического общества, в то же время преследовала цель помешать возникновению более конкурентоспособной элиты. Эта двойственность нашла выражение в неприязни консерваторов, поднимавшихся «долгим лифтом», к молодым провинциальным технократам, которые попадали наверх благодаря ротациям (с. 139). Во властных коридорах им доставались вторые роли. Именно эти «вторые» начали приватизацию.

Приватизация позволила конвертировать культурный капитал и политические позиции в материальные ценности. По данным автора, 80 % новых румынских миллионеров входили в номенклатуру Чаушеску. Три пятых первой сотни самых богатых россиян – выходцы из номенклатуры. Такие же пропорции харак-

терны для Венгрии и Польши. Суть того, что тогда происходило, выражает формула «от плана к клану». Следующим шагом новой элиты явились попытки заигрывания с националистическими настроениями: живое воплощение той практики – Вацлав Гавел и Лех Валенса. Апелляция к нации должна была укрепить социальную базу новоиспеченной верхушки путем союза с народными фронтами.

Затем последовал поиск соответствующих образовательных символов. Критическим вопросом стал поиск альтернативы для традиционных вузов, обросших технократическими ассоциациями. За последнее десятилетие в Восточной Европе, Российской Федерации, Средней Азии и Закавказье открылись сотни новых вузов с двумя специализациями – бизнес и право. Новые вузы дали Венгрии премьер-министра, но в массе они, как констатирует Томуск, остаются фабриками дипломов (с. 142). Правда, тут можно надеяться, что рынок рано или поздно расставит всё по своим местам. Главная боль связана с философами, сравнительно узкой группой интеллектуалов, без которой общество не может быть полноценным. Прежде они пополняли ряды кочегаров и реализовывались путем обращения к «самиздату». Но и сегодня они не в чести. Сумеют ли восточноевропейские общества вырастить необходимое число критически мыслящих интеллектуалов – это остается вопросом (с. 200).

Каковы же перспективы?

Согласно последнему докладу ОЭСР нынешний уровень потребления развитых стран не может быть распространен на развивающиеся страны. В мире для этого просто нет ресурсов. Но глобализация толкает все народы в сторону роста потребления. Поэтому разрыв между ведущими потребителями и всеми остальными будет расширяться.

Образование оказывается в фокусе глобальных сдвигов. Потенциально оно смещает рынки развивающихся стран в сторону более разнообразных и дорогих товаров и услуг. Чем, по-видимому, и объясняется внимание международных финансовых институтов к развитию образования в отсталых регионах. Но поскольку университеты развитых стран вынуждены все активнее включаться в индустрию знаний и покрывать все растущую долю своего бюджета за счет консультаций и прочих образовательных услуг, интенция помогать развитию университетов третьего мира быстро иссякнет. В этой ситуации местные программы инвестиций в человеческий капитал обречены на поражение (с. 181). От себя добавим, что организационной формой подобного хода дел может стать «сетевая структура с ресурсным центром». «Центрами», разумеется, будут экономически и интеллектуально более мощные западные университеты. На долю же местных вузов, аффилированных в качестве ячеек «сети», выпадет служить средствами, а то и объектами «выемок».

Будет чудесно, продолжает Томуск, если Всемирный банк сумеет добиться улучшения положения развивающихся стран. Реальность же выглядит так, будто его целью является вытянуть из них остатки ресурсов. По большому счету эта программа ограбления недалевидна: глобальная экономика нуждается в рынках. Однако Б. Ф. Скиннер много лет назад показал, как трудно отказываться от непосредственной выгоды ради благ более высоких, но отдаленных. Стало быть, для большинства утопия потребления никогда не наступит, а глобальный рынок превратится в войну всех против всех, – только «миролюбивыми средствами».

Выводы совпадают со многими нашими интуициями. Они еще раз напоминают о сценарии «золотого миллиарда», по которому шесть седьмых человечества

должны покинуть свой космический дом. Они предложены человеком, которого отнюдь не назовешь марксистом и сторонником мировой пролетарской революции, но который знает то, о чем говорит. Выводы помогают избавиться от благодущия. На том их автору и спасибо.

Примечания

¹ Salmi, J. Globalization and the knowledge-based economy pose challenges to all purveyors of tertiary education / J. Salmi // Tertiary education. – News item, Times Higher Education Supplement. – 1999. – December 3.

² См.: [Электронный документ]. – Режим доступа : www.extropy.com/extprn3.htm.

³ См.: С той же проблемой столкнулась и вполне благополучная Германия. См.: Миронов, В. В. Болонский процесс и национальная система образования / В. В. Миронов // Alma Mater : вестн. высш. шк. – 2006. – № 6. – С. 7.

⁴ См.: Jones, E. A. Global Perspectives on Program Assessment and Accreditation / E. A. Jones, J. L. Ratcliff // Programme Assessment in Higher Education in South Africa, Bloemfontein, RSA : Unit for Higher Education Research / L., Lategan, M. Fourier, and A. Strydom (Eds.). – University of the Orange Free State, 1999.

Инга Филатова

Глиняные сосуды с окрашенной поверхностью в гончарной традиции неолита нижнего Приамурья

Нижнее Приамурье – территория долины р. Амура от низовьев р. Уссури до устья – относится к числу культурных ареалов Дальнего Востока, которые отличаются богатым и разнообразным материалом гончарного производства, датировым эпохой неолита.

В целом изучение нижеамурских неолитических памятников связано с работой Дальневосточной (ДВАЭ) (позже Северо-Азиатской комплексной – САКАЭ) археологической экспедицией под руководством А. П. Окладникова (затем – А. П. Деревянко). Трудами академиков А. П. Окладникова, А. П. Деревянко, доктора исторических наук В. Е. Медведева, кандидата исторических наук А. К. Конопацкого и других исследователей была сформирована значительная источниковая база, на основе которой в Нижнем Приамурье выделены пять неолитических археологических культур (далее – АК): осиповская, мариинская, малышевская, кондонская и вознесенская. По данным стратиграфии и радиоуглеродного датирования осиповская АК (XIV–X тыс. л. до н. э.) соотносится с начальным, мариинская (VIII–VII – VI тыс. до н. э.) – ранним; малышевская (VI–V – середина III тыс. до н. э.) – ранним средним, кондонская (VI – середина III тыс. до н. э.) – ранним (?) средним, вознесенская (середина III – последняя четверть II тыс. до н. э.) – поздним неолитом.

Коллекции с местонахождений малышевской и вознесенской АК содержат, кроме прочего, керамику с окрашенной поверхностью. Подобные образцы (целые или археологически целые сосуды, верхние и нижние части изделий, отдельные черепки) обнаружены практически на всех памятниках малышевской АК, но в большей степени они характерны для пос. Гася, Вознесенское, Калиновка, на острове Сучу. Из 5335 ед. общей выборки малышевской керамики (в числе которых – 156 целых и археологически целых сосудов, 1582 фрагмента венчиков, 3523 – стенок, 74 – донцев) на ее долю приходится 315 ед. (в том числе, 22 сосуда, 115 фрагментов венчиков, 164 – стенок, 14 – донцев). Крашенная керамика, коррелирующаяся с вознесенской АК, зафиксирована на пос. Малышево-2, Кондон-Почта, культовых центрах у с. Сакачи-Алян, Вознесенское, на островах Сучу и Тахта. Из 2362 ед. общей выборки вознесенской керамики (в числе которых – 92 целых и археологически целых сосуда, 419 обломков венчиков, 1822 – стенок, 29 донцев) она представлена 72 ед. (из которых – 7 сосудов, 11 фрагментов венчиков, 53 – стенок, 1 – донца).

О наличии изделий с окрашенной поверхностью писали практически все исследователи нижеамурского неолита. Так, А. П. Окладников считал крашеную керамику одним из признаков раннего и позднего этапов нижеамурской неолитической культуры. По мнению А. П. Деревянко и В. Е. Медведева, сосуды с «ярко-красной» поверхностью характерны для малышевской культуры. Отличает она и «ритуальную (парадную) посуду» вознесенской культуры.

Минеральная краска (охра различных цветов и пр.) известна людям с глубокой древности. Исследователи неоднократно отмечали, что охра в качестве сырья имела большое значение в хозяйстве древних племен и даже служила продуктом

обмена. Использовалась она как в ритуальных, так и в бытовых целях. В эпоху неолита добывание минеральных красок приобретает характер горных разработок с применением целого набора каменных горнорудных инструментов.

На Нижнем Амуре зафиксирован ряд месторождений минеральных красок, содержащих окиси железа. По данным В. Е. Медведева, в ходе исследования краски на фрагменте керамики из Тахтинского культового центра (образец Тах-69: 2293) методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии, проведенного в Институте катализа СО РАН, было установлено, что «красный цвет – результат оксидных соединений железа». Л. Н. Мыльникова, анализируя технологию обработки поверхности глиняных изделий с пос. Кондон-Почта, отметила, что «кондонские гончары использовали для покрытия сосудов <...> глину сильно ожелезненную, охристую, которая после обжига придавала сосуду красную окраску <...> Спектральный анализ выявил повышенное содержание в образцах окислов железа». По данным И. Я. Шевкомуда, для керамики вознесеновской культуры «характерно применение окраски деталей декора ярко-красным охристым составом».

Основная утилитарная функция окрашивания, как считают керамисты, заключалась в снижении влагопроницаемости внешней поверхности стенок глиняных изделий за счет присутствия в составе красителя тонкодисперсных частиц, которые закупоривали открытые поры черепка. Однако помимо утилитарной, окрашивание керамики выполняло и неутилитарную функцию. Исследователи нижнеамурского неолита отмечали особый «декоративный эффект» нижнеамурских неолитических сосудов, покрытых краской красного цвета.

По способу взаимодействия с поверхностью сосуда исследователи выделяют два вида орнамента: рельефный и плоскостной. Плоскостной узор получали с помощью красок, инструментов типа кистей. Как указывает И. Г. Глушков, такой декор «...не деформировал поверхность сосуда». Окрашивание, роспись, выступавшие в этом случае способами декорирования, служили как для выделения какой-либо части сосуда или узора, так и для создания собственно изображений. Цветовая гамма малышевской керамики включает красный, а также, возможно, темно-серый и черный цвета; вознесеновской – красный, белый и черный (два последних употреблялись только для заполнения углубленного орнамента) цвета. Так, на отдельных сосудах пос. Малышево по красному ангобному покрытию прочерчены узоры, заполненные белой или черной пастой.

Для керамики обеих нижнеамурских неолитических АК типично совмещение плоскостного и рельефного орнамента. Малышевцы сочетали окрашивание поверхности сосудов с узором в технике протаскивания, накалывания, реже – штампования, прокатывания. Вознесеновцы – со штампованием и протаскиванием, реже – прокатыванием. Кроме того, у носителей вознесеновской АК «на некоторых сосудах сложные спиральные узоры нанесены росписью».

Технико-декоративные элементы, использовавшиеся в оформлении крашенных изделий, довольно однообразны. В малышевской керамике – это дугообразные и угольчатые оттиски «отступающей» лопаточки, гребенчатого штампа. В вознесеновской – оттиски «гребенки» и зубчатого колесика в сочетании с желобками, круглыми оттисками. Прочие элементы представлены единично.

Названные технико-декоративные элементы компоновались в орнаментальные мотивы. Для керамики малышевской АК характерны, преимущественно, линии прямые горизонтальные, меандроидные (собственно меандр, жгут), дуги, спирали. Другие орнаментальные мотивы – линии прямые вертикальные и наклонные, линии волнистые, круги и пр. – немногочисленны. В керамике вознесе-

новской АК представлены, в основном, так называемые «личи́ны», в меньшей степени – линии прямые горизонтальные, спирали.

Орнаментальные мотивы составлялись в композиции. В малышевских изделиях их построение основывалось, как правило, на чередовании или повторе мотивов рельефного и плоскостного декора. В вознесенских же сосудах, скорее, подчинялось развитию «сюжета» мотива. Структура композиций и в малышевской, и в вознесенской керамике, в основном, концентрическая. В малышевской керамике краска наносилась полосой на внешний бортик венчика, реже – на верхнюю поверхность, внутренний бортик венчика, плечики, тулово и придонную часть. В вознесенской, в отличие от малышевской, краской покрывались преимущественно все незаполненные рельефным узором зоны; мог быть окрашен выпуклый или заполнен углубленный рельеф. В обоих орнаментальных комплексах зафиксировано по одному образцу крашеной керамики с радиально-концентрической структурой. Для керамики малышевской АК характерен бордю́р как тип пространственного построения композиции, а также бордю́р в сочетании с сеткой и розеткой. В меньшем объеме зафиксированы розетка и сетка. Есть единичные образцы с композицией, сочетающей все три типа построения. В вознесенской керамике доминирует розетка как тип пространственного построения композиции. Единично представлены образцы, сочетающие два (бордю́р+розетка) и три (бордю́р+сетка+розетка) типа композиционного построения.

Морфологические характеристики сосудов при построении орнаментальных композиций как малышевской, так и вознесенской крашеной керамики не являлись, по-видимому, решающими. В коллекциях обеих АК представлены как открытые, так и закрытые формы. Отметим, однако, что в керамике малышевской АК более половины приходится на шаровидно-сферические сосуды, в керамике вознесенской АК чуть менее половины – на ситулы.

Не вызывает сомнения, что окрашенные изделия функционировали в первую очередь в качестве ритуальной посуды. Памятники малышевской и вознесенской АК с крашеной керамикой связаны с отмеченными В. Е. Медведевым культовыми центрами у с. Сакачи-Алян, Вознесенское, Калиновка, на острове Сучу, Тахта, что в целом определяет идейно-семантическую нагрузку подобных изделий.

По мнению исследователей, в мифопоэтической системе древних культур глиняный сосуд предстает, кроме прочего, как модель мироздания. Его создание (как и других вещей) мыслится, как воспроизведение акта творения сущего; его части уподоблены частям мира, человека. В силу этого, основное семантическое значение фона окрашенной поверхности глиняных сосудов предположительно можно связать с окружающим миром, фоном бытия человека. Вероятно, эта общая идея дифференцировалась в понятиях «огня», «воздуха», «воды», «земли», как основных структурных элементах мироздания. Изделия покрывались красной (цвет пламени), белой (цвет воздушного пространства, облаков, воды) и черной (цвет почвы и угля на кострище) краской. В «Уханогоя Упанишада» сказано: «Красный цвет [материя] огня – это цвет [перво] огня, белый цвет [материя] огня – это цвет [первичных] вод, черный цвет [материя] огня – это цвет [изначальной] земли...». По-видимому, присутствие в крашеной керамике нижеамурских неолитических АК трех цветов – красного, черного и белого – при несомненной первичной освоенности и доминанте красного цвета неслучайно.

В исследованиях, посвященных семантике цвета, красный цвет считается «...агрессивным, жизненным и исполненным силы, родственным огню и обозначающим как любовь, так и борьбу не на жизнь, а на смерть». В целом он связан с

цветом жизни, жизненной и физической силы, здоровья и молодости, а также энергии, импульса, эмоций, страсти. В более конкретном человеческом приближении – это цвет активного мужского начала; выражение мощи фаллоса, а также менструальной крови. Но в последнем значении он сближен не только с конкретно человеческим, но и с общемировым контекстом, поскольку, например, согласно античному учению о зачатии, новая жизнь возникает там, где менструальная кровь соединяется с белой спермой. Таким образом, красный и белый цвета оказываются связаны с символикой творения. В китайской традиционной семантике цвета красный почитали, как священный, живительный; его считали счастливейшим из всех цветов и связывали с жизнью и энергией. В системе пространственно-временных координат он ассоциировался с югом и летом; в системе элементов мироздания – огнем. Отметим также его связь с солнцем. Кроме того, – это цвет бога счастья, дающего богатство и, соответственно, благополучия. Имел он и защитное значение.

Перечисленные основные смысловые характеристики красного цвета несут в целом позитивное значение и, так или иначе, связывают его с ритуальной сферой, в рамках которой действия в конечном итоге направлены на достижение благополучия. Негативные же смыслы, отмечаемые исследователями – борьба не на жизнь, а на смерть, война, опасность и т. п. – не противоречат общей семантике цвета, хотя бы в силу того, что ритуал, кроме прочего, – это отражение изначальной борьбы сил хаоса и космоса, действия по восстановлению частично утраченного порядка.

Вписанность нижеамурской керамики с окрашенной красным поверхностью в сферу ритуального, определяется не только ее находками на поселениях, расположенными рядом с культовыми центрами и в собственно святилищах, но и возможной смысловой связью с солярным культом, магией плодородия, культом мертвых. На эту взаимосвязь, вероятно, указывает отмеченный А. П. Окладниковым для эпохи дзёмона обычай обсыпать мертвых красной охрой, разводить на могиле огонь. «В той же связи, вместе с общими <...> воззрениями на жизнь и смерть, идеей воскресения и возрождения к новой жизни, следует рассматривать ориентировку костяков, очевидно, по солнцу». Связана с погребениями эпохи дзёмон и крашенная керамика. Так, в раковинных кучах Хигасикусиро (Хоккайдо), датировемых начальным дзёмоном, <...> находилось 4 почти квадратные ямы, засыпанные охрой... В одной из ям был костяк в скорченном положении, на спине, головой на север, в изголовье – окрашенные в красный цвет сосуды». Указывают на нее и те орнаментальные образы («личины»), которые украшали вознесеновские крашенные сосуды. (Подробную иконографию изображений см.: Медведев, В. Е. Неолитические культовые центры в долине Амура / В. Е. Медведев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 5 (24). – С. 40–69.) В керамике малышевской АК к мотивам с подобной идейно-смысловой нагрузкой, относятся, в первую очередь, мотивы основной зоны орнаментации (плечики и тулово сосудов). Это различные вариации меандра, жгут, шеврон, сегмент, «лесенка», ромбы, волнистые линии, дуги, спирали, круги, волютообразная фигура, сетка и т. п. Конкретная интерпретация их смысла затруднительна в силу подчеркнутой геометричности, но, возможно, они выражают представления малышевцев, как об общей структуре мироздания (меандр, шеврон, спираль) и его составных частей (типа солнца (спираль, круг), Мирового Древа (круг, волютообразная фигура) и т. п.), так и о жизненном пути человека, предполагающего неустанный и упорный труд для достижения благополучия (жгут, «лесенка»), о его первопредках.

Черный и белый цвета в окрашенной керамике нижеамурских АК зафиксированы в меньшей степени, нежели красный (см., например, заполнение черной и белой пастой углубленного рельефа в керамике вознесенской АК). Соответственно, в семантической системе цветов крашеной керамики мальшевской и вознесенской АК они занимают, скорее, подчиненное положение. Можно полагать, что это связано и с подменой их друг друга в оппозиции с красным: красный / белый, красный/черный, как выражение черного цвета в первом случае и белого – во втором.

В исследованиях по семантике цвета черный почти повсеместно предстает как цвет негативных сил и печальных событий, символизируя смерть, горе, отчаяние, зло. В структуре мира он связан с низшими уровнями (ступенями) мироздания (загробным миром), хтоническими подземными божествами, которым в жертву приносили угольно-черных животных. В конкретно человеческом приближении черный цвет символизировал пассивное женское начало, тьму материнского лона. В целом, как и красный, черный – амбивалентный цвет. Это – цвет земли, но и дождевых облаков, т. е. отражение бинарной оппозиции небо / земля; это – цвет траура и покаяния, но и обещание будущего воскресения, во время которого он светлеет, становится серым, а потом и белым. Дуалистическое единство света и тьмы, необходимое для продолжения жизни, нашло выражение и в китайской традиционной символике цвета, в которой эта идея выражена в черно-белом символе «инь – ян». Кроме того, в Древнем Китае черный цвет почитали как цвет чести. В системе пространственно-временных координат он ассоциировался с севером и зимой, в системе элементов мироздания – водой.

Белый цвет, по мнению исследователей, может пониматься либо как еще не имеющий цвета (бесцветный), либо как полное соединение всего цветов. Амбивалентность его выражена также и в том, что он выступает как позитивная сторона антитезы «черное – белое» во всех символических системах, но имеет и некоторые негативные значения: пустота, холодность, бледность смерти, страх и трусость. В целом, он предстает как абсолютный цвет света. В структуре мира он связан с высшими уровнями (ступенями) мироздания (небесным миром), небесными божествами, которым посвящались белые жертвенные животные. В конкретно человеческом приближении – символ чистоты, невинности, в силу чего, его использовали почти как универсальный символ посвящения, новообращенного. В китайской традиционной символике цвета белый – это общепринятый цвет траура, собственно не имеющего цвета, бесцветного траурного одеяния. Но использование его для траурных одежд скорее символизировало не печаль, а опять же посвящение в новую жизнь, ожидающую умершего. В системе пространственно-временных координат он ассоциировался с западом и осенью; в системе элементов мироздания – металлом. Отметим также, что белый – это цвет старости, но вместе с тем – юной девственности.

Таким образом, общая семантика красного, черного и белого цветов не противоречит, а, напротив, дополняет их взаимные характеристики. Основные смысловые антитезы трех цветов (жизнь / смерть, добро / зло, счастье / несчастье, активное / пассивное, небо / земля, огонь / вода и т. д.) вполне логично вписывают крашеную керамику неолита Нижнего Амура в ритуальную деятельность носителей мальшевской и вознесенской АК.

По замечанию В. Е. Медведева, «...крашеная ритуальная керамика, аналогичная обнаруженной в Нижнем Приамурье, в неолитических памятниках на территории соседних регионов российского Дальнего Востока отсутствует, если не считать отдельных черепков. Проблема появления в Нижнем Приамурье красно-

лощенных глиняных сосудов порой весьма своеобразных форм пока остается нерешенной».

Действительно, в неолите сопредельных с Нижним Амуром территорий Среднего Приамурья и Приморья традиция окрашивания поверхности сосудов практически не получила распространения. Так, разрозненные фрагменты крашеной керамики зафиксированы в материалах громатухинской культуры на Среднем Амуре (пос. в устье р. Громатухи). По мнению исследователей, «представляют интерес несколько фрагментов керамики, покрытых мелкими вдавлениями, образующими острые углы. Главная особенность этих черепков состоит в том, что они крашеные. Наружная поверхность их буро-малиновая...» Орнаментальные мотивы – вписанные друг в друга дуги и спираль в технике «отступающей лопаточки». Названные признаки – окрашивание поверхности красной краской, способ и технические приемы декорирования, элементы, мотивы – указывают на определенные аналогии этих фрагментов с керамикой малышевской АК.

На территории Приморья крашенная керамика появляется в памятниках III–II тыс. до н. э. И хотя наличие на поздненеолитическом пос. Валентин-Перешеек «...специальной отрасли по добыче и обработке минеральной краски указывает на важное значение продуктов этого вида производства и широкое использование их в материально и духовной жизни обитателей Приморья III тыс. до н. э.», в целом же, по мнению И. С. Жушиховской, «...эта технология более активно использовалась керамистами Амура».

За пределами российского Дальнего Востока крашенная керамика зафиксирована на территории соседних регионов Китая, Кореи и Японии.

Так, развитая традиция росписи глиняных сосудов минеральными красками красного, черного и белого цветов неоднократно отмечалась исследователями неолитических культур круга яншао (северный Китай), существовавших в диапазоне конца V–I тыс. до н. э. Следует, однако, заметить, что в данном случае представлены именно росписи: изображения получали с помощью краски, а не деформирующими поверхность способами декорирования, создающими рельеф. Большой интерес по технологическим и декоративным признакам, на наш взгляд, вызывают материалы неолитической культуры чжаобаогуо (южная Маньчжурия), существовавшей с конца VI до середины V тыс. до н. э. Для нее отмечены чаши, которые «имеют крашеную полосой кромку отверстия». Названные признаки – окрашивание поверхности изделий у кромки, полосой, использование только краски красного цвета – указывают на определенное сходство чаш чжаобаогуо с сосудами малышевской АК.

На территории Японии традиции окрашивания керамики связывают с периодами среднего (V–IV тыс. до н. э.) и позднего (IV–III тыс. до н. э.) дзёмона. Так, «поверхность сосудов (типа «катсусака». – И. Ф.) <...> во многих случаях перед лощением покрывалась тонким слоем красной краски или обмазывалась асфальтом <...> В ряде случаев мастер противопоставлял орнаментальные поля и фон различной окраски. Не ограничиваясь сочетанием лощеного малиново-красного фона с естественной поверхностью сосуда на орнаментальных полосах, он применял сочетание красного цвета с черным, роспись. Перечисленные признаки – окрашивание поверхности, сочетание краски разных цветов, применение росписи – имеют определенные аналогии с материалами вознесенской АК. В целом, анализируя находки с нижеамурских и японских памятников, А. П. Окладников сделал вывод о взаимном влиянии древних культур.

На территории Кореи прием окрашивания стенок сосудов красной краской, как отмечают исследователи, получает распространение позже, уже в конце III тыс. до н. э.

Как считает В. Е. Медведев, «...на формирование традиции изготовления краснолощеной обрядовой керамики в эпоху неолита в Нижнем Приамурье могло прямо или опосредованно повлиять гончарное искусство неолитического Китая <...> Это влияние китайской гончарной традиции в форме эпизодического культурного импульса малышевская культура испытала, скорее всего, до того, как познакомилась с дзёмонским гончарством. И оно не отразилось сколько-нибудь серьезно на характере керамического производства амурских племен». «Дзёмонское гончарство», по мнению исследователя, также «в определенной степени способствовало появлению в неолитическое время в Нижнем Приамурье краснолощеной культовой посуды. Это могло произойти в результате прямых контактов носителей вознесеновской культуры и представителей финала среднего – начала позднего дзёмона...»

Трудно не согласиться с мнением В. Е. Медведева, что «...ритуальная керамика неолитических обществ Нижнего Амура, хотя традиции ее производства формировались под влиянием древнего гончарства Японии и Китая, которые проявились скорее в технологии, была по своей сути оригинальной. В присущей ей системе орнаментальных композиций воплотились местный колорит и архаика мировоззрения». На наш взгляд, крашенная керамика нижнеамурских неолитических АК имеет автохтонное происхождение. По всей видимости, эта традиция возникла в малышевской АК, для которой характерно окрашивание, как частей изделий, так и всей поверхности сосудов целиком, использование в основном краски красного и, возможно, черного и серого цветов, отсутствие практики росписи. Для вознесеновской же АК, возможно, конвергентно воспринявшей традиции малышевцев, не исключено влияние извне.

Надежда Котляр

Пограничная линия «Восточного фронта»

Фронтир (от английского *frontier*, буквально – граница между освоенными и не освоенными поселенцами землями) – термин, предложенный американским историком Фредериком Дж. Тёрнером в 1893 г. для обозначения «точки встречи дикости и цивилизации», – был воспринят обществом как символ свободы и предприимчивости. Это понятие отражает и особые условия формирования американского капитализма, не обремененного пережитками прежних экономических укладов. По образному выражению А. Д. Агеева, «“подвижная граница” делала американцев хищниками, но не сделала их лодырями. Щедрая природа приучила их к мысли, что меньшим количеством труда можно получать большую прибыль»¹, и не имеющие «резервной армии труда» американские фермеры и предприниматели привыкли переводить в постоянный капитал часть прибавочного продукта, постепенно превращая свои накопления в капиталистические. Итак, идея фронта, ассоциируясь уже не только с передовой чертой американских поселений на осваиваемом Западе, символизирует феномен капиталистической мир-системы и прогрессивное развитие.

В отечественной литературе эта идея вызвала особенно пристальный интерес примерно со второй половины 1990-х гг. Не имеющий адекватного перевода на русский язык, «фронтир» приобрел несколько новое звучание в терминах «фронтирная граница» и «подвижная граница», подразумевающих формирование государственной границы, но никоим образом не обозначающих границы суверенитета государства. В русле фронтирной теории выстраиваются две линии рассуждения. Во-первых, фронтир определяется как «порубежье, пограничье»; это «территория взаимодействия, где официальные границы еще окончательно не сложились, где идентичности еще не выплавились... где продолжаются миграция населения, войны, конфликты, натиски и, одновременно, культурное взаимодействие в самом широком смысле понятия»². Это контактная зона, порубежная зона межкультурного (межцивилизационного) взаимодействия, зона, «прилегающая к границе (с одной или обеих сторон), и выделяемая на основании одного (как правило административно-территориального) или нескольких признаков в качестве объекта анализа»³. «Типичным» современным пограничьем называют Сибирь – «макрорегион, в котором формируется особое социальное пространство («приграничное сообщество»), характеризующееся интенсивным взаимодействием разнообразных общностей людей (этнических, территориальных, религиозных, культурных), увеличением форм взаимодействия между населением, появлением новых форм общения (приграничные перемещения, «челночная миграция»), изменением в сторону разнообразия этнического состава населения»⁴.

Во-вторых, фронтиром в российской историографии называют подвижную зону освоения территории и переднюю линию колонизации. Таким образом, фронтир, прежде всего, подразумевает ряд характерных черт: 1) восприятие природно-климатических условий зоны освоения как «своего» ландшафта, перемещение по которому не вызывает препятствий и предполагает применение отлаженных навыков хозяйственного освоения территории; 2) наличие «людей фронта» – тех, кто создавал переднюю линию колонизации и тех, кто продвигался и закреплялся на новые территории; 3) влияние «духа фронта» – особого мировоззрения свободы и воли; 4) неопределенность, неустойчивость передней линии освоения или колонизации, находящейся в постоянном движении. Рассмотрение фронта с этой точки зрения дает возможность сосредоточить внимание на социально-культурных и природно-климатических чертах зоны освоения и частично отойти от логики как государственной так и вольной колонизации.

Исходя из теоретического предположения о применимости фронтирной идеи к любому государству, имеющему опыт освоения земель, российские конференции⁵ и исследования⁶, посвященные фактору подвижной границы в истории государства, основывались на компаративном анализе в американской и российской истории; русского движения на Восток – освоения Сибири и Дальнего Востока России и американского движения на Запад – освоение Северной Америки⁷.

К числу фронтиров Российской империи относят обширные территории, которые, в соответствующее время, охватывал процесс русской колонизации (территориального расширения России). Это Сибирь (Урал и Сибирь – в XVII–XVIII вв.), Кавказ (Дон и Северный Кавказ – в XVII – начале XIX в.), Башкирия (упоминается только в региональных исследованиях), Дальний Восток (второй половины XIX – начала XX в.). Сюда относится Центральный район (Залесская Русь), который осваивался русскими в XI–XIV вв.; так называемый Русский Север – в XV–XVII вв.; а также современный Черноземный Центр – в XVI–XVII вв. Дальний Восток – последний фронтир царской России, упоминающийся практи-

чески во всех исследованиях, затрагивающих тему фронта. При этом Дальний Восток может считаться составляющей Сибири (авторы традиционно упоминают «бросок» к Тихому океану – выход к Охотскому морю). Сибирский, или, точнее, Восточный фронт⁸ – термин, который чаще всего применяют для обозначения формирующейся границы в Сибири и на Дальнем Востоке в период XVII–XIX вв. Чтобы подчеркнуть отличие от тернеровского понятия, по отношению к Америке употребляют термин «фронт», по отношению к российской Сибири – «сибирский рубеж».

Рассмотрим влияние названных характерных черт применительно к фронтальной зоне в Приамурье – последней, по времени формирования, части Восточного фронта, созданной в период преодоления естественных рубежей реки Амур и закрепления на ее правом берегу во второй половине XIX в. Учитывая, что рассмотреть в рамках данной работы каждый компонент восточного фронта и его оценки в современных исследованиях не представляется возможным, обзор ограничен несколькими компонентами, наиболее распространенными в исследовательских дискурсах.

1) Влияние природно-климатических условий на формирование восточного фронта ощущалось с самого начала движения русских первопроходцев на Восток. «В XVII в. землепроходцы прошли всю Сибирь, но русские люди заселили только лесостепную полосу и берега рек, т. е. ландшафты, сходные с теми, где сформировались их предки и к которым привыкли они сами»⁹. «Продвинувшись в Сибирь, наши предки не вышли за пределы привычного им кормящего ландшафта – речных долин»¹⁰, – приходит к выводу Л. Н. Гумилев. Действительно, даже к началу XX в. «население Амурской области располагалось преимущественно по реке Амуру и по нижнему течению рек Зеи и Буреи, а также их притокам: рекам Томи, Белой, Будунде, Гальчине, Диме, Завитой и Архаре»¹¹.

Пределом речного ландшафта на востоке должна была стать только «враждебная» для жизни граница, которой, согласно теории К. Хаусхофера, стало морское побережье. Приамурье, считавшееся для Китая и Японии «непригодным для жизни, не имеющим ценности пространственным владением»¹², представлялось русским «невраждебной» территорией. С другой стороны в качестве «разделительного рубежа между двумя природно-климатическими зонами, резко отличающимися одна от другой», должна была стать Великая Китайская стена¹³. Очевидно, именно предпочтения в выборе ландшафта и природно-климатической зоны стали решающим фактором для русских, направлявшихся от берегов Амура на юг Дальнего Востока – на территории современного Приморского края.

Исследователи уверены, что важнейшим фактором российского пребывания на востоке была все же военная необходимость. Так, по мнению Д. Резуна, фронт – это и есть «создание цепи или отдельных относительно быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов (остроги, слободы, форпосты, пасы, погосты, укрепленные деревни и заимки), которые всегда выдвинуты в пограничные земли и отдалены от основных административно-хозяйственных центров (городов) относительно большим расстоянием»¹⁴. В целом именно военные пункты образовывали пограничную линию, продвигавшуюся постепенно, по мере освоения территорий и вхождения их в состав российского государства.

А. В. Ремнев называет «Последовательное использование окраин как военно-экономического плацдарма для дальнейшего расширения (Охотско-Камчатский край – для Северной Америки; Забайкалье – для Приамурья; Приамурский край – для Маньчжурии; Западная Сибирь и Оренбургский край – для

Казахстана и Средней Азии)»¹⁵. В конечном счете, приоритет Амурского направления в освоении Сибири и Дальнего Востока сложился в период поиска средства для защиты Охотско-Камчатского края. Необходимо также отметить, что на формирование направлений освоения значительное влияние оказывали также географические особенности Дальнего Востока и Сибири. Так, географическая отдаленность Камчатки способствовала своего рода гарантии внешней безопасности региона, и, конечно, оказала влияние на «исторически сложившуюся полную зависимость от завоза извне»¹⁶.

Важность военного аспекта объясняется приближением к соседней Китайской империи и образованием «межимперской территории», благодаря чему ««Азиатская граница» как особый тип границы представляла собой, с точки зрения европейского наблюдателя, аморфную «геополитическую чересполосицу», большую барьерную территорию между империями»¹⁷.

На приоритет дальневосточного направления политики и идеи обеспечения «естественных границ», сложившейся в середине 1840-х гг., оказывает влияние целый ряд факторов, в числе которых отмеченная выше необходимость защиты границы и активность соседних государств, и, прежде всего, США. А. В. Ремнев делает предположение о том, что причиной политики активных действий на севере и юге Дальнего Востока, автором которой считают Н. Н. Муравьева, является необходимость создания мощного российского флота и, предвидевшееся Муравьевым, усиление США¹⁸. В целом, для периода 40–60-х гг. XIX в. для развития российско-американских региональных отношений было характерно, в частности, «постепенное перемещение отношений с северо-западного побережья Америки в российские восточно-азиатские владения, вследствие падения интереса России, особенно в лице ее правительства, к американскому континенту»¹⁹. С продажей Россией Аляски «перестали существовать и пересекаться два встречных потока – россиян на восток, а американцев на запад», причем, отмечает Л. Н. Гарусова, «второй поток, даже не особенно и ослабел с необходимостью американизации и обживания Аляски»²⁰.

Вместе с тем, в силу географических особенностей Дальнего Востока, к вопросу формирования территории нельзя подходить из решающего значения военных приоритетов. Более существенным для дальневосточного направления стали экономические вопросы, точнее проблемы поддержания и развития новых территорий. Как только фронтальная граница переросла в государственную, отношение к ней стало особым. Несмотря на проблемы демаркации российско-китайской границы в начале 1860-х гг., до конца XIX в., по утверждению генерал-губернатора Приамурской области, «мы избегали всего того, что могло бы стеснить китайский транзит через Владивосток и залив Посьета, сознавая, что этим самым мы улучшаем и закрепляем дружественные отношения с нашим соседом, а с другой стороны, содействуем оживлению китайского транзита через наши гавани, косвенно возбуждая у них интерес к созданию более тесной экономической связи с нами»²¹. «Конкуренция с Китаем, как на почве торговых сношений так и на почве рабочего труда, невозможна... Поэтому между Россией и Китаем должна всегда существовать экономическая граница, которая открывалась бы для пропуска китайских произведений и для рабочих лишь тогда, когда того потребуют наши интересы»²², – докладывал военный губернатор Приморской области в 1900 г.. Даже к началу XX в. 8000 верстная удаленность Амурской области от главнейших торговых рынков, неудовлетворительность местных путей сообщения, и ежегодно повторяющееся на продолжительное время мелководье Амура обусловили «наи-

более деятельные торговые отношения» области с США, Китаем и Японией. Внешняя «как вывозная так и ввозная торговля оказывает большое влияние на внутреннюю местную торговлю области, которая от нея главным образом зависит, ею расширяется и оживляется»²³, – отмечал военный губернатор Амурской области.

2) Несомненно, большинство «людей фронта» принадлежит к числу военных. Однако были и другие действующие лица. Выбор переселенцев был важным аспектом для успешной правительственной политики хозяйственного освоения и оживления края. Выбор, уже predetermined историей освоения Сибири, был сделан в пользу казака – представителя особого сословия, способного быть воином и земледельцем, уже составлявших ядро отрядов сибирских землепроходцев. Исторически казак (козак) – «продукт степи», «по общерусскому значению слова – бездомный и бездольный, “гулящий” человек... не имеющий определённых занятий и постоянного местожительства... исторический преемник древних киевских богатырей, стоявших в степи “на заставах богатырских”», ставший «со Смутного времени для Московской Руси ненавистным образом гуляки, “вора”»²⁴. Знаменателен тот факт, что предпочтительным местом расселения выходцев с украинских земель была Южно-Уссурийская округа, условия которой ближе всего соответствовали климату южной полосы России. Однако на Дальнем Востоке потребовалось совсем другое население. «Желательно... население поселять энергичное, которое в состоянии эксплуатировать не только рыбные богатства, но и другие промыслы: каботаж, постройку деревянных судов, лодок, добычу строевого леса; желательно направлять... переселенцев из губерний средней полосы России, где население привыкло разрабатывать землю из под леса, а не из степных площадей»²⁵, – пишет в отчете военный губернатор.

Целью русской восточной экспансии, по мнению большинства авторов, являлось, в первую очередь, приобретение новых подданных, закрепление которых за ближайшим административным центром уже само по себе знаменовало один из принципов эффективной оккупации. С самого начала царская политика рассматривала подходящими для этой цели все слои населения, для проживания которого на Дальнем Востоке использовались любые средства. Так, по признанию военного губернатора, «проживание здесь значительного числа китайцев... есть зло», однако «китайцы и корейцы могут до поры до времени быть терпимы в крае, но лишь постольку, поскольку деятельность их может облегчить прочное основание в крае русской народности»²⁶. Использование населения, в том числе и местного, как средства закрепления на новой территории – типичная черта фронтальных линий. Однако дальневосточная политика несколько изменила эту логику, и, следуя практике «освоить – значит заселить», надолго predetermined перспективу развития не только хозяйственных отраслей восточных земель, но и всего Дальнего Востока России.

3) Ментальный фактор или социокультурные мотивы продвижения (переселения), «дух фронта», включающий, вероятно, степень «вольности» колонизации, формируется восприятием землепроходцами и переселенцами новой земли. Это самый важный «признак» фронта, сложность которого связана со спецификой национального характера. Так, А. Д. Агеев исследует литературно-фольклорный образ Сибири и Дальнего Востока, созданный официальным мифом и идеологией экспансии, которые сами по себе уже способны стать фактором движения. По его мнению, влияние на массовое сознание позитивного и романтического образа Сибири, было недолгим, но очень сильным только в советский период. В основном представление о Сибири, по мнению большинства авторов, все-

гда было окрашено в самые мрачные тона. «Российский образ фронта – крамольной окраины», по отношению к которой даже героическая сторона ее освоения затмевается мрачным образом Сибири-каторги²⁷. Аналогичные характеристики есть и у Дальнего Востока, особой «приметой» которого является тайга. «Дует ветер с востока, он свежий // скоро ичиг обуеет нога // скоро кровью людской и медвежьей // будет мыться святая тайга» (Н. Гумилев). Образ настолько безоговорочно негативен, что сохранил свою специфику и в современном творчестве: «облака в небе спрятались // звезды пьяные смотрят вниз // и в дебри сказочной тайги // падают они». Несмотря на то, что тайга сказочная, сказка опять о «розовом снеге»: «ночью по лесу идет сатана // и собирает свежие души // новую кровь получила зима // и тебя она получит». Фигура рассказчика, «служившего на почте ямщиком» завершает привычный образ «вольного» и «бездольного», которому в тайге самое место. Итак, тайга – место темное и гиблое. В советский и современный период этот образ дополняется лагерной и так называемой блатной литературой: «а здесь, в тайге, читает нам Петрарку // фартовый парень Оська Мандельштам» (Ю. Алешковский). Художественный образ – достаточно точное отражение восприятия первых переселенцев на Дальний Восток, по оценкам губернаторов, с трудом привыкавших к новому климату, сельскохозяйственному календарю и всему образу жизни.

4) Неопределенность, неустойчивость и постоянное движение передней линии освоения или колонизации Дальнего Востока характеризуют примеры действия «на опережение» прав землепроходца. Задолго до подписания Айгуньского договора 1858 г., закрепившего за Россией левобережье Амура, состоялось поднятие Г. И. Невельским русского флага в том месте, где 1 августа 1850 г. будет основан город Николаевск. Интересна реакция императора Николая Павловича, оценившего неправомерные действия Невельского как благородные и патриотичные: «где раз поднят русский флаг, он спускаться не должен». Следующим решением государя было распоряжение обратиться к китайскому правительству с вопросом о разграничении земель. «Тотчас после заключения графом Муравьевым-Амурским Айгуньского тракта... им было сделано распоряжение о безотлагательном заселении правого берега р. Уссури, которое и началось в том же году прибытием из Забайкалья 150 семей казаков, образовавших сначала 4 станицы»²⁸, – запишет в своем очерке генерал-губернатор Приамурского края П. Ф. Унтербергер.

Интересно, что даже после демаркации российско-китайской границы одна из ее частей носит черты неустойчивости. После подписания Пекинского договора в 1860 г., первенствующую роль, как в политическом, так и в экономическом отношении во всей Приморской области играет Южно-уссурийская округа – вместе с ней к России отошли естественные гавани Маньчжурии, с бухтой Золотого Рога и Новгородская гавань в заливе Посьета²⁸. Владение названными бухтами, считает генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, поставило северо-восточную Маньчжурию в зависимость от России в отношении морского экспорта и импорта. Осознавая это, китайцы решили вернуть себе хотя бы Новгородскую гавань с бухтой в заливе Посьета, и поднимают этот вопрос во время возобновления пограничных знаков вдоль Маньчжурской границы в 1886 г., «так как именно южные пограничные знаки исчезли и места их приходилось разыскивать, придерживаясь текста описания границы». Резкий и настойчивый отпор с угрозой прекратить переговоры об урегулировании границы, образумил наконец китайских уполномоченных²⁸. Разрешение конфликта на демаркационном этапе формирования линии

границы, знаменует завершение периода «фронтирности» пограничной линии и создании государственной границы – неподвижной и закрепленной документально территории устойчивого равновесия.

Итак, рассмотрение нескольких черт российского восточного фронта говорит о том, что все они сыграли свою позитивную роль в быстром перемещении фронтирной линии (зоны, рубежа) на побережья Охотского и Японского морей. Однако предопределенность границ фронта и условия соседства с великими державами требовала создания на Дальнем Востоке военных пунктов, образующих непрерывную пограничную линию, – что стало основной задачей на линии фронта. Остальные факторы, в свою очередь, требовали новых решений в устройстве быта, общественной, экономической и политической жизни, что стало следующей важнейшей задачей местных властей.

Приамурская зона Восточного фронта создавалась как предопределенная нуждами государственного развития непрерывная пограничная линия (своего рода «государственный фронт»), при этом располагая, по крайней мере, одной из важнейших характеристик фронта – подвижностью, вызванную самим процессом освоения и закрепления территории. Землепроходцы и переселенцы встретили здесь свободные пространства, к которым и стремились; привычный речной ландшафт, предполагающий наработанную веками форму хозяйственного уклада; значительную степень «вольности» и возможности ее проявления в самых разных сферах общественной жизни. Тем не менее, учитывая, что эта часть границы не была «вольной» и формировалась по государственному заказу, фронтирная линия изначально создавалась как «недвижимый» рубеж, имеющий четкий план развития и не предусматривающий отступления.

Примечания

¹ Агеев, А. Д. Сибирь и американский Запад : движение фронтиров / А. Д. Агеев. – М., 2005.

² Маркедонов, С. М. Кавказский фронт / С. М. Маркедонов, Н. Ю. Силаев // Дружба народов. – 2005. – № 7. См. также: [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/7/mark11.html>.

³ Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. – М. ; Волгоград, 2002.

⁴ Стабильность и конфликт в российском приграничье : Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / отв. ред. В. И. Дятлов, С. В. Рязанцев. – М., 2005.

⁵ См.: Американские исследования в Сибири. Вып. 2. Американский и сибирский фронт : Материалы междунар. науч. конф. «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)» (Томск, 4–6 октября 1996 г.). – Томск, 1997.

⁶ См.: Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. : общее и особенное : в 2 вып. Вып. 2. – Новосибирск, 2002; Европейские исследования Сибири : Материалы Всерос. науч. конф. «Американский и сибирский фронт» (Томск, 6–8 февр. 2001 г.) : в 3 вып. Вып. 3. – Томск, 2001.

⁷ См.: Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. : общее и особенное. – Вып. 1. – Новосибирск, 2001.

⁸ См.: Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. : общее и особенное. – Вып. 2. – Новосибирск, 2002.

⁹ Агеев, А. Д. Движение России на Восток и США на Запад : сходства и оппозиции (методол. аспект) / А. Д. Агеев // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока : история и современность : докл. Второй междунар. науч.-практ.

конф. (Москва – Иркутск – Гэгу, 11–14 августа 1997 г.) : в 2 кн. Кн. 2. – М., 1997. – С. 18–23.

¹⁰ Замятина, Н. Ю. Сибирь и Дикий Запад : образ территории и его роль в общественной жизни / Н. Ю. Замятина // Восток. – 1998. – № 6. – С. 5–19.

¹¹ Резун, Д. Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. : общее и особенное / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский. – Новосибирск, 2001.

¹² Алексеева, Е. А. Восточный фронт : Движение России на Восток и освоение Русской Америки во второй половине XVIII – первой половине XIX в. / Е. А. Алексеева // Проблемы выявления и сохранения памятников истории освоения Сахалина и Курильских островов : тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф., посвящ. 350-летию выхода России к берегам Тихого океана (Южно-Сахалинск, 17–18 окт. 1989 г.). – Южно-Сахалинск, 1989. – С. 21–23.

¹³ См.: Чернавская, В. Н. «Восточный фронт» России XVII–XVIII вв. : ист.-историогр. очерки / В. Н. Чернавская. – Владивосток, 2003.

¹⁴ Гумилев, Л. Н. От Руси до России / Л. Н. Гумилев. – М., 1994.

¹⁵ Обзор Амурской области за 1903 г. : приложение к всеподданнейшему отчету по Амурской области за 1903 год. – Благовещенск, 1904.

¹⁶ Хаусхофер, К. О геополитике : работы разн. лет / К. Хаусхофер. – М., 2001.

¹⁷ Резун, Д. Быть тут острогу и слободе / Д. Резун // Родина. – 2000. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.istrodina.com/rodina_arti_cul.php3?id=274&n=15.

¹⁸ См: Ремнев, А. В. Географические, административные и ментальные границы Сибири / А. В. Ремнев // Сиб. заимка. – 2002. – № 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.zaimka.ru/08_2002/remnev_border/.

¹⁹ Шинковский, М. Ю. Российский регион : становление политического режима в условиях глобализации : монография / М. Ю. Шинковский. – Владивосток, 2000.

²⁰ Ремнев, А. В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант XIX в. / А. В. Ремнев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://saratov.iriss.ru/empires/docs/remnev3.doc>.

²¹ Гарусова, Л. Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке : история и современность : монография / Л. Н. Гарусова. – Владивосток, 2001.

²² Унтербергер, П. Ф. Приморская область 1859–1898 гг. : очерк / П. Ф. Унтербергер. – СПб., 1900.

²³ Всеподданнейший отчет Военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Чичагова за 1900 год. – Владивосток, 1901.

²⁴ Обзор Амурской области за 1902 г. (Приложение к всеподданнейшему отчету по Амурской области за 1902 год). – Благовещенск, 1903.

²⁵ Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций : в 3 кн. Кн. 1 / В. О. Ключевский. – М., 1994.

²⁶ Замятина, Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах / Н. Ю. Замятина // Обществ. науки и современность. – 1998. – № 5. – С. 75–88.

²⁷ См.: Агеев, А. Д. Движение России на Восток и США на Запад...

²⁸ Унтербергер, П. Ф. Приморская область 1859–1898 гг. ...

**Культовые практики Дальнего Востока в свете
классической, неклассической
и постнеклассической научной рациональности**

Проблема изучения явления культовости формировалась в течение всего прошлого столетия, и ее решение заключается в разработке новой философской рефлексии на такое явление общественной жизни, как культ, и производных от него феноменов культовой реальности, культового сознания и культовой практики.

Изучение культа, как правило, не выходило за рамки религиоведческой проблематики, что отчасти объясняется господством в гуманитарной науке до недавнего времени классических научных парадигм. Согласно парадигме классической рациональности субъект должен стремиться познать объект таким, какой он есть, независимо от способов его познания и состояния самого субъекта. Поэтому классическая наука в своем отношении к культу стремилась увидеть объективную сторону его проявлений, и в этом смысле культ рассматривался как неотъемлемая часть религии, воплощенная в практике богослужения, то есть культ понимался как религиозное действие (ритуал) и не более того. А соответственно, любое явление, сопровождаемое культовым обрядом, понималось как религиозное или похожее на религиозное (квази- или псевдорелигиозное). Этим объясняется крайний максимализм в оценке социальной роли культовых практик. С точки зрения классической рациональности, при изучении религии и культов важна нацеленность исследователя на объект культа, то есть принижается значение процесса поклонения для общественной жизни. Таким образом, если исследователем признается ложность объекта культа (атеизм), то, соответственно, культовый процесс нивелируется до степени ложного, бессмысленного.

На этом классический подход, по сути, исчерпывает свои когнитивные ресурсы. Механизм культового взаимодействия в рамках классической парадигмы понять трудно. Почему возникает данное взаимодействие, каким образом, и что оно несет в себе? Эти вопросы классики религиоведения XIX и начала XX в. объясняли элементарным невежеством и примитивностью сознания субъектов культа. Поэтому и видели проявления культа только в мифе и религии. Кстати, с точки зрения классических методов научного анализа, разницы между мифом и религией почти нет. Поэтому часто в литературе того периода мы могли встретить такое утверждение, что миф, обладающий культом, может рассматриваться в качестве архаичной религии. Однако огромное количество феноменов культуры, несущих в себе культовое содержание, не укладывалось в рамки классических парадигмальных норм анализа. Например, из данного научного контекста сразу выпадали дальневосточные философские школы, обладавшие развитым культом, но не имевшие ни мифических, ни религиозных (трансцендентальных по своей природе) структур. Например, тот же чань-буддизм или конфуцианство. Большинство исследователей, следовавшим классическим канонами анализа, по наличию культа автоматически определяли данные школы как религиозные феномены. То же самое происходило в других отраслях культуры. Наличие культа у политического деятеля, например, Мао-Цзедуна или Ким Ир Сена, приравнивает их почитание к

квази- или псевдорелигиозным отношениям. Религия, в отличие от других форм мировоззрения, согласно той же классической парадигме, в обязательном порядке должна нести в себе выделение особой области сущего – трансцендентальное бытие. Однако в тех примерах, которые были только что были озвучены, такого бытия не предполагается. Это не религии – это культы.

Отсюда следует вывод, что культ в современном неклассическом и постнеклассическом понимании должен быть секуляризирован и выделен в особую систему духовных отношений.

Неклассическая рациональность в своем анализе стремится учитывать не только объективную сторону явления, но и методологическую обусловленность объекта. В зависимости от того, какая методология или какие критерии будут выбраны для исследования природы изучаемого феномена, такие могут получиться и выводы. Поэтому в различных направлениях научно-философской мысли культ стал рассматриваться под разными углами зрения.

Так, культовая проблематика явилась предметом анализа феноменологии. В феноменологии религии существенное внимание уделено проблеме объективности культового сознания. Общая позиция исследователей, занимавшихся данным вопросом (У. Джеймс, А. Шюц), состоит в истолковании религиозного (культового) опыта как особого типа intersубъективной реальности. В этом смысле культ выступает в качестве особой системы представлений, своеобразного духовного мира, который возникает в сознании субъекта и становится доминантой его жизни, влияя своими структурами даже на его повседневность. Например, в восточных религиозных школах часто используется такой дидактический прием: обычные по своей природе действия, явления и предметы, такие как, прополка цветов от сорняков, трава или пустой кувшин, перевернутый и опущенный в воду, перетолковываются как религиозные символы, которые должны научить адепта правильному образу жизни. Так, в поучениях буддизма предлагается понимать процесс освобождения цветочной грядки от сорняков как знак стремления буддиста к очищению от скверны, а воспринимать пустой кувшин – как возможность противостояния открытости и пустоты натиску стихий этого мира. В ходе подобной культовой практики человек обретает иное видение окружающего мира, он оказывается в особом типе intersубъективной реальности. Однако долго пребывать в ней субъект не может, если только он не получает поддержку от самой реальности, которая, будучи той же реальностью для других субъектов, стремится захватить в свое поле воздействия нового адепта. В том же буддизме в японской школе Дзен существовали специальные культовые задания – коан, решения которых позволяло ученику перестроить свое сознание на тот тип восприятия реальности, который был характерен для последователей Дзен-буддизма. Таким образом, культ понимается как intersубъективный мир, объективированный в системе культовых отношений (intersубъективное сознание ↔ культ ↔ intersубъективная реальность), в котором культ выступает в качестве механизма особого вхождения сознания в объективированную реальность.

Сравнительное религиоведение и история религий (Мирча Элиаде) рассматривают взаимоотношение культового сознания и культовой реальности в связи с проблемой сакрального. Сакральное (священное) выступает в качестве ключевого понятия при характеристике религии, сакральная (культовая) деятельность рассматривается как взаимодействие субъекта (человека) и объекта (трансцендентного). Через взаимодействие мирского и священного М. Элиаде вскрыл фундаментальную двойственность природы культовой реальности, заключающуюся в том,

что культовость проявляет себя одновременно в формах священного, мирского. Культовое начало имплицитно присутствует и в камне, и в растении, и в животном. При этом мир сакральной реальности характеризуется аксиологической относительностью: то, что для одних является священным, другими воспринимается как профанное. Например, культ коровы в Индии. Корова, будучи элементом мирского, повседневного опыта человека, в сознании индуса приобретает особые сакральные черты. Но, чтобы обычное животное стало сакральным, необходима особая культовая практика, в ходе которой корова приобретает черты священного животного. Животное украшают, раскрашивают разными красками, ему воздают молитвы и так далее. При этом следует заметить – у других индоевропейских народов (кельтов, славян, персов) нет подобной культовой практики поклонения священной корове, потому что корова в их культуре не вышла за пределы повседневного контекста, и для них она осталась источником еды и одежды¹. У индусов на почве вегетарианства стали возникать новые отношения с коровой. Корова перестала быть источником пищи, её молоко стало использоваться во многих культовых ритуалах, то есть посредством коровьего молока устанавливалась связь между миром людей и миром богов, следовательно, молоко и сам источник молока имеют прямое отношение к божественному, а следом за молоком обожествляется и вообще все, что связано с этим животным². Таким образом, культ становится системой вхождения в сакральный мир религии.

В структурной антропологии Клод Леви-Стросс трактует культ как особый культурный код, посредством которого осуществляется практическое взаимодействие между человеком и окружающим миром, определяются сходства и различия культуры и природы, а также происходит коммуникативный обмен между социальными группами. В качестве примера приведу случай, произошедший в Китае с автором данной статьи. Ли Чжан, мастер Тай-цзи-цюань, на мой вопрос, почему свою школу ушу он считает искусством, а не боевой техникой или оздоровительной системой, произвел на моих глазах некое культовое действие. Он водой на асфальте нарисовал иероглиф Дао. Я понял, что он хотел мне сказать, но понял превратно, как европеец. Я заметил ему, что, как нет никакого практического смысла в его действиях (ведь солнце все равно высушит его замечательный рисунок), так нет и смысла в некоторых упражнениях школы Тай-цзи-цюань. Они устарели, стали разновидностью архаического искусства, то есть когда-то они, конечно, обладали каким-то практическим смыслом, но теперь они утратили его и стали лишь данью культуры. Однако на свои вполне рациональные рассуждения получил возражение в истинно восточном духе: «Ты рассуждаешь как варвар, которому важно только то, что приносит результат. Я же рисовал иероглиф не для тебя, а для себя. Ради того состояния творчества, которое испытал во время изображения символа Дао. Поэтому Тай-цзи-цюань – это искусство, а не техника или система, оно не нацелено на результат, оно нацелено на творчество. Но только творчество в цивилизованном, а не варварском понимании. Творчество как состояние духа. Ты же стремишься достичь результата, а не состояния, ты хочешь, чтобы движения выглядели красивыми и правильными как в балете, поэтому они у тебя не получаются. Думай не о движении, а о состоянии, в котором находишься, выполняя движения». В данном случае культовое действие (изображение иероглифа) выполняло роль особого языка, при помощи коего велся диалог культур, в ходе которого одна культура должна была постичь смысл другой культуры. Он ведь уже заранее знал, какую интерпретацию я дам его иероглифу. Поэтому в своих действиях мастер так сформулировал код, чтобы при личном его толковании показать

мне разницу между его и моим постижением Тай-цзи-цюань, и красиво указать мне на ошибки.

В рамках функционального и структурно-функционального подходов были открыты прямые и косвенные, функциональные или дисфункциональные значения культа в структуре общества и личности. То есть культ стал рассматриваться не как структурное, а как функциональное явление. Культ, таким образом, может выступать в качестве функционального обеспечения различных мировоззренческих структур, причем не обязательно религиозных. Например, в политике может существовать культ правителя, в данном случае культ выполняет коммуникативную функцию между обществом и властью, а в мифологической структуре культ может выполнять дидактическую роль, как способ вживания субъекта в мифический образ.

В социологии культ исследуется как особый тип социального объединения, как правило, религиозного. С точки зрения социологии религии такой тип группы основывается на индивидуальном опыте, в отличие от таких религиозных сообществ как секты и церкви, где господствует опыт коллективный. Каждый член культа имеет свой опыт общения с объектом поклонения, поэтому единство в культовой группе обычно обеспечивается харизматическим лидером. С его уходом культ либо распадается, либо перерастает в секту или церковь. Например, эволюцию дзен-буддизма, можно рассмотреть, применив данную методологию: первоначально школа чань (яп. Дзен) была культом – группой учеников буддийского монаха Бодхидхармы, после его смерти ученики образовали секту последователей учения Бодхидхармы, сегодня дзен-буддизм – это церковь.

Таким образом, суммируя все вышеуказанные подходы, сделаем несколько предварительных выводов.

Согласно неклассической парадигме культовый феномен может рассматриваться с трех сторон. Во-первых, культ выступает в качестве объекта религиозного или псевдо-религиозного поклонения (например, существуют культы предков, предметов, растений, животных, богов, политических лидеров, событий и тому подобного). Во-вторых, культом называют специфическое социальное сообщество, то есть в данном случае культ – это субъект поклонения или поклоняющийся. В-третьих, культ определяется как деятельность, которую осуществляет субъект по отношению к объекту культа. Выражается данная деятельность в поклонении субъекта культа культовому объекту. В свою очередь, поклонение имеет две стороны феноменального проявления: внутреннюю психическую и внешнюю предметно-практическую.

Объединив все вышеназванные значения культа в единую систему, мы получаем особую структуру культовой реальности, в которой взаимодействуют культовый объект и культовый субъект, причем осуществляется данное взаимодействие через культовую деятельность субъекта.

Основная задача при неклассическом подходе – постараться понять природу всего механизма культовой реальности. С одной стороны, постичь мотивацию субъекта культа – в чем состоит его психологическое или какое иное побуждение к совершению культовой деятельности, почему его сознание редуцируется только на определенных качествах объекта поклонения, не учитывая других его параметров. С другой стороны, разобраться в природе самого предмета поклонения – почему именно он стал объектом культового взаимодействия, какие стороны его бытия стали культовыми для субъекта, вызвав в нем благоговейные чувства. Кроме того, возможно сама система отношений, возникающая между объектом и субъек-

том заставляет их взаимодействовать особым образом, порождая взаимную культовость в сознании и реальности. Попробуем разобраться в данных вопросах, применяя вышеуказанные научные методы неклассического рационального анализа.

Как уже указывалось, механизм культового взаимодействия заключается в том, что субъект в своем сознании наделяет объект особым свойством, которое мы обозначим как культовость. То есть в сознании субъекта объект приобретает свойства культовости, становясь культовым объектом.

Однако любая культовая система (будь-то культ политический, религиозный или мифологический) характеризуется взаимным воздействием субъекта и объекта культа.

Объект культа своими качествами вызывает в субъекте чувство поклонения по отношению к себе, наделяя, таким образом, деятельность субъекта тем же свойством культовости. В то же время субъект в ходе взаимодействия с объектом наделяет объект культовыми качествами, иначе говоря, той же культовостью. Таким образом, возникает инверсионная система, в которой субъект и объект взаимодействуют друг на друга на основе культовости. Культовость становится новым значением объекта культа и новым значением деятельности субъекта культа.

Приведем пример действия подобной системы, обнаружив его в культуре Японии³. Первых европейцев, прибывших в Японию, поражало особенное отношение японцев к жизни и смерти. В некоторых воспоминаниях европейских путешественников Япония буквально представлена как страна жестокости и насилия, презрения к смерти, боли и состраданию.

Буддам и патриархам – голову с плеч!

Всегда наготове держи отточенный меч.

Колесо Закона вращается неспроста –

Зубами скрежет Великая Пустота...

Дайто Кокуси (XIV век)

Жестокость в жизни и презрение к смерти были одними из культовых элементов буси-до (пути воина). Причем подобное отношение культовое отношение к смерти мы находим и в современных образцах культурной жизни Японии. Если посмотреть образцы современной японской мультипликации, так называемые аниме, то возникает ощущение, что в массовой культуре японцев присутствует ярко выраженное стремление к насильственной смерти. Сюжеты этих далеко не детских фильмов в изобилии насыщены страшными сценами убийств (причем, как правило, массовых и жестоких), глобальных разрушений. Героями зачастую в них выступают чудовищные механизмы, ужасные монстры, люди с явно выраженными аномальными разрушительными возможностями (пресловутые ниндзя, супермены самураи, полулюди, полуживотные, оборотни, киборги и т. д.). В качестве неотъемлемой атрибутики в сюжете присутствует огромное количество различных внутренних человеческих выделений от крови до фекалий⁴. Весь этот «набор», по мнению психоанализа, является классическим примером некрофильческой деструкции в массовом сознании и культуре⁵.

В то же время нам известно, что японцы – самая экологическая нация среди современных техногенных цивилизаций, а, следовательно, в национальном характере японцев явно присутствует бессознательное биофилическое начало. Япония является лидером и инициатором в развитии экологически чистых и энергосберегающих технологий, в защите окружающей среды, в сохранении редких видов животных и растений. Получается, что стремление поддержать и защитить жизнь во всех её проявлениях, такая же яркая культовая черта сознания японцев, как и

стремление к уничтожению. То есть, японцы, как никто другой в мире, в своем существовании физически и психически ощущают экзистенцию жизни и смерти. Почему же проблема жизни и смерти, присутствующая почти во всех мировых культурах, в Японии стала буквально культовой, то есть определяющей само существование личности и общества?

В природных и культурных условиях этой страны заложены постоянная опасность гибели, которая всегда особенно остро переживается любым человеческим существом. Для японца всегда существует большая вероятность погибнуть от масштабных природных катаклизмов, не раз обрушивающихся на Японские острова: землетрясение, цунами, тайфуны, извержение вулканов и тому подобное не редкость в этом регионе. Кроме того, изолированность островов и высокая плотность населения создавала опасность пандемии. Не раз в Японию извне попадали опасные болезни, от которых жители этой страны не имели иммунитета и массово погибали. Кроме того, Япония не раз становилась объектом крупномасштабной внешней агрессии или оказывалась на грани подобной угрозы, которая могла привести к гибели всей нации, начиная с нашествия монголов, заканчивая бомбардировкой ядерным оружием^б.

Однако большинство народов мира в той или иной степени сталкивается в разные периоды своей истории с подобными проблемами. Некоторые нации, как и японцы, живут с подобной устойчивой опасностью гибели на протяжении всей своей истории. И ни у тех, ни у других все-таки жизнь и смерть не стали объектами культового поклонения.

Как уже отмечалось, культ рождается не только из объективности ситуации, в которой оказывается субъект культовой реальности, но и из особого склада сознания, характерного для данного субъекта. Значительную роль в формировании такого сознания сыграли некоторые формы буддистского мировоззрения, проникшие на территорию Японии из Кореи и Китая. При этом общественное сознание японцев восприняло только те буддийские нормы, которые позволяли успешно справляться с теми психологическими проблемами, которые присутствовали как объективная сторона жизни общества – это, прежде всего, страх за свое существование. Имевшиеся в Японии культовые практики, воплощенные в синто, не могли решить экзистенциальной проблемы японцев. Моление и задабривание богов никакого положительного эффекта не приносили. Более того, согласно представлениям японцев, боги сами являются заложниками той же экзистенции, что и люди, являя лишь образцы стойкого положительного поведения в подобных ситуациях. Иное дело буддизм. Во-первых, в нем понимание жизни как постоянного явного или потенциального страдания, хорошо сочеталось в сознании японцев с той объективированной реальностью, в которой они постоянно пребывали. Во-вторых, буддизм – это идея вечного круговорота состояний дхармы, зависящего от кармического закона судьбы. Все, что происходит в жизни человека – это его карма, и она неизбежна. Однако карма в буддизме – это не рок, не фатум в европейском понимании, а результат деятельности самого человека. Личность сама своей жизнью определяет свою судьбу, и, соответственно может её изменить. Но если совершены роковые ошибки, исправить их уже почти невозможно, так как они влекут за собой новые ошибки и человек увязает в негативной карме своего существования. Отсюда правильным выбором станет смерть, так как она даст возможность начать все сначала. Здесь напрашивается аналогия с виртуальными компьютерными играми. Опыт игры с японскими геймерами показывает, что они, совершив ошибку в игре, прекращают её и начинают вновь. В этом случае геймер

не проиграл, он лишь начал играть заново, а вот если после ошибки он продолжит игру – шанс проигрыша будет возрастать постоянно, пока игрок не погибает (виртуально конечно). Поэтому он выбирает смерть. Эта идея является центральной мыслью Хагакурэ (яп. «Сокрытое в листве») – культового текста буси-до.

Путь самурая обретается в смерти. Когда для выбора имеются два пути, существует лишь единственный быстрый выход – это смерть. Это не особенно трудно. Будь тверд в своей решимости и иди вперед. Рассуждения о том, что умереть, не достигнув своей цели, значит умереть собачьей смертью, – это досужая болтовня себялюбивых людей. Когда ты стоишь перед необходимостью выбрать жизнь или смерть, то достигнешь ты своей цели или нет, уже неважно. <...> Умереть, не достигнув цели, – это действительно собачья смерть и фанатизм. Но в этом нет бесчестья. В этом суть Пути самурая. Если, укрепляя свое сердце решимостью каждое утро и каждый вечер, человек сможет жить так, словно тело его уже умерло, путь будет для него свободен. Вся его жизнь будет безупречна, и он добьется успеха на своем поприще.

Хагакурэ / пер. с яп. А. Боченкова

Поэтому в японской культуре самоубийство сеппуку получило такое культовое распространение. А иногда даже двойное самоубийство синдзю. Когда любящие друг друга мужчина и женщина из-за обстоятельств жизни не могут быть вместе или могут расстаться, они совершают одновременное самоубийство, чтобы в следующей жизни соединиться вновь. И хотя в классическом буддизме самоубийство является бесполезным и даже вредным поступком, японский буддизм школы Дзен возвел его в разряд культовой реальности. Сегодня по суицидам, особенно в среде детей и подростков, Япония занимает первые позиции.

У суицидального состояния есть ещё одна психологическая сторона, которая отражена в Хагакурэ – это постоянная готовность к смерти. То есть человек должен в себе культивировать смерть. Он должен жить так, словно его тело уже умерло. И опять буддизм в своем варианте китайской секты Чань (яп. Дзен) стал для Японии тем элементом, через который стало развиваться культовое осознание смерти. В чань-буддизме одним из важных элементов было достижение состояния просветления – того состояния, которое испытал сам Будда Шакьямуни, и которое стало не обязательным в классических школах буддизма. Согласно им следовало лишь идти по восьмеричному пути Будды, и нирвана станет достойной наградой «путнику». Чань-буддизм заявил о том, что каждый человек должен сам найти свой путь Будды, и соответственно самому стать просветленным. По сути, дело чань-буддизм высказал идею, что каждый человек – это Будда, он просто об этом не знает, так как его сознание пребывает в плену ложных феноменальных представлений, проистекающих из обыденности и рутинности жизненной кармы (деятельности). Поэтому необходимо преодолеть путы сознания и из мира феноменальных образов перейти в реальность ноуменальных состояний. Иными словами, говоря категориями И. Канта, узреть или скорее прозреть «вещи в себе». А как это сделать? Одной из верных возможностей ощутить свою истинную экзистенцию – это оказаться в между жизнью и смертью. По одной из легенд, в китайском монастыре Шаолинь-сы (оплот учения Чань) существовал так называемый «коридор смерти» – специально оборудованное помещение, которое было буквально напичкано хитроумными смертельными механизмами и ловушками. Соискатель просветления должен был пройти данный коридор, находясь в нем между жизнью и смертью, и по идее создателей данной методики, в конце «коридора смерти» его ждало «состояние Будды». Интересным в данном случае является решение про-

блемы ахимсы (не нанесения вреда живому), которая является неотъемлемой частью буддизма. Во-первых, если соискатель все-таки получал ранения или, тем более, погибал, то вина за это ложилась не на монахов, а на бездушный механизм. Во-вторых, прежде, чем допустить человека к подобному испытанию, его тщательно физически готовили. Всем известна культовая школа Шаолиньского ушу, которая существовала не только как средство самообороны, но и как практика достижения просветления.

Главной целью адепта чань-буддизма – это достижение пустоты сознания. На что похож хлопок одной ладонью? На пустоту. Человек, должен довериться инстинктам, достичь естественности в своей деятельности, то есть действовать бессознательно, аффективно. Тогда только его сознание станет пустым сосудом, в который войдет состояние Будды. Таким образом, уже по своей генетической природе дзен-буддизм, как японский вариант школы Чань, был предрасположен к практике экзистенциального состояния (между жизнью и смертью). Специальная культовая практика, включавшая в себя методы психофизической подготовки (медитация, боевые искусства, умение объективировать реальность символическими образами), имела одну цель: введение личности в пограничное состояние культового сознания. При помощи культовой практики дзен-буддизма японец должен был научиться постоянно балансировать между культовой реальностью смерти и обыденной реальностью жизни, пребывая в диалектическом равновесии Инь-Ян (ещё одна китайская идея ставшая культовой для японского сознания).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что культ может рассматриваться не только как структура реальности, но и как её функция. Поэтому, говоря о культовой реальности, следует подразумевать не столько реальность явлений, сколько реальность процессов.

Однако остается не решенным вопрос, посредством каких механизмов возникает инверсия культовой реальности, в ходе которой объект и субъект культа, как в диалектике Инь Ян, меняются своими местами. Объект за счет своей культовости приобретает субъектные функции и начинает воздействовать на субъекта, вызывая в нем состояние культового сознания. А субъект через свое сознание наделяет объект культовыми свойствами.

Несовершенство неклассического подхода проявилось уже в том, что в зависимости от метода исследования, мы должны соответствующим образом редуцировать свое сознание по отношению к объекту исследования. Поэтому культ предстает перед нами не как цельный феномен, а как некая расчлененная структура, в которой редуцированные части слабо согласуются между собой. Неклассический подход не решил главного вопроса в объяснении культового феномена: почему некоторые явления бытия становятся культовыми объектами, не включаются в культовую реальность и почему не всякое культовое сознание способно породить настоящую культовую реальность. Каждая из методологий неклассического периода дала свой ответ на данный вопрос, но не создала единой теории культа.

В данном случае неклассические методы рационального анализа оказались ограниченными в своих возможностях. Для неклассической гносеологии изучаемый предмет – это все-таки объект исследования, на который направлено сознание субъекта, с поправкой лишь на метод, при помощи которого осуществляется процесс познания. И никакой инверсии в этом процессе быть не может. Но в этом случае мы оказываемся в суперпозиции (термин квантовой физики) по отношению к изучаемому предмету. Наше сознание должно редуцироваться до выбора одной из точек зрения: либо сам физический объект реальности, обладая культо-

вой суггестивностью, вызывает в человеке культовое поклонение к нему, либо сознание субъекта, обладая культовой когнитивностью, наделяет предмет окружающего мира культовыми свойствами, превращая его в объект культовой реальности.

Решение данного парадокса подсказал Нильс Бор, один из родоначальников квантовой физики. Он предлагал исходить из принципа дополнительности и учитывать оба воздействия, как реально происходящие процессы, поэтому мы можем рассматривать культовость как инверсионное свойство взаимодействия объективной реальности бытия с субъективной реальностью сознания.

Рассматривая феномены культового объекта и культового субъекта в качестве знаковых элементов культовой реальности, мы делим их на означаемое и означающее. При этом в объекте означаемым будет выступать его форма, а означающим его значение. Субъект, взаимодействуя с объектом, убирает первичное значение объекта и наделяет его новым культовым смыслом. Одновременно происходит и трансформация самого субъекта. Объект, воздействуя на субъект своей культовостью, трансформирует деятельность субъекта, убирает из нее повседневное значение и наделяет ее культовым смыслом. Теперь, какую бы деятельность ни совершал субъект, он будет осуществлять ее во имя своего культа. И в каком бы качестве, в каком бы времени-пространстве не появлялся бы объект, он воспринимался бы уже только как объект культового поклонения.

В результате система взаимодействия культового субъекта и культового объекта превращается в сакральный символ, в таинство, наполненное особым культовым значением.

Таким образом, загадку культового символа нам может помочь разрешить постнеклассическая парадигма, которая только формируется в современной науке. Огромное влияние на её формирование оказала, как уже отмечалось выше, квантовая физика и релятивистская теория. Согласно методологии квантовой физики, для того, чтобы дать правильное описание системы, мы должны учитывать не только состояние самой системы, не только способы и методы измерения системы, но и состояние самого исследователя. При анализе культа мы должны стремиться понять не только сам феномен, но и себя в данном феномене. А мы этого сделать не сможем до тех пор, пока в ходе исследования не войдем сами в наблюдаемую систему, постоянно делая поправку на свое субъективное пристрастие к изучаемому объекту. Хочу подчеркнуть, что согласно данной методологии следует не устранять свою субъективность из процесса исследования, а наоборот учитывать её. Герменевтика XX в. доказала, что как бы ни старались, мы не сможем до конца отказаться от своей предвзятости. Изучая символический феномен культовых практик Востока, мы смотрим на них с точки зрения своего мировоззрения, а любая попытка феноменологической редукции дает лишь однобокий взгляд на многогранное по своей природе культовое явление, редуцируя, то есть, понижая его до уровня знака. Встать на позиции источника, вжиться в субъект культовой реальности – единственный выход в данной ситуации, правда, он не всегда практически возможен. Но когда это допустимо, необходимо использовать свой субъективный опыт контакта с данной системой.

Для того чтобы субъективно приблизиться к пониманию сущности культовой реальности китайского даосизма, вжиться в неё и понять процесс изнутри, автору данной статьи пришлось некоторое время посвятить себя изучению реальных практик, культивирующихся в среде даосов Китая.

Согласно распространенному мнению некоторых религиоведов, в китайской культуре даосизм представлен в двух ипостасях: философско-теоретической

и религиозно-практической. Однако данное мнение является ошибочным, так как не подтверждается эмпирикой. Теория и практика даосизма неразрывно связаны между собой. И никогда не были, по сути, разобщены. Ссылки на то, что, мол, труды Лао-цзы или Чжуан-цзы были сугубо философскими трактатами и никакого отношения к культовым практикам не имели, являются лишь глубоко теоретическими предположениями. Даосизм всегда был практической культовой системой и во времена его отцов – основателей, и теперь в эпоху строительства «китайского социализма». Это легко можно понять, если погрузиться в реальную атмосферу китайской культуры, а не изучать предмет по учебникам и рассказам очевидцев.

Что же является объектом поклонения в дальневосточной философской традиции? Это Абсолют!!! Практически во всех философских школах и учениях Абсолют является конечным пунктом дискурса. Познание и стремление к абсолюту есть цель и результат всякой мудрости от древности до наших дней. Не составляют в этом отношении исключение и философские школы Дальнего Востока. Однако категория Абсолюта на Востоке выражается в стремлении к всесторонности и завершенности бытия в любых его формах и проявлениях. Это не трансцендентальный выход за пределы феноменального мира, как это определяется в западном понимании, напротив, Абсолют – это вся глубина бытия, и нашего и иного, это все то, что может существовать и существует. В качестве предмета анализа культовой практики поклонения Абсолюту мы возьмем не всю дальневосточную традицию, а лишь две школы: даосизм и буддизм, в которых стремление к синтезу Абсолютной реальности имело полноценное культовое выражение.

Идея Абсолюта в философских школах даосизма и буддизма получила своё воплощение в категориях дао и нирвана. Данные категории являются квинтэссенцией философии даосизма и буддизма; их невозможно охарактеризовать в европейских понятиях: во-первых, их необходимо рассматривать в системе общих связей, принимая во внимание общую картину мира, а во-вторых, нужно иметь в виду неопределенность этих понятий, их всеобъемлющий характер. Хотя само слово дао можно буквально перевести как “путь”, однако все-таки «...дао, которое может быть дао [путь], не есть дао».

Дао не поддается рациональному толкованию, формально-логическому анализу, так как не имеет формы, оно бесформенно, беспредельно, ничему не противопостоит, исключает альтернативу. Дао не подлежит проверке практикой, ибо то, что мы видим, «...не есть постоянное дао». Дао выступает в двух ипостасях в качестве абсолюта и в реальности конкретных вещей, несущих в себе сущность дао. Соответственно и познание дао осуществляется от конкретного к абстрактному – от познания истинной сущности мира вещей к бесстрастному созерцанию абсолюта. Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну – дао, а кто имеет страсти, видит дао только в конечной форме. Оба существования дао (безымянное и имеющее имя) одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими. Переход от одного глубочайшего к другому – дверь ко всему чудесному.

Не объяснить словами истинное Дао,
Лишь слово сказано – не истинно оно.
То, что без имени – Земли и Неба тайна,
Что с именем – определенным рождено.
То и другое вместе, сущность и именованье –
Есть глубочайшей истины зерно.
Лишь страсти затрудняют пониманье.

Свободный от страстей – постигнет суть,
Сокрытую в явлениях форм случайных.
От слова к сути – к чуду Путь.
(Лао-цзы Дао дэ цзин. / стих. пер. Ю. Полежаевой)

Иными словами, все, что мы можем сказать о дао, не есть истинное дао, все, что можем увидеть обычным зрением и услышать обычным слухом, что хоть как-то проявило себя и обрело форму, не есть само дао, и всякое название, имя не исчерпает сути, обозначаемой им вещи и потому условно. Дао имманентно бытию, надо лишь забыть себя, очиститься от страстей, довериться пути, чтобы почувствовать дао, достичь слияния с ним, проникнуться дыханием Вселенной, и тогда обретешь состояние всеединства и приобщенности к абсолюту.

«Дао пусто, но в применении неисчерпаемо. Оно является началом всех вещей». Дао диалектично, в нем присутствуют два противоположных начала: ян и инь. На русский язык эти категории адекватно перевести невозможно, слишком высокую степень абстракции они выражают, можно определить лишь динамику разделения явлений бытия между данными полюсами дао. Ян – это мужское, горячее, твердое, сильное, яркое, активное и т. д. Инь – это женское, холодное, мягкое, слабое, темное, пассивное и т. д. Благодаря дао абсолютно во всем действуют противоположности и, когда они начинают динамично взаимодействовать, начинается развитие и жизнь. Следовательно, дао – источник и носитель жизни, а отсюда истинно жить – значит следовать пути дао. В круговорот Инь-Ян включена вся Вселенная: материя и дух, физическое и психическое. Все взаимопроникается, взаимосвязывается, взаимообуславливается, благодаря единому закону дао. Высший уровень бытия – это чередование (день / ночь, зима / лето, небытие / бытие, жизнь / смерть, туда / обратно) и взаимоприсутствие одного в другом, и происходит это до тех пор, пока противоположности не сливаются и не достигают чистоты абсолюта, «который и есть пустота, где обитает истинное дао». Где исчезает грань между жизнью и смертью – там достигается бессмертие; где нет отличия между кратчайшим и длиннейшим – там возникает бесконечность; где нет разницы между быстрым и медленным – там обретается покой и вечность. «Установи пустоту в сердце – там проявится дао, и ты обретешь вечную жизнь».

«Покой есть главное в движении» – это конечная цель всякого развития. Слияние с истинным дао – это достижение центра круга, в котором происходит вечное движение инь-ян. Колесо движется, потому что ось неподвижна. Лишь достигнув покоя, все открывает свою истинную природу, становится реальным, обретает абсолютный смысл существования.

Модель мира в даосизме воплощена в символической мандале Тай-Цзи («Великий Предел») – круге с двумя взаимообволакивающими каплями-долями разного цвета: черной и белой, готовыми перейти одна в другую. «Светлое станет темным, а темное – светлым». Причем в белой доли присутствует черная точка, а в черной – белая. «В каждом светлом есть частица тьмы, даже в непроглядной тьме можно узреть свет». Хотя граница между противоположностями бытия существует, но она относительна и трудноуловима, но при этом всегда при движении туда, есть шанс вернуться обратно.

В даосизме, согласно традиции, различные школы, обычно базирующиеся в монастырях и общинах, издревле применяли особые виды динамичной медитации, но все они основывались на общих принципах внутренней работы. Возникновение школ направления ней-гун (внутреннего стиля), согласно источникам и даосской традиции, примерно совпадает с возникновением самого даосизма. На

этом основании можно принять за правду утверждение служителей даосского культа, что создатели учения о дао и дэ, скорее всего сами активно практиковали упражнения активной медитации, которые впоследствии и легли в основу выше перечисленных внутренних школ.

Сакральным культовым символом даосизма является Тай-Цзи («Великий Предел»). В ходе медитации адепт стремится уподобиться ему, слиться с ним. Его дух и тело должны стать воплощенным символом Великого Предела, подобно знаку «Инь-Ян». В действиях выполняющего медитацию должна происходить постоянная смена движения и покоя, наполненности и пустоты, концентрации и расслабления, как происходит смена ян и инь. Движения практикующего плавны и тягучи, тело будто движется в воде, руки медленно и мягко описывают круги в пространстве, перемещение также осуществляется по кругу, с постоянными поворотами тела вокруг оси. Человек движется подобно волне: за движением вперед следует откат назад, за взмахом вверх – уход вниз, вдох чередуется выдохом, напряжение мышц чередуется расслаблением. Таким образом, создается динамическая модель диалектического взаимодействия противоположностей.

Согласно традиционной китайской медицине, в ходе такой работы в организме вырабатывается особого вида энергия ци, которая в свою очередь тождественна энергии дао, потому что и дао ци возникает вследствие диалектики противоположностей. Внутренняя ци должна свободно циркулировать по телу, по определенным энергетическим каналам, которые имеют точки аккумуляции (воздействие на данные точки составляет основу современной иглорефлексотерапия). Задача человека достичь такого движения ци, которое бы соответствовало движению дао ци, дабы между адептом, практикующим динамическую медитацию, и мировым дао возникла резонирующая связь. Один из принципов медитативной практики гласит: «Мысль ведет ци, ци ведет кровь, кровь движет телом», то есть основу двигательных функций (по-китайски ли) в данном случае составляет работа духа, а не тела. Мыслимым усилием воли (по-китайски и) адепт стимулирует циркуляцию ци, мысленно в воображении направляя её течение по внутренностям, а ци в свою очередь создает выброс физической силы – ли, которая обретает форму в конкретных телодвижениях. Сознание заставляет тело двигаться. В ходе подобной практики весь организм подчиняется духовной воле человека. «От внутреннего к внешнему» – таков главный принцип даосских культовых практик. Первоначально движение тела подчиняется определенным заранее заученным формам, чтобы научить ци правильно циркулировать по телу. Это, прежде всего, имеет терапевтический эффект, на который было обращено внимание медиков, причем не только традиционной китайской медицины, но и западной официальной медицинской науки. Ярким примером применения даосских медитативных практик в медицинских психофизических целях стало создание специальных комплексов упражнений оздоровительных гимнастик тай-цзи-цюань, багуа-чжан, синь-и-цюань. В ходе выполнения упражнений достигается двойной результат: с одной стороны, как заявляют китайские врачи, мягко массируются внутренние органы, улучшается кровообращение в конечностях, исчезает лишний вес и много другое; с другой стороны, в ходе выполнения сложного гимнастического комплекса необходимо, чтобы сознательный акт предшествовал физическому действию, а в этом случае достигается психотерапевтический эффект, в результате которого сознание практикующего отвлекается от стрессовых проблем и перегрузок. После того как комплекс выучен и доведен до навыка, сознанию практикующего уже трудно фиксироваться на технике выполнения упражнения, в этом слу-

чае физио- и психотерапевты рекомендуют перейти к разучиванию новых комплексов формальных упражнений (тао-лу), благо спортивная федерация у-шу ведет постоянную работу по разработке новых тао-лу для оздоровительных гимнастик.

Однако в рамках философии даосизма достижение долголетия и здоровья является лишь следствием, но не истинной целью практикующего медитацию. Цель медитации – это достижения слияния с дао, поэтому в ходе выполнения упражнений адепт стремится не к концентрации сознания на повторении выученных форм и не в доведении деятельности мысли и тела до навыка, а к творческому акту созидания гармонии между макромиром природы и микромиром человека. Задача медитирующего – сконцентрироваться на диалектике Тай-Цзи, очистить сознание от страстей, достичь успокоения и пустоты. Тело даоса «обволакивается инь, проникается ян, наполняется ци, образуя, таким образом, гармонию дао». Высшим достижением медитации, является состояние «не-Я», в данном состоянии тело движется само собой, им управляют некие внешние силы. Как считают даосы, оно движется вместе с космическими вихрями. Вибрации вселенского дао постепенно окутывают сознание медитирующего, и через сознание проникают в тело. В душу приходит пустота и умиротворение, а там «где пустота и гармония – там и дао». И человек уже не просто *homo sapiens*, не частица природы и общества, а олицетворение Вселенной. Именно такой человек составляет великую триаду: НЕБО – ЧЕЛОВЕК – ЗЕМЛЯ, являясь связующим звеном между небытием и бытием, между абсолютной действительностью и относительным существованием.

Современный Китай несет в себе данную культовую реальность воплощая, её в каждодневных массовых занятиях медитацией. Практически в любом населенном пункте КНР и Тайваня рано утром можно наблюдать потрясающее зрелище, когда огромное количество людей в парках, сквера или просто во дворе и дома, одновременно в едином дыхательном ритме вращают Вселенную в себе и вокруг себя, выполняя упражнения тай-цзи – гимнастику Великого предела. Причем так делает весь Китай в одно и тоже время, образуя неделимую нить культового единства нации. Подобных культовых нитей в современной китайской культуре множество. Все они переплетаются между собой, создавая сложную ткань культовой реальности, связывающую современных китайцев с их культурным прошлым и будущим.

Лишь став участником этого культового действия можно понять ощущения людей, строящих современное общество на фундаменте древних культовых традиций. Находясь в этом потоке, ты действительно становишься частью этой Вселенной, ощущая на себе эту «живую» силу культовой реальности. Однако, не побывав в этой реальности, трудно понять и тем более принять философию пути. Поэтому истина может быть постигнута только при её живом воздействии на исследователя, который должен отдаться её постижению целиком, сделав её своей культовой реальностью.

Примечания

¹ Хотя здесь следует оговориться, что корова у перечисленных нами народов была мерилем богатства, денежным эквивалентом в товарообмене. И по мере того, как развивалось имущественное расслоение общества, скот становился объектом вожделения и даже культового поклонения, правда, в сфере экономического сознания (вспомним пресловутого библейского «золотого тельца», который стал у славян метафорой поклонения богатству и стяжательству).

² Например, общеизвестна такая культовая практика: в индийской деревне крестьяне обмазывали коровьим навозом свое жилище, с целью получения божественной благодати.

³ Отмечу, что задача в данном примере состоит не в том, чтобы дать нравственную или психологическую оценку японской культуре, а показать работу неклассического метода анализа культовой реальности, в основе которого лежит стремление к пониманию внутренних сущностных характеристик явления, а не выявление его объективных сторон, то есть мы пытаемся понять японцев, а не оценить их.

⁴ Хотя и в американской мультипликации присутствует большое число примеров подобной продукции, все-таки нельзя говорить, во-первых, что она превалирует, а во-вторых, является культовой тематической атрибутикой большинства сюжетов мультфильмов. Точно так же можно сказать, что и в японской мультипликации есть вполне нормальные (с точки зрения европейской психологии) произведения, но они-то как раз не являются собой большинства.

⁵ Хочу сразу оговориться, что ненормальность данных сюжетов может рассматриваться только с точки зрения ощущений европейской культуры. Для Японии подобные произведения кажутся вполне нормальными и обычными. Да и уровень преступности и жестокости в японском обществе никак не больше, чем в общеевропейском и тем более, американском.

⁶ Не стоит забывать, что Япония единственная страна, которая пережила реальную, а не гипотетическую ядерную войну. А такой опыт вряд ли проходит бесследно.

Список литературы

1. Абаев, Н. В. Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае / Н. В. Абаев. – Новосибирск : Наука, 1983.
2. Антология даосской философии / сост. В. В. Малявин, Б. Б. Виноградский. – М. : Товарищество «Калашников-Комаров и К⁰», 1994.
3. Григорьева, Т. П. Даосская и буддийская картины мира / Т. П. Григорьева // Дао и даосизм в Китае. – М. : Наука ; Гл. ред. вост. лит., 1982.
4. Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс ; пер. с англ. ; репринт. изд. 1910 г. – СПб. : Андреев и сыновья, 1993.
5. Долин, А. А. Истоки УШУ / А. А. Долин, А. А. Маслов. – М. : Наука, 1990.
6. Книга самурая : Юдзан Дайдодзи Будосёсинсю. Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ. Юкио Мисима. Хагакурэ Ньюмон. – СПб. : Евразия, 1998.
7. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М. : Республика, 1994.
8. Мертон, Р. К. Явные и латентные функции / Р. К. Мертон // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренкова. – М. : Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 393–461.
9. Степин, В. С. Теоретическое знание : структура, историческая эволюция / В. С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000.
10. Стулова, Э. С. Даосская практика достижения бессмертия / Э. С. Стулова // Из истории традиционной китайской идеологии. – М. : Наука, 1984. – С. 230–271.
11. Сунь, Лутан. Ба-гуа цюань сюе / Лутан Сунь ; пер. с кит. И. В. Горбунова. – Кемерово, 1990.
12. Тендит, К. Н. Культовые практики философских школ даосизма и буддизма / К. Н. Тендит // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние региона : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Комсомольск-на-Амуре, 14–15 апр. 2006 г.) – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во Комс. гос. пед. ун-та, 2005. – С. 133–143.

13. Тендит, К. Н. Специфика взаимодействия культового сознания и культовой реальности / К. Н. Тендит // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе. – Балашов : Изд-во «Николаев», 2003. – С. 331–334.
14. Элиаде, М. Избранные сочинения : очерки сравнит. религиоведения / М. Элиаде. – М. : НИЦ «Ладомир», 1999.
15. Becker, H. S. Outsiders in the sociology of deviance. – Glencoe : Free Press, 1963.
16. Scutz, A. The Phenomenology of Social World. – London : Heinemann Educational Books, 1972.

Ирина Лазарева

Древневосточный коан в новом формате обучения мышлению

Проблема обучения мышлению существует в сфере науки о воспитании человека с момента возникновения первых истоков развивающего обучения в системе древнегреческого образования. Гуманистические идеи античных философов были ориентированы на «специальное побуждение к развитию». В качестве средства воспитания, направленного на пробуждение в ученике стремления мыслить самостоятельно, что приравнивалось ко второму рождению человека, использовались философские беседы по басням Эзопа и поэмам Гомера. С тех пор общество пережило несколько стадий экономического роста и культурного развития, но классический образец философско-мировоззренческого диалога до сих пор рассматривается как источник «интеллектуальной энергии».

В данной статье мы рассмотрим особенности философской дискуссии как метода обучения мышлению в современном контексте эпохи постмодернизма. Особое внимание мы обращаем на характер стимульного текста (К. А. Кондратьев), который используется на начальном этапе с целью создания философской проблемной ситуации. В качестве такого текста мы рассмотрим коан – один из образцов восточно-азиатского теологического дискурса. Предлагая свой вариант практического решения данного вопроса, мы исходили из конкретной педагогической ситуации применения технологии философской дискуссии в процессе обучения иностранному языку студентов востоковедческих специальностей.

Поиск оптимальных форм в организации процессов обучения мышлению должен отражать современные тенденции дидактических поисков и быть созвучным общим трансформациям научной рациональности. Исходя из этого, мы рассмотрим своеобразие постмодернистского образа мысли, представление о котором складывается из анализа работ современных философов.

На рубеже двух столетий в экономических и социальных процессах общества наблюдаются процессы, следствием которых становится смена цивилизационной парадигмы и осознание того, что «мир навсегда лишился гарантий стабильных, непреходящих законов» (И. Пригожин). Изменения, произошедшие в самом фундаменте мышления, привели к формированию нового постмодернистского варианта философии жизни. Новый тип рациональности, занявший доминирующие позиции во всех сферах человеческой деятельности, исходит из моделей неустойчивости и изменения, выражаемых понятиями множественности, междисциплинарности, многокультурности, незавершённости, открытости, диалога, сомнения, вариативности.

Постмодернизм, поставил в центр своей философии нелинейность мышления, представив его как «нелинейную организацию актов рассуждения, которая воплощается в дискурсе – новой единице анализа актов смыслополагания и смыслопостижения». Нелинейная модель мышления исходит из понимания его как одной из характеристик когнитивного поля, в которое вводятся воображение, воля, аффекты. Такое расширенное представление о мышлении учитывает целостную природу человека, а не только его мыслительную сферу. В обучении это проявляется в выходе за границы формального развития рассудка и дополнении рационального начала эмоциональным компонентом.

Философия постмодернизма основана на восприятии мира как некой реальности, в которой отсутствуют абсолютные истины и процедура интерпретации данных внедряется во все познавательные акты. Мир рассматривается в виде текста, который нужно интерпретировать, а не объяснять, поэтому особое значение придаётся наличию своего взгляда на вещи и людей независимо от того что думают о них другие.

Субъект обучения рассматривается как активный участник процессов построения своей познавательной деятельности. Мышление связано как с расширением спектра применяемых средств и методов, так и с необходимостью выбора тех или иных познавательных и мыслительных стратегий.

В контексте позитивного отношения к множественности процедура выбора трактуется как одна из фундаментальных, что предполагает изучение ценностных оснований.

Со сменой цивилизационных парадигм происходит переход с механистического на критическое и рефлексивное мышление. Увеличивается объём рефлексивных актов мышления. Рефлексия как «способность переосмысления субъектом собственных знаний, действий, отношений, как механизм самопознания, самоанализа, самоорганизации, саморегуляции» признаётся не только как вспомогательный метод, но и вполне самостоятельный. В постмодернистском дискурсе образование рассматривается, в первую очередь, как помощь человеку в познании самого себя. «Назначение образования состоит в том, чтобы указать молодому человеку путь познания». Процесс познания мира и себя в этом мире происходит на рефлексивном уровне мышления, следовательно, рефлексивная деятельность, по мнению современных учёных, должна быть обязательной составляющей образовательной среды и получить педагогическое обеспечение. Г. П. Щедровицкий признаёт рефлексивную деятельность одним из инновационных путей развития личности и видит проблему в особой организации этого процесса.

Исходя из того, что главный показатель уровня развития субъекта в рамках рефлексивной деятельности «может быть представлен в овладении суждением, основанном на личностной рефлексии и трансформации её в интеллектуальную», главная задача рефлексивного образования формулируется отечественными (Г. Л. Звенигородская, К. А. Кондратьев, М. В. Телегин) и зарубежными специалистами (М. Липман, М. Райн) как развитие способности к суждению. Суждение рассматривается исследователями как продуктивный результат деятельности индивида, т. к. аккумулирует в себе достаточное количество показателей, среди которых чаще всего упоминаются понимание содержания; способность его анализировать; умение аргументировать; высказывание личностного отношения, оценка изложенному и себе, новые качественные характеристики познаваемого объекта, выход в другую систему знаний и др. Суждения предъявляются в общении, но все исследователи соглашаются в том, что способность к богатой, точной речи не

может быть развита «с помощью лексической номенклатуры», и многоречивость не является показателем способности к суждению.

Г. Л. Звенигородская выделяет несколько этапов в овладение суждением, которые основаны на разных типах рефлексии.

- осмысление учащимися оснований конструирования суждений (личностная и интеллектуальная рефлексия);
- организация взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса в ходе обмена суждениями (коммуникативная и кооперативная рефлексия);
- соотнесение вариантов суждений, где происходит поиск оптимальных формулировок мыслей, мнений, точек зрения (интеллектуальная и личностная рефлексия).

Все перечисленные выше этапы присутствуют в классическом философском диалоге, который используется в качестве средства обучения в модели рефлексивно – исследовательского образования, разработанной известным теоретиком американского образования Мэтью Липманом. Технологически проработанная концепция М. Липмана, получила широкое признание в странах с различными национальными культурами благодаря идее использования философии как средства, помогающего овладеть искусством рефлексии и разумного мышления. Философия в данном случае является тем ресурсом, который стимулирует процессы понимания и мышления на более глубоком, комплексном уровне. Условия возникновения мышления создаются в философском диалоге.

Философская направленность побуждает учащихся к более глубокому осмыслению знакомых понятий и позволяет перейти с уровня стратегически неорганизованного мышления (бессознательного «мозгового штурма») на уровень высокоорганизованного мышления. Л. Резник, известная американская исследовательница проблемы обучения мышлению, определяет данный уровень мышления как

- деятельность без заранее заданного образца, алгоритма действия;
- имеющую комплексный характер, выражаемый в органическом единстве отдельных компонентов мышления; целостный характер мышления;
- умение видеть альтернативы и предлагать многообразие возможных решений;
- предполагает процессы суждения и интерпретации
- включает разработку системы критериев;
- часто предполагает сомнение в истинности имеющихся данных;
- предусматривает саморегуляцию и самокоррекцию мыслительных процессов;
- связано с умением найти внутренний смысл;
- предполагает определённое умственное напряжение, связанное с процессами формирования и формулирования мысли и выведения обобщений.

М. Липман понимает мышление высшего порядка как сплав процедурного (мышление о собственных интеллектуальных процессах), критического, альтруистического, и творческого мышления. Он видит цель философской дискуссии – не в том, чтобы растить будущих философов, а в том, чтобы развить эти виды мышления через обретение навыков аргументативного критического рассуждения, рефлексивный поиск и совершенствование межличностных отношений. Эти три составляющие являются ключевыми характеристиками философской дискуссии.

Главным отличием философской дискуссии от учебного спора – диалога является развитие и закрепление у учащихся когнитивных диспозиций. Общеизвестно, что любой навык (и мыслительный в том числе) бесполезен, если его не хотят или не считают нужным использовать. Только с развитием диспозиций возникает готовность к приобретению мыслительных навыков. Поэтому современная

американская дидактика основную работу по программе развития мыслительных навыков связывает с развитием мыслительных диспозиций (способность к сотрудничеству, готовность выслушать, внимательность и уважение друг к другу и др.), выражающих желание и потребность размышлять.

Приобретению личной потребности мыслить может способствовать то, что философская дискуссия способствует формированию рефлексивного компонента в мышлении учащихся. Философия, предлагая идеи для размышления, определяет характер философского диалога, который всегда является мировоззренческим и ценностным. Как правило, любое отношение к бытию ставится под вопрос, что стимулирует понимание и мышление на более глубоком, комплексном уровне.

Работа субъекта обучения с понятиями мировоззренческого и личностного плана может быстрее всего привести к преодолению эгоцентризма мышления. Эгоцентризм мышления характеризуется абсолютизацией своей точки зрения, своего фрагментарного, частного понимания вопроса. Эгоцентризм ведёт к неспособности обобщать различные явления, выходить на новые уровни абстрагирования. Преодоление эгоцентризма начинается с сопоставления различных точек зрения. Во время дискуссии происходит столкновение мнений, ценностей, способов суждений, стоящих за каждой из познавательной позиций. Рядом с эгоцентрической точкой зрения строятся альтернативные мнения. Согласно Ж. Пиаже, «именно постоянный обмен мыслями с другими людьми позволяет нам децентрировать себя». В философской дискуссии разнородные высказывания перерастают в общее суждение. Смысл философского диалога не в яростной защите своих убеждений, а в совместном поиске истины, что приводит к преодолению личностного и познавательного эгоцентризма.

Децентрация мышления связана с развитием альтруистического мышления, которое понимается М. Липманом как часть понятия высокоуровневого мышления. Философский диалог построен на проявлении способности понять другого и донести своё мнение. Таким образом, участники учатся проявлять уважение к личности и мыслям тех, кто вместе с ними занят в процессе совместного поиска истины.

В процессе философской дискуссии происходит формирование умений анализировать ценности. Философская дискуссия вовлекает участников в анализ своих ценностных приоритетов и представлений, учит оценивать объекты определённым образом и вырабатывать разумные ценностные суждения. Студенты учатся не только мыслить и ценить умение мыслить.

Процедура философствования, рассуждения предполагает необходимость поиска ответа на философский вопрос. С появлением философского вопроса создаётся философская проблемная ситуация. «Психологическим условием возникновения философской проблемной ситуации является невозможность осуществления деятельности в плане простой репродукции». Мышление возникает как потребность разрешить неясность, противоречие. Источником философского вопроса и создания философской проблемной ситуации является текст, который может быть представлен в виде конкретного случая, спорного вопроса, презентации, ролевой игры, короткого текста. Проблема может ставиться прямо, либо подаваться в скрытом виде, либо сам эпизод, ситуация поднимает проблему. Текст выполняет задачу подачи материала таким образом, чтобы породить у субъектов обучения потребность строить свою версию устранения неясности.

Вполне очевидно, что подбор стимульного текста играет очень важную роль в организации философской беседы. Он определяет тему, направление, создаёт смысловой контекст, в котором происходит поиск ответов на проблемные вопро-

сы человеческого опыта, открытие новых значений, установление новых связей, переоценка ценностей. Он влияет на характер мыслительных процессов и, в конечном итоге, на результат и успех дискуссии.

Любая область духовной культуры – философия, искусство, религия, этика – предлагает огромное количество идей для размышления, которые можно использовать в качестве интеллектуального смыслового ориентира философского диалога. «Бытие в духовной культуре – путь к становлению и развитию собственной индивидуальности, индивидуальной культуры человека». В нашем случае мы обратились к философской системе Востока, построенной на образно-смысловой интерпретации всеобщих связей и отношений. В восточной философии одним из способов философствования являются коаны. Коан – это разновидность древневосточной притчи, короткое повествование, вопрос, диалог обычно не имеющие логической подоплёки и используемая как одна из практик в дзэн-буддизме, придающая определённый психологический импульс ученику для достижения понимания сути учения.

Вот один из примеров древневосточной притчи, которая может послужить основанием для создания философской проблемной ситуации, т. к. содержит субъективное затруднение, связанное с мыслительной деятельностью субъекта, в соответствии с чем создаётся рефлексивная образовательная среда, необходимая для философской беседы.

Учитель сказал: «Я не спрашиваю вас о том, что было пятнадцать дней тому назад. Но что будет пятнадцать дней спустя? Скажите, что вы думаете об этом? Так как никто из монахов не ответил, он сам ответил за них: Каждый день хорош».

Помимо того, что коан представляет конкретный интерес в образовательном пространстве востоковедения как источник расширения фоновых культурологических знаний, для нас этот «кладёз мудрости» интересен, в первую очередь, как пример текста «не имеющего логической подоплёки», как возможность освоения нелинейного процесса мышления, характерного для постмодернистского дискурса. Согласно устоявшемуся определению, нелинейная система предполагает наличие парадоксов, гибкости, динамизма, метафоричности. Г. П. Щедровицкий, мыслитель, философ и методолог, автор концепции мыследеятельной педагогики, рассматривая вопрос о видах работы, позволяющих «прорываться» в «мышление» (образ «гераклитовского» подхода к мышлению, представляемого как нелинейный процесс, включающий в себя «разрывы и неожиданные прорывы» к пониманию), также упоминает анализ разного рода парадоксов и апорий Зенона.

По нашему мнению, древневосточные притчи также можно рассматривать как учебный материал, позволяющий «прорваться в мышление». Коан представляет из себя вид текста, обладающий скрытым философским смыслом, что позволяет использовать его в качестве объекта интерпретации. Кроме этого, работа с данным учебным ресурсом отражает особенности современной образовательной практики, выражаемой в позитивных установках на целостность, духовность, веру в поиск мудрости, критическую грамотность, понимание чтения как размышления. Выбирая рассматриваемый вид текста в качестве мыслительной задачи, мы, в первую очередь, апеллировали к его возможностям, способствующим достижению состояния «умственного пробуждения», что характеризует его как действенное средство раскрепощения мышления, мобилизующее интеллектуальный потенциал субъектов обучения. Нас заинтересовали следующие характеристики коана, отражающие современное понимание мыслительных процессов.

1. В данном случае вряд ли можно говорить о понимании на уровне рассудка, но внутренняя работа в плане духовного и умственного напряжения необходима. Понимание коана свободно от формального рационализма, специальных знаний в области логики, но процедура понимания смысла, перерастающая в формулирование обобщений, требует проявления познавательной самостоятельности установки на решение проблемы.

2. Говоря о новом, постмодернистском толковании рациональности, учёные подчёркивают внерациональные формы познания, такие как воображение, эмоции, среди которых особо важная роль принадлежит интуиции. В феноменологии Гуссерля интуиция есть «сущностное видение, непосредственное созерцание общего». С. Л. Франк, указывая на неразрывную связь рационального начала (как отражение «зримого начала бытия») с иррациональным («верховенство подлинного знания»), отдаёт предпочтение последнему. Интуиция требует напряжения всех познавательных способностей человека; в неё вкладывается весь опыт предшествующего социокультурного и индивидуального развития человека – его чувственно-эмоциональной сферы (чувственная интуиция) или его разума, мышления (интеллектуальная интуиция). Коан, зачастую содержащий алогизмы и парадоксы, доступен, скорее, интуитивному пониманию, что в ходе философского диалога приводит к иррациональной сущности суждений, основанных на рефлексивной деятельности. В качестве примера может послужить микроситуация «Ни холода, ни жары».

Монах спросил учителя: «Как можно избежать холода и жары?». Учитель ответил: «Почему бы не отправиться туда, где нет ни холода, ни жары?» «А разве есть такое место?» – спросил монах. Учитель объяснил: «Когда холод, будь и ты полностью холодным; когда жарко, будь насквозь горячим».

Несмотря на то, что постижение смысла коана игнорирует интеллектуальное понимание, учебная деятельность, связанная с использованием определённых методов работы, позволяет говорить о значении данного рода текста в формировании целостности мышления. Рациональный компонент, понимаемый в данном случае как логически-корректное мышление, не исключается, так как постижение смысла коана проходит в совместном обсуждении, где главным требованием выступает обоснованное, аргументированное высказывание, подразумевающее рассмотрение обстоятельств, причин, мотивов. Уже на первом этапе субъект обучения представляет результат своего понимания в виде суждения, осмысливая основания его построения.

3. Коан представляет интерес и как источник интуитивного понимания вечных жизненных ценностей, реалий, которые заставляют задуматься. Во время мировоззренческого диалога ценностные приоритеты превращаются в предмет тщательного рассмотрения и рефлексии, что помогает молодым людям разобраться в критериях, принятых в жизни общества.

4. Коан представляет ситуацию, когда из одного конкретного события могут выводиться самые абстрактные обобщения. В этом состоит принципиальное отличие древневосточной притчи от западноевропейской. Использование коана в качестве проблемного задания не является аналогом западноевропейской практики вплетать в канву урока различные образцы малого жанра (притчи, басни). Это объясняется тем, что цель басни – назидание и поучение, которое, как правило, присутствует в заключительных строках. Именно этот компонент не позволяет отнести данный вид текста к разряду открытых проблемных заданий, создающих условия для интеллектуальной и личностной рефлексии. Он не создаёт возможно-

сти пережить так называемую стадию «блуждания ума», что так важно для развития самостоятельности мышления.

Коан, напротив, отвергает всяческую назидательность. У участников нет ясного представления, во что выльется поиск, и это стимулирует мыслительную деятельность.

5. Коан является наиболее естественным способом приобретения опыта постижения истины. Он предлагает идеи для размышления, которые нельзя обсудить раз и навсегда. Истина постигается через совместное размышление, в котором участники видят себя частью общего процесса, где обсуждаются и обобщаются все стороны одного цельного явления.

Имея отношение к проблемам, далёким от однозначного решения, подобный вид текста может выступать как средство избавления от дуалистической зависимости. Как правило, мышление студентов начальных курсов дуалистично (модель интеллектуального развития В. Перри), что соответствует ступени абсолютного знания (модель М. Б. Магольды). Оно характеризуется восприятием окружающей реальности в рамках следующих категорий: знание имеет конкретный характер; мнения бывают либо правильные, либо ошибочные; задача студента – запоминать и повторять прописные истины; информацию следует записывать, не задавая никаких вопросов. Находясь на начальном уровне интеллектуального развития, субъект обучения склонен к стабильному порядку вещей и мимолётным примером, и работа в направлении развития интеллектуальных умений на основе интроспекции и рефлексии окажет положительное воздействие на преодоление узкого понимания природы знания.

6. Ещё одна особенность древневосточной притчи заключается в том, что в ней представлена установка дзэн-буддистского учения на поиск самоидентичности. В коанах заложено размышление относительно определённой совокупности понятий, имеющих отношение к человеческой жизни или человеческому знанию, таких, как истина, добро, мир, время, свобода, и т. д.

Дзенский мастер Сенгаи учил медитации учеников. Один из них имел обыкновение ночью перелезть через стену храма и уходить в город искать развлечений.

Однажды, осматривая спальню, Сенгаи обнаружил отсутствие этого ученика, а также нашёл высокий табурет, который тот подставлял, чтобы перелезть через стену. Сенгаи отодвинул табурет и встал на его место.

Когда бродяга вернулся, не подозревая, что вместо табурета стоит Сенгаи, он поставил ноги на голову учителя и прыгнул на землю. Когда ученик увидел, что он сделал, он был ошеломлен. Сенгаи сказал: «Рано утром очень прохладно, не подхвати простуду».

Поскольку коан не может иметь единственно правильного ответа, то важнее всего личное понимание этих регулятивных идей. Ученик проходит через осмысление своего опыта, своих жизненных ценностей. Это путь к единству общего и частного, путь построения системы представлений об окружающем мире и о себе в этом мире.

Итак, на первом этапе мировоззренческой дискуссии используется проблемный текст, имеющий философское измерение, в данном случае восточная притча, с целью создания философской проблемной ситуации. Философская проблемная ситуация характеризуется невозможностью осуществить деятельность соответствующими нормами. Это порождает разрыв между компонентами деятельности, её приостановку и включение механизмов осознания. По В. М. Розину, в данном случае рефлексивная деятельность направлена на преодоление «ситуации разры-

ва», на решение задачи, для которой не срабатывают традиционные способы решения. Возникновение мыслительных процессов будет тесно связано с тем, как понимается данный текст. Поль Рикёр определяет понимание как «этап в мыслительной работе по присвоению смысла», т. е. понимание – это поиск смысла, выявление, в первую очередь, того, что имеет для человека какой-то смысл. Любой текст, согласно законам герменевтики, источник множества его пониманий и толкований, поэтому первый уровень интуитивного постижения смысла П. Рикёр называет этапом предпонимания, т. е. исходного, предварительного представления об этом смысле, которое задаётся личностными особенностями индивида. Уже на этом уровне понимания мышление представляет собою не просто набор мыслительных операций, но, прежде всего, деятельность по построению суждений. В процессе познавательной процедуры объяснения происходит подведение конкретного истолкования текста под некое обобщение, предъявляемое в виде описания. Процедура объяснения подготавливает почву для интерпретации на более высоком уровне.

Второй этап – это диалог различных позиций. Мыслительная деятельность участников, выступающая в форме идеи, замысла, гипотезы, создаёт необходимость коммуникации, передачи собеседнику новых идей. Происходит знакомство с содержанием конкурирующих позиций и построение вариантов преодоления философской проблемы.

Чтобы процесс понимания состоялся, на этом этапе необходимо стремление сказать своё слово и дать слово инакомыслящему. В ходе речевой коммуникации важно взаимопонимание через взаимное постижение и оценку. Понимание в данном случае – это диалектический процесс. В диалектическом диалоге движение мысли следует от абстрактного, одностороннего к конкретному, всестороннему истолкованию, когда неизбежно придание дополнительного смысла тому, что пытаются понять, обогащение предмета обсуждения смыслом современных реалий. Мышление на данном этапе – это «синтетическая деятельность, путём анализа и синтеза движущаяся от одних обобщений к другим».

Второй уровень понимания требует привлечения других средств и методов: логико-методологического (все учащиеся вовлечены в процесс по построению суждений, которые должны быть обоснованы; здесь же включается критическая оценка других суждений), аксиологического (учащиеся вовлечены в анализ своих ценностных приоритетов), культурологическими (процесс понимания текста чужой культуры – это и поиски ответов на вопросы, которые возникают в нашей современной культуре). Это этап активной, продуктивной работы с суждениями, в котором учащиеся обретают новые мыслительные средства.

Диалог между носителями конкурирующих познавательных позиций относительно способов преодоления философской проблемы приводит к диалектическому решению философской проблемы. Понимание происходит по принципу герменевтического круга – (возврат мышления к целому, обогащенному знанием его частей).

Развившийся из древневосточной антиномии философский диалог нацелен на определённые практические результаты, к которым можно отнести:

– достижение соглашения, получение выводов, которые представляются в виде суждений;

– овладение инструментарием познавательного поиска: диалектической логикой, гипотетико-дедуктивным методом, интерпретацией, созерцанием, сомнением, ведущим к построению новых убеждений, рефлексией (эти средства фило-

софского исследования будут востребованы в познавательной деятельности по любой предметной дисциплине);

– уяснение того, что один и тот же текст имеет несколько смыслов;

– соотнесение предметного содержания текста с культурным мыслительным опытом современности;

Помимо этого, к результатам от совместной продуктивной деятельности можно отнести и определённые шаги к формированию системы взглядов и убеждений. В общении происходит раскрепощение человека, и «он раскрывается навстречу глубоким, духовным смыслам». Решая философскую проблему, человек понимает, что ни одна из проблем не может получить единственного положительного решения, и поэтому учится с уважением относиться к любому мнению.

Самый правильный способ, по мнению М. Липмана, развить способности и, главное, желание самостоятельно и обоснованно мыслить – это помочь учащимся понять, что учение во всей его сложности и многообразии есть не что иное, как исследовательская деятельность, сущностью которой является постижение истинного смысла. Выработать у учащихся потребность в построении смысла возможно через применение в педагогической практике философской дискуссии. Использование рассмотренных нами образцов древневосточного культурного наследия в качестве средства создания рефлексивной образовательной среды в процессе философского диалога способствует самооткрытию и самореализации личности. Таким образом, антиномичность коана – это не предел мысли, а стимул к поиску истины, составляющей высший смысл философской дискуссии и любой другой человеческой деятельности.

Проблема «четвертого пути» развития: индийский вариант

Почти половина XX в. прошла под флагом глобального идеологического противостояния СССР и США. Это было противостояние не просто двух сверхдержав, но и двух идеологий: западной (буржуазной) и советской (социалистической). Одним из важнейших факторов этого противостояния явилось распространение идеологий на другие государства-сателлиты, поделившее весь мир на советский и американский блоки, выразившиеся в военных, экономических и политических союзах. Такова была модель отношений в биполярном мире.

Однако далеко не все государства собирались следовать приведенной схеме. Так появилась концепция «третьего пути», который, по сути, представлял попытку идеологического сопротивления и самоопределения государств в мире глобального идеологического давления двух сверхдержав. Такие идеологии «третьего пути» создавались на основе изрядно переработанных национальных и культурных традиций, чаще всего квазирелигиозных. Примером «третьего пути» может служить Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия, имеющая не просто свою идеологию – Джамахирию, отличную от советской и американской, но и особые форму правления и государственное устройство, также носящих название Джамахирия. Как идеология, Джамахирия явилась сплавом социалистических, исламских и анархических начал. Другим примером может быть маоизм, явившийся в свою очередь сплавом марксизма, сталинизма и конфуцианства.

Т. о., термин «третий путь» объединяет все идеологии, несмотря на их различия, целью выйти из биполярного противостояния двух сверхдержав, определить собственный путь развития. При этом все же общей чертой идеологий является национализм как возможная их применимость в отдельно взятой стране или регионе, где имеет место соответствующий культурно-цивилизационный код, к которому эти идеологии апеллируют. Это действительно отличает их от «универсальных» американской буржуазно-демократической и советской социалистической идеологий, которые, на основе идеи, в них заложенной, могут существовать в большинстве стран мира, обращаясь к «универсальным» гуманитарным ценностям свободы и равенства.

Возникает вопрос, а были ли попытки создания в рамках «третьего пути» не национальных, а универсальных идеологий?

Как показывает история, таковые имели место. Их своеобразным примером может служить идеология Интегрального гуманизма (Integral Humanism), созданная в рамках индийской националистической философии и продвигаемая Бхаратией Джана Сангх (Bharatiya Jana Sangh – самораспустилась в 1977 г.)¹. На сегодняшний день идеи Интегрального гуманизма воплощаются второй по численности партией Индии, наследницей Бхаратии Джана Сангх – Бхаратией Джаната Парти (Bharatiya Janata Party) и разделяются большинством националистических индийских организаций хиндутвы.

Лидеры Бхаратии Джаната Парти сформулировали программный документ, озаглавленный «Принципы и политика», в котором определили место Интегрального гуманизма как официальной партийной идеологии. Причем партийные неопиты приносят клятву веры в Интегральный гуманизм, рассматривая его обособленно от таких идейных принципов и явлений, как национализм, национальная интеграция, гандизм, демократия, позитивный секуляризм и т. д. Кроме того, о значимости рассматриваемой идеологии говорит тот факт, что работу, носящую одноименное название, где изложены теоретические выкладки Интегрального гуманизма, ставят в один ряд с такими классическими индийскими политико-философскими трудами, как «Hind Swaraj» Ганди и «Gita Rahasya» Тилака. Автором труда и первым идеологом Интегрального гуманизма стал Диндаял Упадхьяя (Deendayal Upadhyaya).

Идеология Интегрального гуманизма появилась в начале 40-х гг. XX в. Но в этот период Упадхьяя только начал формулировать ее идейные постулаты через идеологическое проблемное поле того времени и формирование отсутствующих идеалов и ценностей. Работа была создана в период, когда Индия была на распутье и перед ней стояла проблема выбора пути дальнейшего развития, представленного коммунистами, Конгрессом, Мусульманской лигой, националистами и т. д. Конгресс провозгласил демократический социализм (до 1948 г.). Упадхьяя же был, что называется, идеологом-одиночкой. За ним не стояла ни одна из политических сил Индии. Поэтому временем подлинного рождения Интегрального гуманизма как идеологии можно считать начало 60-х гг. XX в., когда он становится официальной идеологической доктриной Бхаратии Джана Сангх (БДС). Как пишет один из исследователей проблем индийского возрожденчества Уолтер Андерсон, перед лидерами БДС стояла сложная задача привлечения электората, т.к. БДС имела единый электорат с другими националистическими партиями, особо не отличаясь от них². Вследствие этого голоса на выборах расплывались между ними, не давая не только победы, но и достойного места. Ключевой проблемой БДС было отсутствие идеологии, которая определила бы уникальность и самостоятельность партии. В качестве такой идеологии был взят на вооружение Интегральный гуманизм Упадхьяя.

Структурно в идеологии Интегрального гуманизма можно выделить три четко выраженных элемента:

- мировоззренческая основа, представленная взглядом на мировое политико-идеологическое развитие и месте Индии в нем;
- концепция политического мирового развития, флагманом которого может стать Индия;
- взгляд на ключевые проблемы современности. Здесь необходимо отметить, что под «современностью» понимается мировой расклад политических сил 50–60 гг. XX в.

Нас, прежде всего, интересуют первый и второй элементы идеологии. Рассмотрим их по порядку. Идеологическое развитие Запада, по мнению Упадхьяя, связано с формулировкой не двух (социалистическая и капиталистическая), а трех идеологий. Третьей, и наиболее сильной идеологией, выработанной Западом, по мнению автора «Интегрального гуманизма» является идеология национализма.

Каждая из трех «классических» западных идеологий представляет собой один из трех путей развития государства, базирующихся на одной господствующей ценности. Здесь невольно вспоминается лозунг Великой французской рево-

люции «свобода, равенство, братство», как нельзя более точно определяющий суть триады ценностей.

В итоге, если перефразировать выводы Упадхья, можно сказать, что каждая из вышеприведенных ценностей противоречит двум другим и в силу этого порождает собственную идеологию: так «свобода» как ценность порождает либерализм (демократию); «равенство» – социализм; а «братство» – национализм.

К середине XX в. эти три идеологические доктрины стали доминировать в европейском мышлении. При этом Упадхья рассматривает их, скорее, не как идеологии, а как их основу. Большинство европейских идеологий не существует в «чистом» доктринальном виде, а рождается на стыке трех доктрин. К примеру, английский либерализм явился сочетанием либерализма и национализма (свободы и братства), а национал-социализм – сочетанием социализма и национализма (равенства и братства). Т. о., три пути, три доктрины, на практике вылились во множество жизнеспособных и нежизнеспособных идеологий. Советская и американская – тоже являются их инвариантами, представляя в известной степени смешение в неравных пропорциях либерализма с национализмом и социализма с национализмом соответственно.

Все три пути Упадхья считает искусственными, созданными сознанием, а не природой людей. Тем ни менее, в философии Упадхья национализм занимает особое место, т. к., по мнению автора, он является наиболее продвигаемой Западом идеологией. Он пишет: «...развитие Запада – это история развития национализма, по этому он сильнейший из «измов». Все давления на национализм его только усиливают...»³.

Т. е. национализм и есть тот «третий путь», который, к тому же, был сформулирован самим Западом и перенят так называемыми государствами третьего пути, о которых уже шла речь выше. Его также следует перенять и Индии, в силу того что он представляет наиболее сильную из трех доктрин. Однако национализм имеет различные формы существования и далеко не каждая из них подходит индийскому государству, недавно получившему независимость. Для Индии Упадхья выстраивает логическую схему рассуждений, призванную очертить необходимый для нее путь ее развития.

Фиксируя устойчивое, непреодолимое давление Запада как фактор политического развития Индии, Упадхья обращается к понятию «вестернизация», носившему в тот период, несмотря на борьбу за независимость, во многом положительный смысл, т. к. оно было синонимом понятия «прогресс». Здесь Упадхья отмечает, что именно по этой причине «...узкий национализм как антизападничество не должен противостоять прогрессу <...>, в то же время западничество (понимаемое как копирование. – прим. авт.) тоже должно быть отвергнуто»³. Автор Интегрального гуманизма разводит два понятия: «Западная наука» и «Западный образ жизни» (выражается в политических и экономических доктринах). Первое, по его мнению, должно перенять в форме позитивного национализма, второе – ни в коем случае, т. к. каждая нация имеет свою собственную идентичность.

По мнению Упадхья, «идентичность» – это естественное явление, жизнь по инстинктуальной природе нации. При искусственном подавлении этих инстинктов, попытке следовать иным инстинктам нация переживает ментальные болезни. Автор приводит сравнение нации с личностью, для которой утеря идентичности равносильна психическому заболеванию, причина которого – значительная идейно-политическая мобильность политических сил того времени³. Здесь, в качестве примера, можно вспомнить следующие события: 1939 – Ин-

дийский национальный конгресс входит в коалицию с мусульманской лигой, 1948 – социалисты уходят из конгресса и образуют свою партию, остальные не имеют никаких идей, кроме как против Конгресса, и т. д. Т. о., автор говорит об идеологическом вакууме, возможность заполнения которого заключается в обретении Индией национальной идентичности, как естественной идейной основы существования в противовес искусственным идеологиям.

Т. о., отправной точкой рассуждений Упадхья стала проблема поиска индийской национальной идентичности, которая по содержанию близка к современной российской проблеме поиска «русской идеи». Индийская национальная идентичность, по мнению автора концепции должна стать основой прогрессивного развития Индии взамен обретенной независимости, т. к. независимость сама по себе не имеет креативного начала, а перенятые с Запада политические прогрессивные инструменты («Западная наука») не применимы в больном обществе.

Упадхья видит индийскую национальную идентичность в «Дхарме», который понимается им в данном контексте как естественные правила существования индийской цивилизации. Однако Дхарма рассматривается им не столько как индийский цивилизационный феномен, сколько как общемировое явление, как вклад Индии в мировую культуру (в том числе и политическую). Он пишет: «Все те принципы которые влекут за собой гармонию, мир и прогресс в жизни человечества включаются в Дхарму»³.

По сути, Дхарма, в представлении Упадхья, видится как доктрина, стоящая в одном ряду с вышеприведенной триадой: либерализм, социализм, национализм и представляет собой «четвертый путь» развития человеческой цивилизации. Как и упомянутая триада доктрин, Дхарма также имеет свою господствующую ценность. Таковой стала «интеграция», понимаемая как неразрывное единство всех общественных элементов (политических, экономических, социальных, духовных), как неразделенность социума и личности, социума и природы.

Как пишет Упадхья: «Дхарма переводится здесь как закон. Английское слово «религия» не подходит для понимания. Мы придумали жизнь как интегрированную не только в отношении коллектива и социальной жизни но и в индивидуальном смысле... Природа (также) развивается в соответствии с принципами Дхармы»³.

Дхарма, как закон и доктрина, по мнению автора интегрального гуманизма, имеет основания в культуре народа, а та, в свою очередь, есть проявление естественных законов природы.

По сути, то, что предлагает Упадхья, является одной из концепций гармоничного общества, характерных для европейского утопизма с той лишь разницей, что автор Интегрального гуманизма основывает свой вариант на индийской дхармической традиции, трактуемой как естественной. Гармоничное общество Упадхья основано на удовлетворении четырех человеческих потребностей: потребностей тела (голод, кров); потребностей сознания (традиции); потребностей разума (прогресс, реформы); потребностей души (вдохновение, культурное единство и уникальность)⁴. Стремление к реформам должно нивелировать складывающееся недовольство по поводу отсутствия идеала в обществе, что отражает естественную специфику человеческой природы.

В итоге, Дхарма, безусловно имеющая корни в позитивном национализме, сама им не является, т. к. на национальных началах отстаивает иные ценности – ценности интегральности, которые вполне могут восприниматься как основа четвертой универсальной идеологии, «четвертого пути». Причем спецификой его

по отношению к трем предыдущим является своего рода «несовместимость». Дхарма не может быть смешана ни с либерализмом, ни с социализмом, ни с национализмом. Она, существует «параллельно», т. к. для нее отсутствует противопоставление сфер жизни общества, противопоставление природного, социального и индивидуального. Тем не менее, она содержит в себе элементы ведущих ценностей всех трех доктрин.

Примечания

- ¹. См.: Upadhyaya, D. Integral Humanism / Deendayal Upadhyaya [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bjp.org/>.
- ². См.: Andersen, W. The Brotherhood in Saffron: The Rashtriya Swayamsevak Sangh and Hindu Revivalism / Walter K. Andersen, Shridhar D. Damle [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://en.wikipedia.org/wiki/the_brotherhood_in_saffron:_the_rashtriya_swayamsevak_sangh_and_hindu_revivalism.
- ³. Upadhyaya, D. Integral Humanism / Deendayal Upadhyaya [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bjp.org/>.
- ⁴. См.: Pre-occupation with materialism [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://en.wikipedia.org/wiki/Integral_humanism.

*Валерий Ким
Екатерина Иванченко*

Некоторые особенности дипломатии Китая в период средневековья

Тысячелетиями огромный культурный Китай существовал среди варварских кочевых племен на Севере и относительно малых и слабых государственных образований на Юге и Востоке¹. Такое положение, сохранившееся и в средние века, отразилось на внешнеполитических воззрениях как элиты, так и всего китайского народа, считавшего свою страну центром земли и остального человечества, у которого нечему учиться культурным китайцам. Комплекс этноцивилизационного превосходства отразился даже на такой прагматической сфере деятельности, как дипломатия².

Известно, что китайцы – одни из самых обходительных людей во всем мире, их корректность в деловой сфере и коммуникабельность в обычной жизни часто становятся темами для многочисленных научных трудов. Период Средневековья стал для Китая эпохой различных затяжных войн и длительных межэтнических контактов. Расширение пределов государства, увеличение данников из числа иноземных правителей было целью внешней политики множества династий, сменявших друг друга на политической арене Китая. Неоднократные войны сменялись периодами неустойчивого перемирия.

Используя сведения об особенностях китайской дипломатии, которые приведены далее, можно избежать многочисленных просчетов при межэтнических контактах с китайцами в современных международных отношениях.

Ретроспективный экскурс в политику Китая в период Средневековья показывает, что с падением империи Хань на рубеже II–III вв. в Китае происходит смена эпох: заканчивается древний период истории страны и начинается Средневековье³. Первый этап раннего феодализма вошел в историю как время Троецар-

ствия (220–280 гг.). На территории страны сложилось три государства (Вэй – на севере, Шу – в центральной части и У – на юге), власть в которых по типу приближалась к военной диктатуре. Но уже в конце III в. политическая стабильность в Китае вновь утрачивается, и он становится легкой добычей хлынувших сюда кочевых племен, преимущественно оседавших в северо-западных районах страны. С этого момента в течение двух с половиной веков Китай был разделен на северную и Южную части, что сказалось на последующем его развитии.

Укрепление централизованной власти происходит в 20-х гг. V в. после основания здесь империи Южная Сун и в 30-х гг. V в. – на севере, где усиливается империя Северная Вэй, в которой стремление к установлению единой китайской государственности было выражено сильнее. В 581 г. на севере произошел государственный переворот: полководец Ян Цзянь отстранил императора и переименовал название государства Суй. В 589 г. он подчинил своей власти южное государство и впервые после четырехсотлетнего периода раздробленности восстановил политическое единство страны.

Если же говорить об особенностях развития политических связей Китая с другими государствами в более поздний период, то необходимо отметить, что в XV в. активизируется южное направление внешней политики. Китай вмешивается во вьетнамские дела и захватывает ряд районов Бирмы. С 1405 по 1433 год в страны Юго-Восточной Азии, Индии, Аравию и Африку совершается семь грандиозных экспедиций китайского флота под руководством Чжэн Хэ (1371 – около 1434). В разных походах он вел от 48 до 62 только крупных кораблей (это путешествие совершено за 100 лет до открытия Колумбом Америки, причем флагманский корабль Чжэн Хэ превосходил в два с лишним раза по размерам знаменитую «Санта Марию» Колумба). Целью вояжа было установление торговых и дипломатических связей с заморскими странами, хотя вся внешняя торговля была сведена к обмену данью и дарами с зарубежными посольствами, на частную же внешне-торговую деятельность накладывался строжайший запрет. Караванная торговля также приобрела характер посольских миссий.

Частная торговая деятельность признавалась легальной и доходной для казны, однако общественное мнение считало ее недостойной уважения и требовавшей систематического контроля со стороны властей. Само же государство вело активную внутреннюю торговую политику. Казна принудительно закупала товары по низким ценам и распределяла продукты казенных промыслов, продавала лицензию на торговую деятельность, сохраняла систему монопольных товаров, содержала императорские лавки и насаждала государственные «торговые поселения».

Анализируя особенности тайной и официальной китайской дипломатии в Средние века, делаем вывод, что она исходила из концепции «предопределенного менталитета» остального мира от Китая, поскольку «Небо над миром одно, Мандат Неба выдан императору, следовательно, весь остальной мир – вассал Китая. Император получил ясный приказ Неба править китайцами и иностранцами... С тех пор как существуют Земля и Небо, существует и деление на поданных и государей, низших и высших. Поэтому существует определенный порядок в отношениях с иностранцами...»

О сути такого «определенного порядка» говорит иероглиф «фань», обозначающий одновременно иностранца, чужеземца, подчиненного, дикаря. По представлениям китайцев, их страна – круг, вписанный в квадрат мира, а в уголках квадрата существуют вышеупомянутые «фань», относиться к которым гуманно нельзя, поскольку «принцип морали для управления Китаем, принцип нападения – для

управления варварами». Завоеванным Китаем уголкам мирового квадрата давались следующие названия: Аньдун (Смиренный Восток), Аннань (Смиренный Юг).

Знание мира у китайской верхушки было, но оно принципиально игнорировалось: весь некий мир рассматривался как что-то периферийное и однообразное, многообразие мира и реальность заслонялись шовинистической и китаецентрической догмой, которая, возможно, и по сей день дает о себе знать в менталитете китайцев.

На практике апологеты «предопределенного вассалитета» удовлетворялись номинальным вассалитетом: главными обязанностями «вассала» были посещение Пекина (официально трактуемое как проявление верноподданничества) с подарками китайскому императору (трактуемыми как дань) и получение «вассалом» еще более ценных подарков от императора, именуемых «милостью и жалованьем».

Объясняется данный феномен китайской дипломатии тем, что концепция «предопределенного вассалитета» была рассчитана не столько на иностранцев, сколько на самих китайцев: видимость вассалитета – дополнительное доказательство власти династии, которая таким образом убеждала народ, что перед ней «все иностранцы в трепете подчинились», «бесчисленные государства спешат стать вассалами, принести дань и узреть Сына Неба». Таким образом, в Китае внешняя политика находится на службе внутренней политики прямо, а не опосредованно, как на Западе. Параллельно убеждению масс, в стремлении большинства стран «приобщиться к цивилизации» нагнеталось также ощущение внешней опасности от закоренелых варваров с Севера для сплочения общества и оправдания жестокой налоговой эксплуатации: «Отсутствие внешних врагов ведет к распаду государства».

С целью усиления психолого-идеологического воздействия в нужном направлении на иностранцев и собственный народ была абсолютизирована церемониальная сторона дипломатических контактов. В соответствии с дипломатическим ритуалом «коу-тоу», просуществовавшим до 1858 г., иностранные представители должны были выполнить ряд унижающих их личное и государственное достоинство их стран условий аудиенции с китайским императором, в том числе 3 преклонения и 9 падений ниц.

В 1660 г. цинский император так прокомментировал прибытие в Пекин российской миссии Н. Спафария: «Русский царь назвал себя Великим Ханом и вообще в грамоте его много нескромного. Белый царь всего лишь глава племен, а самонадеян и грамота его кичливая». Россия находится далеко на западной окраине и недостаточно цивилизована, но в присылке посла видно стремление к выполнению долга. Поэтому велено Белого царя и его посла наградить милостиво». Отказ Н. Спафария стать на колени при получении даров императора был расценен как «недостаточное обращение русских к цивилизации». Китайский сановник откровенно заявил русскому послу, что «Русь не вассал, но обычай переменить нельзя». На что Спафарий ответил: «Ваш обычай от нашего разнится: у нас идет к чести, а у вас к бесчестью». Посол уезжал из Китая с убеждением, что «они легче потеряют царство свое, чем покинут обычай свой».

В то время как официальная дипломатия выполняла роль атрибута имперского величия Китая, конкретные задачи внешней политики решались методами тайной неофициальной дипломатии, т. е. китайская дипломатия – с двойным дном (тайная дипломатия в двух странах решает только немногие деликатные конкретные задачи). Тайная дипломатия старого Китая проникнута духом легизма и его приоритетом государственных интересов любой ценой (цель оправдывает средства) и исходит из реального положения вещей, а не из догм официальной политики.

Поскольку война для огромного земледельческого Китая всегда была бременем, он постоянно исходил из того, что «дипломатия – альтернатива войне»: «сначала разбей замыслы врага, потом его союзы, затем его самого».

Инструментарий китайской дипломатии состоял не только из хитроумных ловушек, но и из разработанных на все случаи опасной международной жизни конкретных внешнеполитических доктрин:

- горизонтальная стратегия – в самом начале и в упадке династии. Слабый Китай вступает в союзы с соседями против дальнего для Китая, но близкого соседям противника. Таким образом, соседи отвлекаются в противоположном от Китая направлении;

- вертикальная стратегия – в апогее династии: Сильный Китай наступает на соседей «в союзе с далекими против близких»;

- комбинационная стратегия – смена союзников как перчаток;

- сочетание военных и дипломатических методов: «пером и мечом надо действовать одновременно»;

- «использование яда в качестве противоядия» (варваров против варваров);

- симуляция слабости: «прикинувшись девицей, броситься, как тигр в открытые двери».

Резюмируя все выше сказанное, приходим к следующим выводам:

Дипломатию – игру без правил – Китай довольно успешно превратил в игру по своим правилам, используя стратегию, в качестве своего рода дипломатического каратэ, неизбежно фатальной для противников Поднебесной.

Стратегема – это особый стратегический план, в котором для противника заложена ловушка. Соответственно, дипломатическая стратегема – сумма целенаправленных дипломатических и иных мероприятий, рассчитанных на реализацию долговременного стратегического плана решения кардинальных задач внешней политики.

Философия интриги, искусство введения в заблуждение, активная дальновидность; умение не только рассчитать, но и запрограммировать ходы в политической игре – именно в этом заключена дипломатическая стратегема Китая – основное средство борьбы с внешними врагами государства в период Средневековья.

В современных условиях китайская дипломатия умело использует некоторые приемы из богатого арсенала «китайских переговорных церемоний» для улаживания межконфессиональных и межэтнических конфликтов.

Примечания

¹ Говоров, Ю. Л. История стран Азии и Африки в средние века / Ю. Л. Говоров. – М., 2003.

² Исмаилова, С. Всемирная история / С. Исмаилова. – М., 1996.

³ Поляк, Г. Б. Всемирная история : учеб. для вузов / Г. Б. Поляк, А. Н. Маркова. – М., 2005.

Политические аспекты возможных путей урегулирования проблемы Корейского полуострова

На востоке азиатского континента соседствуют два государства с общим языком, культурой, сходными природными условиями. Несколько десятков лет назад они получили примерно равный потенциал для развития. Но одно из них пошло по так называемому «социалистическому» пути развития, второе же избрало рыночный путь эволюции – это, соответственно, Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) и Республика Корея (РК).

КНДР с самого начала своего существования ставила задачу превращения из экономически отсталой, колониальной в недавнем прошлом страны в индустриально-аграрное социалистическое государство. С этой целью было решено в исторически короткие сроки осуществить «построение морально-технической базы социализма», включая создание отечественной базы производства продукции тяжелой и легкой промышленности.

Согласно установкам исповедовавшей коммунистическую идеологию Трудовой партии Кореи (ТПК), сформированное развитие производительных сил могло быть обеспечено только за счет проведения в стране «коренных социально-экономических преобразований»¹.

В итоге осуществления аграрной реформы и национализации средств производства, кооперирования сельского хозяйства и ликвидации мелкотоварного уклада в городе к концу 50-х гг. XX в. социалистический уклад смог занять «командные позиции» в экономике КНДР. Строительство социализма происходило по общепринятым в социалистическом лагере канонам: на основе планов развития народного хозяйства.

Осуществление намеченного позволило добиться усиления индустриально-го направления в экономике КНДР. К середине 80-х гг. XX столетия Северная Корея вошла в ряд сравнительно развитых стран региона Восточной Азии. Тем не менее, в 90-е гг. в стране появились немалые трудности в хозяйственной эволюции. Одно из основных явлений – ограниченность возможностей развития экономики на основе централизованного планирования, а так же в рамках провозглашенной доктрины «Чучхе» (в дословном переводе – «сам хозяин», «самообеспеченность»).

Постепенно все более ощутимо сказывались слабости и возрастающая отсталость технической и технологической базы промышленности и сельского хозяйства, просчеты в административном руководстве и, наконец, сложности и нестабильность в политической сфере из-за смены верховного лидера. В аграрном секторе кризисные потрясения связывались с чередой неурожайных лет.

Негативными оказались и сдвиги во внешнеэкономической сфере. Распад СССР и социалистического лагеря привел к серьезному сокращению для Северной Кореи технической и экономической помощи. В свете вышесказанного и с учетом непрекращающихся нарастаний кризисных явлений будущее страны представляется весьма сложно прогнозируемым.

Многие международные обозреватели считают, что руководству КНДР вряд ли удастся преодолеть последствия экономических потрясений и обеспечить более или менее приличный уровень жизни населения без глубоких и продуманных нововведений в экономической и политической жизни.

Что же касается Республики Корея, то в этой стране экономическая эволюция на рубеже XX–XIX вв. проходила по-иному. Её экономика развивалась в условиях рыночных отношений и достаточно плотной «привязке» к ведущим державам – лидерам мировой системы рыночного хозяйства. Достаточно сказать, что в конце XX в. ВВП Северной Кореи составлял не более пяти процентов аналогичного показателя Республики Корея².

Это наглядно говорит о серьёзном разрыве в уровнях хозяйственного развития двух стран Корейского полуострова.

Через 18 лет после падения Берлинской стены, разрушенной в ходе «бархатной революции» в Восточной Европе, 38-я параллель, оцетинившаяся колючей проволокой и пулемётными дулами, по-прежнему разделяет Корейский полуостров на «коммунистический север» и «капиталистический юг». Поскольку мировое соглашение между севером и югом, воевавшими в 1950–53 гг., так и не было подписано, формально обе стороны продолжают пребывать в состоянии враждебности³.

Изолировать Северную Корею, превратить ее в государство-изгоя, чтобы расшатать коммунистический режим изнутри и добиться его крушения, – такой в течение десятилетий была политика Вашингтона и Сеула по отношению к Пхеньяну. Экономические санкции, введенные США против КНДР более чем полвека назад, действуют достаточно последовательно и по сей день.

И хотя, по оценкам экспертов ООН, за последние годы в стране умерли от голода более двух миллионов человек, северокорейский режим тем не менее устоял, а позиции «любимого руководителя» Ким Чен Ира остаются достаточно стабильными.

Более того, Пхеньян держит своих оппонентов в напряжении: нарушая договоренности, он не останавливает работу над собственными программами создания ядерного оружия. Новую волну страха вызвало испытание северокорейской баллистической ракеты 31 августа 1998 г. Попытки Конгресса США добиться прекращения ракетной программы Пхеньяна к 31 мая 1999 г. (этот вопрос был увязан с перспективами финансирования поставок американского мазута в Северную Корею) успехами не увенчался.

На сегодняшний день Корейский полуостров оказался втянутым в геополитическое противостояние крупных держав региона, где в одном узле переплелись интересы России, США, Китая и Японии, причем у каждой из стран имеется собственное видение проблемы.

И хотя на современном этапе складываются обстоятельства для сближения двух государств единого народа, данные процессы создают труднопознаваемые конфликты интересов внешних сил.

Следует подчеркнуть, что Корейский полуостров составляет значительную часть Тихоокеанского региона, тем самым, определяя заинтересованность очень многих малых и больших государств в стабильном развитии этого региона.

Несомненно, многое зависит от политики таких держав, как США, Китайская Народная Республика, Япония и Россия. И у каждой из названных стран исторически сложилась своя система интересов на полуострове, различные отношения с корейскими государствами. При чем различия особенно проявляются с Северной Кореей, спектр которых находится в широком диапазоне – от партнерства до открытой вражды⁴.

Однако следует назвать и общие точки соприкосновения и заинтересованности в мировых отношениях между двумя странами – стабильная обстановка на

Корейском полуострове и восточной Азии, соблюдение безъядерного статуса полуострова, развитие экономического сотрудничества между странами региона как составная часть глобализационных процессов.

Если внимательно проанализировать основные направления политики США на Корейском полуострове, то становится очевидным, что перспективы мирного сближения двух Корейских государств посредством американских инициатив предоставляются несколько туманными⁵.

В отличие от США, Россия, которая входит в состав СВИДА (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии) и реалистичную позицию в отношении региона, заинтересована в объединении полуострова, однако при условии независимости Кореи от различных военных союзов. Дело в том, что России необходим политически стабильный партнер в регионе, с которым можно поддерживать добрососедские отношения и развивать взаимовыгодное сотрудничество в интересах мира и безопасности в Северо-Восточной Азии.

Россия заинтересована в том, чтобы у её восточных границ появилось единое крупное демократическое государство, играющее важную самостоятельную роль в регионе, поддерживающее с Россией партнерские отношения, тесно сотрудничающее с ней в сфере экономики и культуры, в развитии дальневосточных районов.

Кремль избрал курс на налаживание отношений с Пхеньяном, что позволит обеспечить безопасность и стабильность на полуострове.

Новая активность России в корейском направлении отразилась и на ее подходе к межкорейскому диалогу. Позиция Москвы далеко ушла от давних советских времен, когда она практически безоговорочно, а затем и с оговорками, поддерживала военные авантюры Пхеньяна. Президент В. В. Путин неоднократно отмечал, что «...Россия оказывала и будет оказывать содействие мирному урегулированию корейской проблемы»⁶, «...готова использовать потенциал отношений и с Южной Кореей, и с Северной Кореей для содействия к сближению»⁷.

В то же время, выступая в Южнокорейском парламенте 28 февраля 2001 г., Путин сформулировал пять российских позиций по этому вопросу:

- а) мирный процесс и сотрудничество между севером и югом должны развиваться на принципах, согласованных самим корейским народом, самими корейскими руководителями, без вмешательства извне;
- б) все проблемы должны решаться исключительно мирным, дипломатическим путем в духе совместной декларации юга и севера от 15 июня 2000 г.;
- в) Россия будет приветствовать процесс создания мирного единого корейского государства, дружественного России и другим странам;
- г) Россия будет поддерживать безъядерный статус Корейского полуострова;
- д) Россия заинтересована в осуществлении с участием стран Северо-Восточной Азии, в том числе двух Корейских проектов, направленных на развитие региона и на создание прочного фундамента для стабильности на Дальнем Востоке⁸.

На наш взгляд, возникновение единого корейского государства выгодно России потому, что в экономическом плане Россия получит крупного и активного торгового партнера, а так же потенциального инвестора. С геополитической точки зрения, возникновение более сильной Кореи так же отвечает интересам России.

Известно, что некоторые круги в Москве и на востоке Российской Федерации опасаются, что бурно развивающийся сегодня Китай в перспективе может стать геополитической угрозой для России. Подобных проблем с Кореей у России нет, и можно ожидать, что единая Корея будет предоставлять противовес

японскому и китайскому влиянию в регионе. Учитывая сложную историю корейско-японских и корейско-китайских отношений, по всей видимости, и для единой Кореи отношения с Россией будут иметь аналогичное геополитическое значение.

Кроме того, над единой Кореей (вот отличие нынешней Южной) не будет висеть постоянная угроза агрессии с севера, в связи с чем ее заинтересованность в американском военном щите значительно уменьшится и внешняя политика станет более самостоятельной. В то же время соседство единой Кореи с гораздо более крупными государствами будет способствовать сохранению заинтересованности в сотрудничестве с мощной державой мира – США для укрепления свои позиций⁸.

Таким образом, судя по всему, и отношения между Москвой и объединенной Кореей будут строиться на дружественной основе, поскольку дружба по геополитическим причинам – самая крепкая и мало зависит от внутривнутриполитических факторов, смен режимов идеологий правящих элит⁹.

На основании выше изложенного, можно сделать следующие выводы:

- а) обеспечение поддержки международного сообщества;
- б) осуществление всестороннего сотрудничества севера и юга с проведением практической дипломатии;
- в) оздоровление международного климата путем содействия нормализации отношений КНДР – США и КНДР – Япония;
- г) получение реальных гарантий соседних государств и выработка системных механизмов для обеспечения поддержания мира на полуострове;
- д) укрепление корейско-российских отношений должно строиться исходя из объективной геополитической реальности на земле Корейских государств – разделение на север и юг мешает развитию взаимных отношений между Кореей и Россией;
- е) признание Кореей специфики российско-северокорейских отношений; поддержка Россией специфики союзнических отношений Сеула с Вашингтоном.

Примечания

¹ См.: Азия и Африка сегодня. – 2000. – № 10. – С. 21.

² Там же. – С. 22–23.

³ См.: Строкань, С. Солнце над полуостровом невезения / С. Строкань // Итоги. – 1999. – 16 марта.

⁴ См.: Sharif, M. Shuja. Perspectives on US and Japanese strategy in Korea: interests, ambitions and objectives // Korea Observer. – 1996. – Vol. XXVII. – № 2. – P. 207–208.

⁵ См.: National Security : President Bush. White House, Washington (2002, September 17).

⁶ Пресс-конференция по итогам российско-корейских переговоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://194.226.80.159/events/172html>.

⁷ Путин, В. В. Выступление в Национальном собрании Республики Корея [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://194.226.80.159/events/172html>.

⁸ См.: Лукин, А. Россия и две Кореи – проблемы и перспективы / А. Лукин // Мир. экономика и междунар. отношения. – 2002. – № 6. – С. 64–70.

⁹ См.: Ткаченко, В. Основные элементы российской политики в Корею / В. Ткаченко // Внешняя политика России в Северо-Восточной Азии : перспектива развития российско-корейских отношений. – Сеул, 2002. – С. 9.

Проблемы высшего образования КНР в свете реформ конца XX – начала XXI века

У Китая пятитысячелетняя древняя история и издревле существующая традиция уважения к учителям и почитания образования, т. к. постижение наук было по карману немногим, а сдать государственные экзамены, состоящие из трех этапов, и поступить на государственную службу могли лишь действительно одаренные. «Подсказки» во время экзаменов здесь карались смертной казнью. Десять лучших, прошедших все три этапа, получали право быть представлены лично императору, но лишь только один из них поступал в Академию наук. В древнем и средневековом Китае глубокие знания действительно обеспечивали достойный уровень жизни и высокое положение в обществе даже выходцам из беднейших слоев, сумевшим получить хорошее образование благодаря финансовой помощи общины, богатых соседей или правителей уездов. Со временем тяга к знаниям стала национальной чертой китайского народа. Просвещение в древнем Китае сыграло не только важнейшую роль в передаче следующим поколениям китайской цивилизации и в ее развитии, но и внесло колоссальный вклад в развитие мировой цивилизации. Компас и сейсмограф, порох и реактивное движение, шелк и бумага – вот список китайских «кирпичей» в знании современной цивилизации¹.

Китайское образование в новое время берет свое начало в период радикальных социальных подвижек столетие назад. Однако полуколониальное, полупфеодальное состояние тогдашнего общества в Китае приводило к общему замедлению развития китайского образования в новое время, к его отставанию от хода развития образования в мире.

После образования Китайской Народной Республики китайское правительство уделило серьезное внимание делу развития просвещения, создало новое образование, заметно повысило культурно-просветительский уровень народа. Гарантируя фундаментальное право народа на получение образования, страна быстро оздоровляла учебную систему, развивала образование разных ступеней.

Для удовлетворения потребности социально-экономического развития и необходимости идти в ногу со стремительным научно-техническим прогрессом в мире в Китае была выдвинута и осуществлена стратегия «процветание страны на основе развития науки и техники». В процессе модернизации образование заняло стратегическое положение и началось его приоритетное развитие в связи с преодолением культурного и технологического отставания от передовых держав. В соответствии с направляющим курсом постоянно шло вперед реформирование и развитие образования, прилагались усилия для всестороннего развития высококачественного образования, воспитания нового поколения, обладающего творческим духом и практическими способностями².

Для преодоления отставания Китая от западных стран в сфере образования в 1998 г. был принят новый Закон о высшем образовании, который регламентирует такие вопросы, как руководство и подчинение университетов, администрирование, финансирование и создание новых университетов.

В соответствии с законом общее руководство сферой высшего образования осуществляется Госсоветом через подчиненные ему ведомства (в настоящее время 70 из 2200 вузов находятся в компетенции министерства образования КНР, остальные являются ведомственными). Разрешение на создание или изме-

нение статуса вузов осуществляется административными органами Госсовета, провинций, автономных районов, городов центрального подчинения либо другими организациями по их поручению. Характерным является и то, что на деле происходит значительное перераспределение прав от Центра в пользу административных органов провинциального уровня и самих вузов. Одновременно указывается, что наряду с существованием вузов общенационального и провинциального подчинения государство «поощряет в рамках закона их создание и финансирование профессиональными, предпринимательскими организациями, общественными коллективами, другими общественными организациями и гражданами».

В целом, новый закон значительно расширяет возможности участия негосударственных структур в деле развития высшего образования. При этом, несмотря на сохраняющиеся у государства традиционные идеологические, политические и административные рычаги контроля над образовательной сферой, он позволяет в определенной степени ослабить его в учебных заведениях, создаваемых другими общественными структурами.

Закон предусматривает три разновидности высшего образования: курсы со специальными учебными программами (срок обучения 2–3 года), бакалавриат (4–5 лет) и магистратура (дополнительно 2–3 года). Устанавливаются три учебных степени: бакалавр, магистр и доктор наук³.

Закрепляется платная система обучения. Исключение делается лишь для студентов из нуждающихся семей (льготная оплата или бесплатное обучение). Лучшие студенты могут претендовать на стипендии и разовые материальные поощрения.

Проблемы реформирования высшего образования в КНР связаны с данными вопросами, освещенными в законе.

Закон легализует учреждение частных вузов, таким образом возрождается традиция частного образования в Китае, что связано с процессами реформирования высшей школы, а также с необходимостью увеличения количества квалифицированных специалистов, имеющих высшее образование, для мелких и средних предприятий, что сопряжено всегда с большими материальными затратами, которые государство пытается разделить, создавая частного сектора в образовании и введения платы за обучение.

Китай имеет давнюю историю частного образования. Первые заведения частного высшего образования – Шуюаны (академии) – возникли 1300 лет назад. В первой половине XX в. частный сектор являлся важным компонентом в системе высшего образования. К 1949 г. 93 университета из 223, над которыми коммунисты взяли контроль, были частными вузами. Вследствие национализации в начале 1950-х, все частные вузы были закрыты или объединены с государственными. В период с 1952 по 1982 год частное высшее образование полностью исчезло. Частное высшее образование вновь возникло в Китае в 1982 г., как следствие политической реформы бывшего лидера Дэн Сяопина. Развитие частного высшего образования в этот период можно разделить на три фазы:

1982–1986 гг.: Рост частного высшего образования. В измененной конституции 1982 г. говорилось: «Государство поощряет коллективные экономические организации, государственные и прочие предприятия учреждать высшие учебные заведения различных типов в соответствии с законом» (статья 19). Это предполагало легальную основу функционирования частных вузов. Та же политика была определена в документе «Решение относительно Реформы Образовательной Системы», выпущенном Центральным Комитетом Китайской Коммунистической Партии в 1985 г.

1987–1992 гг.: Регулирование частного высшего образования. Быстрое развитие вызвало некоторые проблемы, такие как низкий уровень управления и злоупотребления служебным положением. В результате, в 1987 г. было провозглашено Временное Постановление о функционировании высших учебных заведений, в соответствии с которым социальные силы должны были решить эти проблемы. Местное постановление регулировало открытие и функционирование частных вузов.

1992 – по настоящее время: Новое развитие частного высшего образования. В 1992 г. «южный тур с инспекцией» Дэн Сяопина и введение рыночной экономики положили основу учреждения большого числа частных вузов. В 1993 г. Программа Образовательной Реформы и развития Китая впервые устанавливала политику, направленную на развитие частного образования как «сильной и активной поддержки, надлежащих руководящих принципов и умелого руководства». Эта идея повторилась в Постановлении о функционировании высших учебных заведений 1997 г., и была подтверждена Законом о Содействии частного высшего образования 2002 г.

В начале столетия функционировало более тысячи частных вузов. В 2002 г. 1 миллион 403 тысячи 500 студентов было зачислено в частные вузы, что составило 9,60 % от общего числа зачислений в 14 миллионов 625 тысяч 200 студентов (МОЕ, 2003)².

В соответствии с Законом о Содействии частного высшего образования, частные аккредитованные вузы должны быть одобрены образовательными ведомствами на государственном уровне. Профессионально-технические учебные заведения должны быть одобрены департаментами труда и социального обеспечения на государственном уровне. Подготовительный период подачи документов на официальное учреждение частного колледжа длится до трех лет. Документы, которые необходимо представить, включают в себя: финансовый сертификат, устав вуза, дипломы преподавателей и руководителей.

Некоторые слабые государственные вузы были трансформированы в частные учебные заведения при поддержке государства. Один из путей выживания для таких вузов с недостаточным финансированием и низким уровнем управления – это трансформироваться в частные, которые обладают новыми механизмами и средствами из негосударственных источников. С 1999 г. в государственных вузах были созданы дочерние колледжи, что позволяет согласовывать увеличивающийся прием студентов. Эти дочерние колледжи считаются независимыми органами, хотя и находятся под руководством вышестоящих вузов.

Студенты в частных вузах обладают тем же правовым статусом, что и в государственных вузах, в действительности это не совсем так. Студентов можно поделить на две группы: 1. Студенты, получившие на вступительных экзаменах в государственный колледж количество баллов ниже проходного. 2. Работающие студенты. Обычно это люди более старшего, чем традиционно для студентов, возраста. Таким образом, студенты в частных вузах различаются не только по возрасту, но и степени подготовленности. В частных вузах существуют специальные программы. Благодаря курсам частных вузов, студенты могут сдать государственные и местные экзамены (около 70 % общего числа курсов), а также университетские экзамены (30 % всех курсов), таким образом, имея возможность получить сертификат или диплом.

Для востребованности будущих выпускников большинство частных колледжей концентрируются на программах, которые отвечают требованиям рынка:

бизнес-администрирование, маркетинг, финансы, иностранные языки, вычислительная техника, экономика и пр. Некоторые частные вузы специализируются на профессионально-технических программах, по которым готовят инженеров для местных предприятий. В сравнении с государственными вузами, программы в частных вузах более гибкие и приспособлены к изменениям на рынке труда.

Доход таких вузов зависит от платы за обучение. Однако в погоне за количеством студентов, а, значит, и за финансами, которые эти студенты приносят, а также из-за различной степени подготовленности студентов, поступающих в частные вузы, и недостатка факультетов, большинство частных вузов не могут гарантировать высокий уровень обучения.

Несмотря на бурное развитие частного сектора в Китае, частные вузы сталкиваются со сложными задачами и проблемами. Некоторые финансовые проблемы ограничивают нормальное развитие частного высшего образования: большинство частных вузов обладают ограниченными финансовыми средствами (в основном это плата за обучение, вносимая студентами, кроме тех, которые щедро спонсируются некоторыми предприятиями); в частных вузах не существует программ финансовой помощи студентам, государственные программы финансовой помощи не распространяются на студентов частных университетов, таким образом, вопрос в том, как финансово помочь студентам продолжить образование, все еще является «больным» вопросом частного сектора; многие вузы ориентированы на привлечение большего числа студентов для увеличения прибыли, а не на улучшение качества образования, поэтому многие частные вузы называют «фабриками по выдаче дипломов», злоупотребление служебным положением в таких учреждениях приводит к плохой репутации всего частного сектора.

По закону выбранный президент вуза должен им управлять, но фактически он не имеет на это права. В действительности частные вузы управляются и контролируются учредителями, которые не обладают ни опытом в управлении вузами, ни должной компетенцией. Существование такого феномена показывает не состоятельность учреждения. Кроме того, несмотря на то, что количество частных вузов с каждым годом растет, только немногие получают государственную аккредитацию. Например, Ш. Юань приводит такую статистику – только в Пекине и Шанхае на 2002 г. насчитывалось 91 и 177 частных вузов соответственно³, в то время как только 37 вузов по всей стране на тот период имели государственную аккредитацию и только 4 из них вели подготовку, связанную с получением первой степени (бакалавриат).

«Закон об образовании Китайской Народной Республики» устанавливает: «В Китае осуществляется система финансирования образования, в основе которой – правительственные финансовые ассигнования, а вспомогательными являются средства, изыскиваемые по многим другим каналам»⁴. Одновременно центральное правительство и местные правительства практикуют ступенчатое управление и ступенчатую ответственность. Это означает, что основным источником расходов на образование в государственных учебных заведениях различных ступеней и категорий являются финансовые ассигнования правительства. Центральные финансы ответственны только за финансирование высшего образования, находящегося в ведении Центра, а также за специальные ассигнования на образование всекитайского характера. Местные финансы ответственны за финансирование высшего образования, находящегося в ведении мест. Другие каналы изыскания средств на образование – это налоги (расходы), взимаемые по закону правительствами различных ступеней на образование, плата за обучение

студентами на этапе необязательного образования, развитие производств при учебных заведениях, коллективные средства и пожертвования в порядке поддержки образования, создание фондов образования. Помимо ссылок на государственные и другие местные источники финансирования, закон позволяет получение средств от иностранных контрагентов, как на регулярной, так и на разовой основе (на практике в Китае широко допускается получение спонсорской помощи от зарубежных соотечественников и западных доноров; в стране существует несколько готовящих магистров бизнес-школ с иностранным финансированием и преподаванием). Таким образом закон закрепляет платную систему обучения. Указывается, что стоимость обучения, финансирование учебного процесса и источники поступления средств устанавливаются административными органами Госсовета и провинций в зависимости от себестоимости обучения в каждом отдельном вузе. Подчеркивается, что целью создания вуза должно быть служение государственным и общественным интересам, а не извлечение прибыли.

В то же время, как было отмечено выше, в КНР существует сегодня практика ведения вузами коммерческой деятельности (сдача помещений в аренду, издательские и типографские услуги и т. д.). Вузами был создан ряд предприятий по освоению высоких технологий с целью содействия развитию НИОКР. В результате этого сформировался ряд известных конкурентоспособных прибыльных компаний. В 1997 г. доходы предприятий при китайских вузах составили 20,55 млрд юаней с налогом на прибыль – 2,73 млрд юаней. К концу 1999 г. валовая продукция данных предприятий достигла 100 млрд юаней.

Данная политика в области финансирования вызвана тем, что в связи с переходом от элитного высшего образования в КНР к массовому, возникает проблема изыскания финансовых средств для подготовки все большего количества квалифицированных специалистов для бурно развивающейся экономики страны, обладающей колоссальными людскими ресурсами. Правительство КНР рассматривает дело просвещения как фундаментальную, приоритетную и связанную с общей ситуацией в стране отрасль в развитии народного хозяйства и общества, и устанавливает, что «доля финансовой поддержки образования во внутреннем национальном продукте должна постепенно увеличиваться по мере развития народного хозяйства и роста финансовых поступлений», «доля расходов на образование в общем объеме финансовых расходов различных ступеней должна постепенно повышаться по мере развития народного хозяйства», «рост ассигнований на образование народных правительств различных ступеней должен обгонять рост регулярных финансовых поступлений». В 1999 г. общая сумма финансовых ассигнований на образование в Китае составила: 349040 млн юаней, в том числе финансовые расходы государства – 228718 млн юаней, что равняется 2,79 % внутреннего валового продукта. Цель китайского правительства в финансировании образования заключается в том, чтобы в сравнительно короткие сроки долю государственных финансовых расходов на образование довести до уровня 4% внутреннего валового продукта⁵. Несмотря на это, ощущается явная нехватка финансовых средств, т. к. прием в вузы Китая с каждым годом увеличивается и уже перевалил за 15 %, в связи с чем государству приходится искать различные пути финансирования: вводить плату за обучение, разрешать вузам принимать спонсорскую помощь и заниматься коммерческой деятельностью, легализовывать учреждение частных вузов, финансированием которых занимаются частные организации или лица. Таким образом государство снижает долю центрального финансирования. Если в 1998 г. государственное финансирование составляло

65 %, то к 2003 г. оно сократилось до 48 %, в свою очередь финансирование из других источников с 1998 г. по 2003 г. увеличилось с 35 % до 52 %, а доля платы за обучение возросла с 13 % до 29 %⁶.

Чтобы обеспечить продолжение учебы тем студентам, семьи которых находятся в трудном экономическом положении, китайское правительство предприняло целый ряд мер, главные из которых следующие: система поощрительных стипендий, система предоставления возможности подработки одновременно с учебой, система вспомоществования в особо трудных ситуациях, система сокращения или освобождения от платы за обучение, система государственного субсидирования в помощь учащимся. Реализация этих систем эффективно гарантирует успешное завершение учебы студентам, чьи семьи находятся в трудном материальном положении.

Проблема финансирования вузов и платной системы в высшем образовании тесно связана еще с одной проблемой – проблемой поступления в вуз, а значит, проблемой единого государственного экзамена, который, в свою очередь, приравнен к вступительному экзамену.

В Китае многие хотят получить высшее образование, но не имеют такой возможности. Из 20 миллионов выпускников, оканчивающих школу каждый год, только 2 миллиона поступают в вузы. Конкурс – в среднем 10 человек на место, а в престижные учебные заведения может доходить и до 30.

В первой половине 1990-х гг. вступительные экзамены в вузы включали 6–7 дисциплин, базировавшиеся на единой программе. Хотя лет десять ранее Министерство образования КНР неофициально предоставило учителям право выбирать любую из двух разработанных учебных программ – обычную или повышенной сложности, школы этим правом не могли воспользоваться, ибо одновременно престижным вузам разрешили спрашивать абитуриентов по разделам из усложненных программ.

По мере укрепления автономии учебных заведений и усиления децентрализации в Китае оформилась трехуровневая система учебных планов и программ: общегосударственные (около 60–70 % материалов по обязательным дисциплинам), провинциальные (дополняющие общие сведения предметами, отвечающими специфике местного производства и культуры) и школьные. Эта вариативность учебников, программ и школ (при соблюдении единых стандартов) потребовала реформирования системы вступительных экзаменов и установления их более тесной связи с выпускными испытаниями в школе. По задумке реформаторов, перемены лучше удовлетворят интересы и склонности учащихся, а также дадут возможность выпускникам, проявившим выдающиеся способности, поступать в вузы без экзаменов.

Пока 18 провинций КНР из 29 ввели новую экзаменационную систему, согласно которой желающий поступить в вуз должен сдавать всего три (вместо шести в прошлом) обязательных вступительных экзамена – китайский, один из иностранных языков и математику. А четвертый экзамен абитуриент выбирает по своему желанию из нескольких дисциплин – химия, физика, история, география – в зависимости от профиля вуза. Помимо этого с 1999 г. все направляемые на учебу в регулярные вузы абитуриенты должны пройти организуемые министерством «испытания комплексных практических навыков», результаты которых служат дополнительным основанием для зачисления в вуз.

С начала XXI в. систему вузовских экзаменов продолжают реформировать. Цель – увеличить шансы выпускников школ на поступление. Помимо общегосу-

дарственных экзаменов, проходящих в июле, весной в крупных городах организуют испытания для абитуриентов, окончивших школы в прошлые годы. Однако весенний набор ведут только вузы второй и третьей категории или филиалы вузов. Объявив массовизацию высшей школы, Министерство образования КНР в 2001 г. изменило правила приема в вузы, сняв возрастные ограничения, разрешив поступление лицам, находящимся в браке, а также предоставив право выпускникам средних профессиональных учебных заведений поступать в любые, а не только в краткосрочные вузы.

Заполнить заявление на поступление в вуз – это целое искусство, т. к. следует перечислить свои пожелания в порядке приоритетности: назвать не только вузы трех категорий (наиболее престижные, обычные и краткосрочные), но еще и три учебных заведения внутри каждой из категорий (всего 9 адресов). Одновременно надо написать заявление о согласии подчиниться окончательному решению-распределению провинциальной Группы по набору студентов – верховного административно-организационного органа проведения ЕГЭ. Дело в том, что и с высшими баллами можно попасть не туда, куда намеревались.

Например, Пекинский университет отбирает в студенты абитуриентов, получивших не менее 650–680 баллов из 700. Но зачастую таковых оказывается больше, чем университет может принять, и абитуриент рискует не попасть в число избранных. Если не было дано согласие подчиниться решению Группы по набору студентов, можно попытаться счастье в следующем году или выбрать менее престижное учебное заведение, но ближе к дому или к центру страны. Если же было заранее дано согласие подчиниться распределению, то абитуриента могут направить в престижный вуз, но другой провинции. Подобное столкновение интересов абитуриентов и реалий жизни получило в Китае название «дорожное происшествие».

В 2002 г. в Китае проводился еще один новый эксперимент – Пекину было предоставлено право составлять собственные экзаменационные билеты (раньше они были одинаковы по всей стране).

Конечно, в условиях огромной по масштабам и низкой по мобильности населения страны, где 70 процентов школ – сельские, в которых качество обучения значительно уступает получаемому в городе, ЕГЭ способствует повышению академической мобильности. Однако при данной системе абитуриенты зачастую поступают не в те вузы, где предпочли бы учиться. Шансы поступить в престижный центральный вуз у абитуриентов, обучавшихся в простых провинциальных школах, хуже оборудованных и у менее квалифицированных преподавателей, намного ниже, чем у «столичных» школьников, причем вузам, особенно частным, зачастую выгодно принимать на обучение только местных студентов, для этого не нужны дополнительные средства для расширения общежитий – традиционно все китайские студенты живут на территории вуза в общежитиях.

Также из-за роста популярности высшего образования по стране, а, значит, и роста количества абитуриентов, вузы не могут принять всех желающих в них обучаться, в связи с чем, малообеспеченные студенты «выпадают» из системы обучения, другие же абитуриенты ищут альтернативные пути получения высшего образования – выбирают западные университеты, получают образование за рубежом, что приводит к новой проблеме – проблеме оттока талантливой молодежи.

Международные обмены и сотрудничество Китая в области образования захватили в свое русло многостороннюю деятельность, включая обмен студентами на учебу, совместные исследования, совместное обучение. Китай в настоя-

щее время посылает на учебу за границу студентов больше всех стран мира. Принятый в 1998 г. закон о высшем образовании закрепляет права и обязанности профессорско-преподавательского состава и учащихся вузов КНР, создает дополнительные возможности для поощряемого со стороны государства роста у китайской молодежи тяги к получению высшего образования. По всей видимости, он сможет повысить статус китайской высшей школы и таким образом сбалансировать модную сегодня в КНР тенденцию к получению высшего образования за границей. В последние несколько лет около 300 тысяч студентов выехало на обучение в 103 страны, из них только 110 тысяч человек, окончив учебу, вернулись в КНР, что во многом связано с проблемой трудоустройства на родине.

Хотя на рынке труда потенциальный спрос на дипломированных выпускников велик, существуют сомнения: сможет ли он поглотить такое предложение. Проблема становится серьезнее, если проанализировать распределение специалистов по некоторым областям. Вузы, особенно государственные, стремятся увеличить прием студентов на менее дорогостоящие программы, что приводит к переизбытку специалистов в одних областях и дефициту в других. Сегодня Китай нуждается в большом количестве специалистов в области компьютерных технологий, информатики, космических технологий, приборо- и машиностроении, но число специалистов в этих сферах не растет так стремительно, возможно, из-за дороговизны подготовки специалистов по данным направлениям, а также из-за качества подготовки, поэтому многие студенты получают образование по данным специальностям за рубежом, в том числе и в России.

Отсутствие опыта и умения анализировать спрос и предложение на рынке труда привело к тому, что заметное количество выпускников остаются без работы. По оценкам, в 2001 г. 80 % дипломированных выпускников трудоустроивались в течение трех месяцев. Среди сотен университетов и колледжей в Китае только в четырех уровень трудоустройства по отношению к выпуску составил 95 %. Все четыре – это учебные заведения инженерного профиля⁸.

Цель проводимых реформ высшего образования – становление такой системы, которая отвечала бы требованиям нового века (всеобщей глобализации) и позволила бы вписаться в новый социально-экономический контекст развития. Для этого был выработан всесторонний план реформирования и развития образования в Китае на перекрестке веков, в основу которого заложено стимулирование качественных параметров образования⁹.

Ради реализации цели углубляется реформирование по следующим направлениям: расширение масштабов высшего образования, переход от элитарного высшего образования к массовому. Создание такой системы образования, в которой разные типы образования взаимосвязаны и контактируют друг с другом. Расширение прав провинциальных правительств на развитие и управление делом образования в своих регионах и динамики единого планирования. Формирование новой системы с двухуровневым управлением – центрального правительства и местного правительства уровня провинции, причем управление местного правительства доминирует. Расширение самостоятельности высших учебных заведений в организации обучения. Активное наращивание и поддержка общественных сил для налаживания многообразных форм учебы. Удовлетворение постоянно растущих запросов народных масс в образовании. Формирование ситуации, когда правительство является главным субъектом в организации образования, но в совместном его развитии принимают участие государственные и негосударственные учебные заведения. Реформирование приемных экзаменов и системы

оценок, постепенное создание многовариантной, более научной и справедливой системы отбора абитуриентов в высшие учебные заведения. Перестройка и реформирование системы, структуры и содержания учебных дисциплин, создание новой системы учебных программ базового образования, использование в экспериментальном порядке государственных и местных учебных программ и программ учебных заведений. Настойчивое преодоление ситуации, когда образование оторвано от экономики, науки и техники, содействие тесному смыканию образования с экономикой, наукой и техникой. Высшее образование должно усиливать смычку производства, учебы и научных исследований, непрерывно повышать уровень обучения, вносить вклад в создание государственной системы инноваций и модернизацию страны.

В процессе реформирования данных направлений появлялись и следующие проблемы: в связи с повышающимся интересом и переходом от элитарного к массовому высшему образованию, возникли проблемы качества образования, финансирования образования, проблемы, связанные с ЕГЭ и поступлением абитуриентов в вузы, проблемы трудоустройства выпускников; в свою очередь легализация и организация частных вузов, привела к проблемам, связанным также с качеством образования, финансированием, контролем и управлением данных вузов. Проблема качества образования зачастую связана с другой проблемой – оттока талантливой молодежи, которая стремится получить более качественное образование за рубежом, а затем там же найти высокооплачиваемую работу.

Все эти проблемы находятся в поле зрения как Министерства образования, так и правительств на провинциальном уровне.

Примечания

¹ См.: Дьячков, С. Китайская грамота, или Пять телег мудрости / С. Дьячков // Алма Матер. – 2001. – № 1. – С. 42.

² См.: Образование в КНР // Жэньминь Жибао [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russian.people.com.cn/2332523.html>.

³ См.: Юань, Ш. Частное высшее образование в Китае : эволюция, особенности и проблемы / Ш. Юань // Университет. управление за рубежом. – 2004. – № 3 (31). – С. 77–80.

⁴ Высшее образование в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.febras.ru/partners/science1.html>.

⁵ См.: Боровская, Н. Е. Передряги «дорожного происшествия»... или механизм ЕГЭ в Китае [Электронный ресурс] / Н. Е. Боровская. – Режим доступа : <http://edu.rin.ru/cgi-bin/article.pl?ids=4&id=1312&page=3&lb=1>.

⁶ См.: Wang, Wei-zheng. Research on the Issues of College Development in Debt and Loan Repayment // Heilongjiang Gaojiao yanjiu. – 2007. – № 11. – Р. 60.

⁷ Боровская, Н. Е. Передряги...

⁸ См.: Мин, Вэйфанг. Современные тенденции развития высшего образования в Китае // Алма Матер. – 2001. – № 1. – С. 39.

⁹ См.: Постиглен, Д. Экспансия, консолидация и глобализация в Китае / Д. Постиглен // Алма Матер. – 2002. – № 1. – С. 31–32.

Рукописные творения мыслителей

Наверное, правы те ученые-ориенталисты, которые твердо уверены в том, что научное востоковедение родилось как филология, и притом филология в своем исконном, исторически сложившемся смысле: как наука о письменных памятниках.

«Понять письменный памятник, писал известный востоковед Н. И. Конрад, – значит прежде всего понять его письмо и язык, того времени, к которому относится памятник, или то письмо и тот язык, на котором тогда писали. Поэтому востоковед-филолог по необходимости должен не просто знать данный восточный язык и его письмо, но и знать их исторически. Понять письменный памятник значит, далее, понять его литературную природу, поскольку всякий письменный памятник, какими бы ни были его содержание и форма, есть литературное произведение»¹.

Рукописная книга является тем элементом жизни человеческого общества, в котором особенно очевиден характер самой культуры как совокупности результатов материальной и духовной деятельности человека. С созданием рукописной книги на Востоке связаны многие десятки языков и письменности.

Не случайно немецкий философ Артур Шопенгауэр (1788–1860) любил повторять: «Нет лучшего средства для освежения ума, как чтение древних классиков; стоит взять какого-нибудь из них в руки, хотя на полчаса, сейчас же чувствуешь себя освеженным, облегченным и очищенным, поднятым и укрепленным, как будто бы освежился купаньем в чистом источнике»².

Изучение восточной рукописной книги позволяет сегодня ученым востоковедам воссоздать картину исторического прошлого народов Востока, показать их огромный вклад в сокровищницу мировой цивилизации. Именно рукописные книги содержат тот материал, который позволит со временем создать энциклопедию культуры народов Востока, столь важную для правильной оценки путей и результатов культурного развития человечества.

Со всех концов мира съезжаются в Ташкент пытливые исследователи-ориенталисты, чтобы в фонде Восточных рукописей Института Востоковедения Академии Наук Республики Узбекистан ознакомиться с замечательными творениями мыслителей прошлого, написанных ими на узбекском, таджикском, урду, пушту, азербайджанском, турецком, уйгурском и других языках народов Востока. Эти нетленные произведения посвящены истории, литературе, философии, химии, математике, астрономии, праву, искусству. Они и сегодня имеют непреходящую ценность для изучения политических, экономических, дипломатических и культурных связей стран арабо-мусульманского мира.

Одной из самых древних рукописных книг в Республике считается Коран IX в., выполненный куфинской письменностью, начертание букв которой разительно отличается от современного арабского языка.

Уникальными считают исследователи рукопись по истории химии известного на востоке в IX–X вв. ученого Абу Бакра ар-Рази «Книга тайн»; творение ученого Ибн Саллама «Гариб-ал-хадис (Редкие изречения в хадисах)», датированное IX столетием; сохранившаяся в единственном экземпляре рукопись ученого и литератора XI в. Юсуфа Ходжиба «Знание, приносящее счастье».

Сохранить, перевести на современный узбекский и русский языки древние рукописи, восстановить некоторые из них, заново открыть и опубликовать для нынешних поколений – таковы основные задачи, которые были поставлены перед Институтом Востоковедения АН Республики Узбекистан, созданным в 1943 г.. За этот период сделано, конечно, немало.

Несомненно, фонд восточных рукописей является единственным в мире труд по всеобщей истории «Собрание летописей», принадлежащий перу Рашид-ад-дина ибн Имад-ад-давла. Известный востоковед, долгие годы работавший в Туркестане, академик В. В. Бартольд писал об этом раритете: «В средние века такого произведения не было ни у одного народа ни в Азии, ни в Европе». В фонде есть переписанная прекрасным каллиграфическим почерком «Хамса великого Алишера Навои, появившаяся на свете ещё при его жизни. Имеются рукописи Фирдоуси и Низами, Саади и Амира Хосрова Дехлави. Кроме «Канона врачебной науки» и «Вопросов-ответов» Абу Али ибн Сино, до нас дошли свидетельства его незаурядного литературного дарования – отрывки стихов и единственный в мире экземпляр произведения «Саламан и Ибсал»³.

Следует сказать, что фонд восточных рукописей насчитывает свыше 18 тысяч книг. Он частично состоит из падишахской библиотеки Хусаина Байкары, часть книг получено путем обмена с другими фондами, которые рукописи нашли в старых мазарах, в стенах домов, куда они были запрятаны в период гонений на религию. В запасниках фонда хранится значительный по объему фолиант (XVII-XIII) – труды потомственных лекарей. А называется это творение «Медицинская книга коренных узбеков».

Интерес исследователей вызывает книга «Астрономические таблицы» ученого-правителя Мирзо Улугбека. Всматриваясь в страницы, не находишь привычных нам цифр, градусов, минут. Это потому, что они написаны арабской вязью. Значительно позже письменность была преобразована в математические знаки. Среди приобретений фонда – единственный в мире список сочинения Абу Бакр Каландара – «Каландарнамэ» или «Абдулхайрханская история» Масуда ибн Усмана Кухистани. Специалисты относят к числу раритетных произведений, написанные рукой Абдаррахмана Джамии: это дивани и «Семь звёзд Большой медведицы».

После кропотливого изучения и восстановления к переводу на узбекский и русский языки подготовлены и изданы светоч, медицинского знания «Канон врачебной науки» Авиценны в шести томах, «Бабурнаме» Захириддина Мухаммада Бабура, «Хумаюннаме» Гулбаданбегим, «Путевые заметки Абдураззака Самарканди о его поездке в Индию», «Историю Бухары», «Историю мангитских государей» и др.

Немало творческих удач на счету Узбекистана, республиканского музея литературы, других центров по изучению рукописного наследия народов Мавереннахра, созданных не только на тюрки и фарси, но и на языках древнехорезмийском, уйгурском, согдийском, парфянском.

Таким образом, в условиях независимого развития узбекского отчества появилась возможность написать объективную историю культурной жизни народов Узбекистана, а стало быть, и всех современных народов Центральной Азии. Дело в том, что, взглядываясь в глубь столетий, мы убеждаемся в непреложной истине: мы – наследники одной из древнейших цивилизаций, сформировавшейся между двумя великими реками – Амударьёй и Сырдарьёй.

«А становлению Мавереннахрской цивилизации способствовало само геополитическое положение региона, – считает доктор филологических наук, профессор Ф. К. Сулейманова – Здесь проходили главные магистрали Великого Шел-

кового пути. Центральная Азия в течение многих веков выполнила роль экономического и культурного посредника между всеми частями света»⁴.

О древних связях Востока и Запада свидетельствуют не только рукописные книги, но и устные предания, раскопки археологов. Централы азиатский регион бесконечно богат разнообразными памятниками: «теле».

Хранящие в своих толщах остатки больших городов и малых селений; започки курганов, могильников кочевых племен; предметы музейных собраний - керамика чеканный металл, настенные росписи и панно, найденных, например, в древних городищах Южного Узбекистана (где следы эллинизма особенно заметны в скульптурных находках).

Богатое культурное и духовное наследие нашей страны связано также с искусством каллиграфов, мастеров рукописного дела. Они сумели запечатлеть и увековечить шедевры поэзии и литературы, достижения научной мысли, исторические и географические изыскания, трактаты на философские и морально-этические темы. Действительно, во все времена у народов Центральной Азии книга считалась особо почитаемой ценностью, обеспечивая духовную преемственность поколений.

Несомненно, рукописная книга – синтез творчества ряда мастеров:

- хаттата (каллиграфа);
- наккаша (орнаменталиста);
- музаххиба (позолотчика);
- рассома (художника);
- саххаба (переплетчика).

В художественном оформлении распространенным элементом был своеобразный титул – унвон, т. е. вводное украшение в начале книги, который выполнялся в форме купола – овального, полукруглого или прямоугольного. В богато оформленных книгах, выполнявшихся по особым заказам, первую страницу украшали миниатюрой, цветными рамками и орнаментом. В общественных и частных библиотеках Самарканда, Бухары Герата, Табриза XIV–XV вв. Хранилось немало изящно оформленных и иллюстрированных списков, переписанных в XIII–XIV столетиях.

Передвигаясь по рядам фонда восточных рукописей Института Востоковедения АН Республики Узбекистана, мы видим, что иные рукописи помещаются на ладони, а некоторые масштабно велики и их с трудом поднимает человек. К примеру, Коран XII–XIII вв. имеет тридцатикилограммовый вес. В нем буквы большие, аккуратно выведенные.

Восхищает терпение и талант мастеров, подготовивших к выходу в свет рукописи, в которую вошли лучшие произведения Алишера Навои. Этот уникальный труд выполнен в связи с заданием поэтессы: Нодиры – жены кокандского хана Амира Умархана. Впечатляет размер книги (60x25 сантиметров) и её внутренне оформление. Стихи великого поэта вписаны в центре круга, символа солнца. Помимо свежести красок не потускнела и лучезарность изображения, потому что на страницах книги присутствует натуральное золото.

Главным атрибутом художественной рукописи являлся почерк. Для текста, в зависимости от его содержания и назначения, выбирается насталик, являвшийся основным почерком в эпоху Темуридов, а для титулов, унванов и мелких заголовков – другие разновидности почерков. Размещение текста также было важным фактором художественного оформления. Особенностью книжной графики в эпоху Темуридов стало оформление полей художественной рукописи. Они покрывались

золотым или серебряным крапом, украшались геометрическим, растительным или другим орнаментом. Поля некоторых рукописей оформлялись сюжетными миниатюрами, даже отдельными портретами.

Характеризуя роль в жизни мусульман Мавераннахра и последующих поколений рукописных книг, конечно же, нельзя не упомянуть их значение в изучении теорий и истории суфизма – одного из богатейших и неотъемлемых компонентов культурного наследия народов Востока. Известны имена таких крупных основателей суфийских школ в Средней Азии, как Наджмаддин Кубро, Ахмад Яссави, Бахауддин Накшбанди, Гиждувани и другие⁵.

Биографическое сведение о Бахауддине Накшбанди имеются в множестве рукописей, хранящихся в фонде ИВ АН Республики Узбекистан, таких, как Айн ал Хайат (составитель Али бен Хусейн ал-Ваиз ал-Кашиорий, известный под именем ас-Сафи)⁶, «Хазинатул асфия» (автор Мутфий Гулям Мухаммад бен Муфтий Рахматулла Лахутий), «Анис ал-Абизин ва уддат-ус саликин фи манакиб ал-Хожа Бахауиддин» (автор Салах Муборак ал-Бухди ученик известного шейха ал-уд-Динна Аатгара).

Орден Накшбандия XVI в. играл значительную социально политическую роль и в Индии. В книгохранилище ИВАН Республики Узбекистан имеется множество рукописей индийского происхождения, содержащих сведения взаимоотношениях ордена Накшбандийа с другими братствами суфиев Средней Азии и Индии, а также материалы по теоретическим вопросам различного течения Суфизма, роли духовных деятелей в общественно политической жизни страны, их биографиях и другие⁷.

Интерес представляют сочинения Мухаммада Кази ибн Бурхан ад-Дина ибн хожа Мухаммад Ризы (умер в 921/1515г) «Мухаммад и Хожа Убайдуллах Ахрар», «Силсилат ал-арифин ва тазкират ас-садикин», «Преемственная цен познавших истину и жизнеописания искренних её друзей»⁸.

Известным и широко распространенным сочинением, посвященным жизни и деятельности Хожа Ахрара является «Рашахат айн ал Хайат» (Капли, брызгающиеся из источника жизни)⁹, Али ибн Хусейна ал-Ваиза ал Кашифи, известного псевдонимом ас-Сафи (род. 21 джумад-ул-аввал 867/11 февраля 1463 – умер в 939/1532–33).

Исследователи хорошо знают и произведение о жизни и делах известного софия Лутфуллаха Чусты, которое называется «Сирож ассоликин ва Латаиф ал-арифин», «Светоч, шествующий по пути к Истине в тонких выражениях познавший её»¹⁰.

Изучения этого сочинения показало, что этот труд написал Убайдуллахом Саммарканди. В свое время о нём упомянул В. В. Бартольд в своем отчете в командировке в Туркестан в 1920 г.¹¹.

Подытоживая небольшой экскурс в историю некоторых рукописных творений наших предков, мы можем говорить о том, что древние рукописи – это тот главный и почти единственный документ, который оставила после себя давно отошедшая историческая эпоха. Для ученого рукопись была и остается живым памятником истории.

Прав был академик И. Ю. Крачковский, когда писал: «Работа над рукописями несет свои радости и свои горести, как всё в жизни. Рукописи ревнивы: они хотят владеть вниманием человека целиком и только тогда показывают свои тайны открывают душу и свою, и тех людей, что были с ними связаны»¹².

Уверен, что наши духовные и культурные ценности будут востребованы, защитят души людей, не сделают их черствыми. И тут свое слово должны сказать ученые востоковеды, прежде всего молодые, пытливые исследователи. Лишь со-

временное знание прошлого позволяет объективно оценить настоящее и безошибочно строить наше будущее.

Примечания

- ¹ Конрад, Н. И. Запад и Восток : ст. / Н. И. Конрад. – М. : Гл. ред. вост. лит., 1972. – С. 10.
- ² Воронцов, В. Симфония разума / В. Воронцов. – М. : Мол. гвардия, 1977. – С. 241.
- ³ Рукописи предков не горят : интервью с акад. АН Респ. Узбекистан М. Хайруллаевым // Правда Востока. – 2003. – 11 дек.
- ⁴ Приглашение к путешествию по нехоженным тропам рукописных книг : интервью Ф. К. Сулаймановой корр. газ. «Нар. слово» // Нар. слово. – 1992. – Авг.
- ⁵ См.: Из истории суфизма : источники и социальная практика / под ред. акад. АН Респ. Узбекистан М. Хайруллаева. – Ташкент : Фан, 1991. – С. 146.
- ⁶ См.: Рашахат айн ал Хайат. Рук. ИВ АН РУз № 1788. – С. 53, 57.
- ⁷ См.: Зубдат ал-макамат. Рук. ИВ АН РУз № 2936, л. 17 б; Ахмад Сирхинди. Мактубат. Рук. ИВ АН РУз № 4199.
- ⁸ Рук. Института востоковедения АН РУз. Инв. № 11413.
- ⁹ См.: Рук. ИВ АН РУз. Инв. № 1788.
- ¹⁰ Рук. ИВ АН РУз. Инв. № 629.
- ¹¹ См.: Бартольд, В. В. Отчет о командировке в Туркестан : прилож. к протоколу засед. отдела истор. наук и филол. / В. В. Бартольд. – 1921. – 20 июня. – С. 61–63.
- ¹² Шумовский, Т. А. У моря арабистики : по страницам памяти и неизданных документов / Т. А. Шумовский. – М. : Наука, 1975. – С. 56–57.

Наталья Белолипецкая

Египет и египтяне в представлении английского общества последней четверти XIX – первой четверти XX века

Египет стал интересовать широкую европейскую общественность в начале XIX в. после Египетского похода Наполеона (1798–1801). В английской же прессе египетский вопрос начали активно обсуждать после восстания Араби-паши 1882 г., введения в страну английских войск и начала борьбы за английский контроль над Суэцким каналом.

Каждая восточная страна, где Великобритания имела свои интересы и которую активно осваивала, привлекала внимание не только политиков, военных и представителей торговых кругов страны, но и обывателей. Британцы, наряду с приверженностью к своей стране, отличались огромным интересом к самым различным уголкам мира. Они ощущали себя нацией, способной помочь отсталым народам и донести до них свет разума: Египет предоставлял для этого прекрасную возможность. Зачастую английские представления о Египте были лишены объективности, страна рассматривалась с точки зрения цивилизаторской миссии Великобритании, жители априорно считались стоящими на более низкой ступени развития. Хотя некоторые журналисты и путешественники стремились к объективности, пытались показать колоссальную разницу между двумя культурами, руководствуясь мыслью английского публициста В. Мивилия: «Нередко сложно испытывать доверие или симпатию даже к тем, кто живет как мы, кто думает как мы, но гораздо труднее иметь дело с людьми, пути которых – не наши пути, мысли которых – не наши мысли»¹.

Англичане интересовались прошлым, настоящим, будущим Египта, жителями страны. У английской общественности сформировался свой особый взгляд на Египет и его жителей. Можно выделить несколько подходов, на основе которых давались характеристики самому Египту его жителям.

Первый подход олицетворяют английские политики и колониальные деятели. Прежде всего, это А. Милнер, Э. Б. Кромер и А. Колвин. Их основной заботой было создание корпуса работоспособных англо-египетских чиновников. Они рассматривали местное население как сырой материал, который надо доработать и приспособить к эффективному решению задач административного управления страной: «Фактически, англичанин скоро обнаружит, что египтяне, из которых он хотел формировать что-то действительно полезное, по меньшей мере, самый сырой из необработанного материала...»² В соответствии с этим подходом все качества, присущие египетскому народу, четко подразделялись на полезные, бесполезные и откровенно вредные. Разум, таланты, особенности восприятия мира, межличностных коммуникаций, – все это не имело самостоятельной ценности и призвано было только служить британским интересам. Основным тезисом, из которого исходил сначала сам лорд Кромер, а затем все его последователи, был четко сформулирован в его книге: «Египтяне многочисленны, но с политической и административной точек зрения они не более чем ноль»³.

А. Милнер, характеризуя египетское население в целом, склонен писать о нем даже не как о сыром материале, а как о людях, стоящих на более низкой ступени развития, что позволяет ему проявлять бесконечную снисходительность: Египтяне «обладают исключительно смиренным темпераментом, жизнерадостным, общительным и легко удовлетворяющимся... Они никогда не устают разговаривать и любят то, что они называют «фантазия» – всякого рода шоу и представления»⁴.

Большое внимание в характеристике египетского населения Э. Б. Кромер уделял его интеллектуальным качествам, которые находил неудовлетворительными: восточный человек для него «серьезный и молчаливый, лишенный энергии и инициативы, косный разумом <...>, безразличный к потере времени и терпеливый в страдании»⁵. Наиболее приемлемыми для англичан качествами было терпение и выносливость египтянина, то, что население не было склонно к частым и быстрым бунтам, к постоянному выражению недовольства. Однако, привыкнув к покорности крестьян, позже англичанам сложно было смириться с появлением среди передовых общественных деятелей страны тех, кто призывал к борьбе за независимость. Эти призывы казались глупостью еще и потому, что отсутствие противодействия своей политике Великобритания принимала за полное согласие с ней и довольство ею. Оценивая прошлое страны, каждый считал своим долгом упомянуть о том, что на протяжении всей своей истории Египет находился под властью завоевателей, т. к. его государственная власть характеризовалась слабой организацией, фатализмом, который принимал неизбежное и покорностью властям. Э. Б. Кромер негативно говорит о покорности и безынициативности местного населения только пока это касается власти аборигенной. Взрывы же непокорности по отношению к англичанам его раздражают. Возможно, в этом сказывается представление об особой цивилизаторской миссии Великобритании, противиться которой – величайшее из преступлений⁶. Лорду Египтянам отказывалось в возможности самостоятельных действий, им не полагалось даже иметь собственного мнения по политическим вопросам: «На политической арене они слишком слабы, чтобы иметь то или иное мнение»⁷.

В целом же, английские колониальные деятели считали, что египтянин не способен не только к созданию великой культуры, но даже к полному восприятию уже существующей европейской. Строительство пирамид, древнее величие страны отошли далеко в прошлое, современные египтяне, как считалось, не имели ничего общего с великим наследием. А. Милнер считал, что «подобная раса не сможет породить великих людей или новые идеи или занять лидирующую позицию в развитии человечества»⁸. Египтянам не интересны науки, они не склонны изучать далекие от них материи, плохо воспринимают абстракции, равнодушны к точным цифрам, лишены логики: «Они часто не в состоянии вывести очевидные заключения из простых предпосылок». Египтяне не обладают, по мнению англичан, четкостью и логичностью мысли: «Его объяснение всегда будет длинным и нуждающимся в ясности. Он, скорее всего, прервет себя полдюжины раз, прежде чем закончить историю»⁹.

Именно колониальные деятели чаще других использовали сравнение египтян с детьми, основанием для этого сравнения служила их наивность в глазах англичан. Египтянин, считал Э. Б. Кромер, не склонен к скептицизму. В политике, как и в повседневной жизни, он склонен воспринимать как правду самые абсурдные вещи¹⁰. Не стоит забывать, что основания английской и египетской культур были совершенно различными: если первая строилась на рационализме, то уделом второй была нерасчлененность сознания, буквальное восприятие многих вещей. Это проявлялось не только в повседневной жизни, но и на политическом уровне: англичане зачастую не выполняли тех своих обещаний, которые противоречили их интересам, и им это казалось логичным; египтяне же не могли допустить мысли об обмане, это не укладывалось в логику их мировоззрения.

Англичане пытались изменить не только страну, но и самих ее жителей, отмечая резкое отличие их от европейцев: «Европеец близок к благоразумию, его утверждения лишены неясности, он по натуре логичен, хотя мог и не учиться логике, он любит симметрию всех вещей... Восточное же сознание, напротив, нуждается в симметрии»¹¹, – писал Э. Б. Кромер и проводил школьную реформу, целью которой была попытка перекрыть египетский разум по европейскому образцу.

Отмечался консерватизм египтян, их нежелание что-либо изменять в привычном образе жизни: «Истинный восточный человек основательно консервативен. Его консерватизм – дань инстинкту самосохранения»¹². А. Милнер с некоторым недоумением отмечал, что египтянин неизменен в своих привычках и идеях¹³. Европейцам, сынам динамичного XIX в., сложно было понять подобную вековую неподвижность. Еще сложнее было осознать, что самим египтянам эта неподвижность кажется вполне естественной, они отнюдь не стремятся догонять Запад. Египетское равнодушие к точным цифрам выражалось и в небрежном отношении ко времени. Европейский лозунг «Время – деньги» был им чужд и непонятен. Они жили сегодняшним днем, редко строили планы на будущее, время для них представляло бесконечный неиссякаемый поток, делить который на части было бессмысленно. Как отмечал лорд Кромер, «Его [египтянина] жизнь в прошлом и настоящем. Будущее позаботится о себе само»¹⁴.

Вращаясь в высших кругах египетского общества, английские политики отмечали его стремление приблизиться к европейским стандартам жизни. Во многом увеличение числа европеизированных англичан было данью необходимости. Англичане отмечали, что местным населением воспринимается преимущественно внешняя сторона европейской культуры: одежда, манеры, мода. Восприятие культуры носило подражательный характер. Столкновение с европейской цивилиза-

цией породило у аристократии потребность воспринять ее преимущества. Они учили европейские языки (преимущественно французский и английский), посылали своих сыновей в Европу. Однако А. Милнер считал, что они только демонстрируют поверхностную осведомленность о европейских модах, привычках и идеях. «У них на устах общие места политического прогресса, но восприятие часто только снаружи»¹⁵.

Английские колониальные политики в своей повседневной деятельности сталкивались с египетскими чиновниками, поэтому оставили их подробную характеристику. Прежде всего, бросалось в глаза подобострастие чиновника: «Их общие характеристики – это подобострастные манеры, неуклюжесть, близорукость, доходящая до слепоты, общий дух тусклости и раболепства»¹⁶. А. Милнер считал, что с этими отрицательными явлениями можно справиться, если обращаться с египтянами как с равными, видеть в них людей. Э. Б. Кромер отмечал, что египетский чиновник «менее думает о том, что должно быть сделано, чем о том, чтобы действовать таким образом, чтобы на него самого нельзя было возвести обвинений»¹⁷. Английских администраторов возмущало отсутствие у чиновников самостоятельности, ответственности, инициативы. Для восточного человека было характерно восприятие чиновничьей должности как кормушки, которой человек обеспечивается на всю жизнь: однажды став чиновником, человек редко покидал эту сферу деятельности. Каждый египтянин стремился стать чиновником, чтобы получать стабильную зарплату и не беспокоиться о будущем. Большинство из них – просто клерки, занятые монотонной работой, – отмечал один из английских журналистов¹⁸. Возмущение вызывало нежелание многих египетских бюрократов изучать английский язык, нелюбовь к британской администрации, их негодование по отношению к духу превосходства, который привнесли англичане. На протяжении всей английской оккупации Египта постоянно шел спор между английскими и египетскими чиновниками: англичане утверждали, что они призваны обучить египтян современным административным приемам, последние же считали, что представители Великобритании занимают неоправданно много мест в системе египетской бюрократической машины. Лорд Кромер характеризовал чиновников как англофобов, многие из них и были таковыми.

Деревенские шейхи и омды (главы деревень) вызывали у англичан гораздо большую симпатию, чем центральные чиновники. В деревнях они были полезными агентами правительства, разбирались в вопросах агрокультуры и ирригации, во всех простых проблемах деревенской администрации. Однако А. Милнер с сожалением отмечал, что омды стремятся отправить своих детей учиться в город, а после получения образования те остаются в Каире, пополняя количество клерков¹⁹.

В Египте, как и во всех традиционных обществах, большую роль играла религия, причем особенно важны были внешние проявления религиозности, обряды. Положение имама во многом отличалось от положения христианского священника. Он не имел никаких особых прав и пользовался уважением лишь в той мере, в какой заслуживал его своей святостью и ученостью. Сам ритм жизни, более неторопливый, способствовал тому, что имамы и прихожане больше времени посвящали молитве, созерцательности. Колониальные администраторы придавали исламу огромное значение, считая его основой, на которой формировался характер народа. Э. Б. Кромер видел в нем причину раболепства и ограниченности сознания людей: «ислам не поддерживает, но допускает в людях раболепство», «религия ислама не приемлет компромиссов». Сущность ислама не интересовала английских политиков, они отмечали лишь «недостатки» этой религии, затруднявшие общение с

мусульманами, и превращение их в орудие английской администрации. Э. Б. Кромер был убежден, что ислам объективно мешает реформам в стране²⁰.

Среди англичан было распространено твердое убеждение, что они способны больше привнести в Египетскую культуру, нежели взять от нее: «Английские инженеры могут дать египетским крестьянам воду для полей, железные дороги для доставки товаров на рынок... Английские учителя могут открыть им дорогу к западной науке и знаниям», – утверждал Э. Б. Кромер²¹. Восток в XIX веке перестал восприниматься как сокровищница культуры и науки, как это было в средневековье, запад начал смотреть на него снисходительно и покровительственно.

Сочинения английских политиков акцентировали внимание на негативных сторонах египетского характера: инертности, безынициативности, отсутствии дисциплины и ответственности, создавая тем самым картину мрачную и безысходную. Путешественники и журналисты, общаясь с представителями различных социальных групп, отмечали положительные черты египетского характера: гостеприимство, жизнерадостность, оптимизм, хорошее отношение к окружающим их людям. Наиболее характерно в этом отношении сочинение У. Лэйна, которое характеризует не столько сугубо английское отношение к Египту, сколько описывает социокультурный облик египтянина в целом. Некоторые авторы склонны были создавать пасторальные картины египетского быта, главным содержанием которых было описание внешнего антуража, а не стремление проникнуть в причины и суть происходящего. Одна из наиболее ярких статей подобного плана – «Мой друг феллах» Ф. Уолтера, опубликованная в журнале «Найнтинс сентшери». Это практически художественное произведение с длительными описаниями природы, работы и развлечений крестьян. Ф. Уолтер отмечает и равнодушие крестьян ко времени, и детское восприятие ими окружающего мира. Он дает достаточно емкую характеристику характера феллахов: «С эпохи фараонов феллах мало изменился; каким он был во времена бедствий, таким он остался и во время процветания: терпеливым, законопослушным, трудолюбивым, с хорошим чувством юмора, здоровым, подозрительным по отношению к мотивам власти, всегда склонным к сплетням, легко возбудимым и склонным к ссорам...»²². В статье Ф. Уолтера феллахи предстают частью окружающего их ландшафта, создавая с ним органическое целое. Египетские крестьяне, по его мнению, полностью довольны жизнью, им нечего желать, если у них достаточно еды, и нет нужды заботиться о суровой холодной зиме²³.

Если представители английской администрации были склонны рассматривать характер, религию, обычаи египтян как комплекс недостатков, мешающих им воплощать в жизнь европейские идеи, то журналисты, путешественники зачастую оценивали страну и ее жителей как абстрактную экзотическую картину. В этом отношении типичной является книга Д. Адамса «Страна на Ниле». Автора интересует история, природа, мифология Египта, он пытается воссоздать в воображении читателя некую картину, причем жители страны в этой картине либо не присутствуют, либо представляют собой детали пейзажа: «Пейзаж очень монотонен или был бы таковым, если бы не сменялся иногда проблесками восточной жизни: мальчики, продающие сахарный тростник, женщины, медленно идущие по дороге...»²⁴. В Каире основное внимание привлекают не жители, а архитектура, автор склонен описывать парадную сторону жизни, понятную европейцу: роскошные магазины, дорогие товары, зажиточные арабы – все это интересная и забавная экзотика. Для многих путешественников и журналистов Египет являлся лишь совокупностью пышной природы, медленного течения Нила, мечетей и минаретов.

Для оживления повествования используется описание уличных сцен, однако подоплека происходящего не раскрывается, описывается лишь эстетическая сторона происходящего. Например, при описании танца дервишей автор подробно расписывает фигуры танца, но не задумывается о его значении, не углубляется в религию и обычаи Египта. Английского обывателя привлекало древнее величие страны, строительство пирамид. Именно англичане одними из первых начали целенаправленное изучение египетских древностей, стали создавать художественные произведения о фараонах. Д. Адамс также пытается украсить повествование яркими картинками прошлого страны: «Команды рабочих были собраны вместе со всех концов империи: в те времена труд был дешев, а царские приказы непреодолимы»²⁵. Подобные картины гигантского подневольного труда не вызывают у автора желание сравнить это с современным положением феллаха, который является для него лишь частью пейзажа.

Журналисты, которых интересовала политическая подоплека положения Англии в Египте и международное положение этой страны также не задумывались над характером и судьбой жителей Египта. Например, Ф. Эджертон посвятил свою работу Суэцкому каналу. Однако он говорит лишь о значении канала для Великобритании. Мысль о том, что канал – это часть Египта, никак не озвучивается, создается полное впечатление того, что канал – это стратегическая часть Великобритании²⁶.

Многие журналисты шли гораздо дальше колониальных политиков в характеристике влияния Великобритании на Египет. Например, Дж. Стивенс писал: «В конце своего 60 столетия египтянин, кажется, наконец, нашел хозяина, который говорит ему делать правильные вещи»²⁷. Г. Файф считал, что у египтян нет «сбалансированного сознания, твердых суждений, беспристрастности»²⁸. Г. Файфу и Дж. Стивенсу вторит Д. Сладен: «Египтянин происходит не из правящей расы, а из расы, которая всегда будет управляема»²⁹. В оценке умственных способностей египтян Дж. Сладен был не просто предвзят, а откровенно груб: «Если послушать египетские разговоры, то можно вообразить, что их единственное желание – улучшить свой разум и подняться до равного положения с высокообразованными европейцами. Как правило, у египтян нет разума»³⁰. Подобные высказывания формировали у английского обывателя образ неразумного, слабого, инертного человека, что вызывало жалость и легкое презрение. Среднестатистический англичанин ощущал свое превосходство над этими «дикарями», мог с чистой совестью нести им цивилизаторскую миссию. Был сформирован такой мощный стереотип, преодолеть который долгое время не могли не только обыватели, но и политики, более детально знакомые с реальным положением дел.

В политике мнение о врожденной неразумности египтян приводило к отказу им в самоуправлении. К 1910 г. появилась точка зрения, согласно которой западный путь развития не всегда ведет к прогрессу восточной цивилизации, Восток не способен в полной мере воспринять достижения западной цивилизации: «Ни знания, ни интеллектуальное образование никогда не приспособят восточных людей или кого-либо еще к самоуправлению»³¹. Египтяне могли воспринимать западную науку, культуру, но были, по мнению англичан, лишены западных моральных и духовных характеристик: мужества, инициативы, ответственности, чувства долга и справедливости. Эти качества формировались на Западе веками под сенью христианства, на Востоке они не могли возникнуть за несколько десятилетий, к тому же ислам казался неподходящей религией для их культивирования.

Англичане не заблуждались на счет того, насколько глубоко было их влияние и насколько хорошо относится к ним местное население. Они отдавали себе

отчет в том, что египтяне не любят новшеств, вводимых ими, с трудом терпят за- силье англичан в административном управлении страной. Однако они считали от- рицательное к ним отношение не более чем детским капризом, который с течени- ем времени пройдет сам собой, поэтому неожиданным и пугающим для них стал рост националистического движения и поддержка его по всей стране. Естествен- ное отсутствие взаимопонимания двух народов усиливалось нежеланием англи- чан объективно воспринимать духовные запросы и потребности местного населе- ния. Англичане считали, что египтяне обязаны учить их язык и усваивать прин- ципы британской системы управления как наиболее логичные и результативные, египтяне же зачастую воспринимали все эти новшества как покушение на свою культуру и образ жизни.

Примечания

- ¹ Mieville, W. F. Britain's Task in Egypt / W. F. Mieville // *The nineteenth Century and after...* – 1907. – № 364. – P. 995.
- ² Cromer, E. B. *Modern Egypt* / E. B. Cromer. – L., 1908. – Vol. 2. – P. 131–132.
- ³ *Ibid.* – P. 132.
- ⁴ Milner, A. *England in Egypt* / A. Milner. – L., 1901. – P. 316.
- ⁵ Cromer, E. B. *Op. cit.* – P. 148.
- ⁶ *Ibid.* – P. 151.
- ⁷ Milner, A. *Op. cit.* – P. 317.
- ⁸ *Ibid.* – P. 314.
- ⁹ Cromer, E. B. *Op. cit.* – P. 147.
- ¹⁰ *Ibid.* – P. 147–148.
- ¹¹ *Ibid.* – P. 146.
- ¹² *Ibid.* – P. 161.
- ¹³ Milner, A. *Op. cit.* – P. 316.
- ¹⁴ Cromer, E. B. *Op. cit.* – P. 149.
- ¹⁵ Milner, A. *Op. cit.* – P. 322.
- ¹⁶ Milner, A. *Op. cit.* – P. 325.
- ¹⁷ Cromer, E. B. *Op. cit.* – P. 240.
- ¹⁸ См.: Wallace, M. *Egypt and the Egyptian Question* / M. Wallace. – L., 1883. – P. 139.
- ¹⁹ См.: Milner, A. *Op. cit.* – P. 324.
- ²⁰ Cromer, E. B. *Op. cit.* – P. 136, 141.
- ²¹ *Ibid.* – P. 143.
- ²² Walter, F. M. *My Friend the Fellah* / F. M. Walter // *The nineteenth Century and af- ter...* 1904. – № 31. – P. 444.
- ²³ *Ibid.* – P. 445.
- ²⁴ Adams, D. *The Land of the Nile.* – L., 1881. – P. 110.
- ²⁵ *Ibid.* – P. 130.
- ²⁶ См.: Egerton, F. *Great Britain, Egypt and the Suez Canal* / F. Egerton. – L., 1883.
- ²⁷ Steevens, G. W. *Egypt in 1898* / G. W. Steevens. – L., 1898. – P. 277.
- ²⁸ Fyfe, H. H. *The New Spirit in Egypt.* – L., 1911. – P. 148.
- ²⁹ Sladen, D. *Egypt and the English : Showing British Public Opinion in Egypt upon the Egyptian Question* / D. Sladen. – L., 1908. – P. 4.
- ³⁰ *Ibid.* – P. 73.
- ³¹ Butler, A. J. *The Misgovernment of Egypt* / A. J. Butler // *The nineteenth Century and after...* – 1910. – № 404. – P. 595.

Россия и россияне в национально-культурной и политической картине мира китайцев

Опыт более чем трехсотлетнего вынужденного соседства славянской и китайской культуры показывает, что их рядовые носители слабо расположены к взаимной интеграции и к плодотворному культурному обмену. Факты свидетельствуют, что несмотря на постоянные контакты, между российским и китайским населением пролегает глубокое чувство отчуждённости и неприятия друг друга. Подавляющее большинство исследователей XIX – начала XX в., непосредственно наблюдавших процесс русско-китайских контактов, писали о том, что русские и китайцы совершенно не ассимилируются друг с другом.

Исследователь Восточной Сибири, Бурятии, Монголии работник Троицко-савско-Кяхтинского отделения Русского Географического Общества Георгий Михайлович Осокин в 1895–1902 гг. опубликовал ряд материалов, в которых рассказывалось о жизни китайцев в Сибири. Он писал: «Отдавая должное китайской предприимчивости и трудолюбию, нельзя не заметить, что они в тоже время очень немного что заимствовали от русского населения в культурном плане. Китаец очень крепко держится своих взглядов на жизнь, занятий, обычаев и верований. Несмотря на близкое сожительство, общие интересы он редко когда изменяет своим убеждения. Наоборот, в большинстве случаев, ко всему относится подозрительно, недоверчиво и с предубеждением. Обрусевших китайцев в крае очень мало, и то, скорее, обруселость только наружная»¹.

В. К. Арсеньев в своих заметках о китайцах был более категоричен. «Рассчитывать на обрусение китайцев не приходится. Скажу более, было бы наивно! Я ни разу не видел обрусевшего китайца, я видел крещённых китайцев, но не обрусевших. Ни в строе жизни, ни в одежде, ни в привычках христианин китаец не изменяется. И какие бы усилия ни применялись, китаец всегда останется китайцем»².

Наблюдения за жизнью китайской общины в конце XX в. показывают, что для неё характерен такой же обособленный и замкнутый стиль жизни, как и в конце XIX в. Добровольная сегрегация китайской общины находится в прямой зависимости от традиционного китайского этноцентризма. Самим китайцам расизм в его классическом понимании чужд в принципе. Но национализм для них так же естественен, как роль и место Китая в мире. В основе его – те же идеи о превосходстве китайцев над «варварами», живущими на периферии Поднебесной, которые во многом определяли и определяют отношение Китая с другими странами³. В пределах своего политического горизонта китайцы традиционно считали свою страну центром мира, игнорируя историко-политические реальности и рассматривая прочие народы как «варварские». Китайцы практически никогда не считали иностранцев равными себе⁴. Например, считалось что «обращение с ними (иноземцами) как с равными, равносильно легкомысленному перенятию чуждых обычаев». То, что иностранцы были не склонны следовать китайским образцам поведения, объяснялось в Китае их отсталостью и неспособностью постичь единственно правильные нормы⁵. Китайцы классифицировали народы, обитавшие на рубежах Китая, по сторонам света и считали их подверженным и всяческим крайностям и излишествами, неспособными к мудрой и размеренной жизни. Эти народы были для них именно «варварами», которые имеют «лицо человека, а сердце зверя». Они полагали, что в их Серединном Государстве «всего имеется в достат-

ке», а природные стихии находятся в равновесии, от чего его жители от рождения умны, талантливы и привержены добродетельным нравам⁶.

Традиционное мировоззрение о китайском превосходстве нашло своё продолжение в политических идеях конца XIX – начала XX в. Во времена колониального засилья европейцев в XIX веке в Китае стали распространяться идеи расового превосходства китайцев. Пропаганда всячески подчёркивала ассимиляторские способности ханьцев: «Наше племя (цзу) ханьцев сильно тем, что оно всегда ассимилировало другие племена, оно никогда не было побеждено иноплеменниками»⁷. Сунь Ят-сен живописал изъяны и пороки европейской культуры, её антигуманизм и грубо утилитарный характер. Он дал характеристику европейской культуры, как такую, в основе которой лежит путь насилия (бадао). Отсюда его вывод о том, что восточная культура в большей степени, чем западная, отвечает требованиям гуманности и справедливости, интересам развития нации и государства. Если в основе культуры Европы лежит принцип насилия, несправедливости, то в отличие от неё, в основу китайской культуры составляет принцип права и справедливости, принцип доброго начала (ван дао). Сунь Ят-сен доказывал, что в осуществлении таких высоких этических норм и моральных принципов, как верность и почитание родителей, гуманность и любовь, честность и справедливость, миролюбие и стремление к спокойствию, китайцы стоят намного выше, чем европейцы⁸.

С нашей стороны было бы ошибкой механически переносить традиционные китайские представления об иностранцах из далёкого прошлого на мировоззрение китайцев конца XX в. Однако есть множество неоспоримых фактов, свидетельствующих о стойкости и широком распространении традиционных шовинистических представлений у китайцев конца XX – начала XXI в. Например, В. В. Малявин отмечает, что рецидивы традиционного настороженно-церемонного отношения к иностранцам сохраняются в китайском обществе по сей день⁹.

Во многих западных исследованиях китайского менталитета отмечается стойкость и распространённость традиционных представлений о превосходстве китайцев и всего китайского над иностранным. Американский синолог Р. Соломон на основе обширного эмпирического материала, полученного в результате тестов и опросов китайских мигрантов, бежавших от ужасов культурной революции, выявил стабильное и стойкое влияние конфуцианства и других старокитайских морально-этических учений на психологию современных китайцев. Эдмунд Клабб – китаевед, много лет проживший в Китае, пишет, что современные идеи подвергаются сильному влиянию концепций прошлого. Концепция всеобщей империи, сохранявшаяся на протяжении тысячелетий, сильно влияет на идеологию Китая. Руководители КНР называются им «верными сынами Серединной империи», считающимися, так же как и их предки, китайскую культуру выше всякой другой. К этой философской константе, пишет автор, добавилось ещё и убеждение в мессинской роли КНР¹⁰.

Сильнейшее воздействие на живучесть традиций в китайском мышлении, в том числе и в современном, оказал китайский язык. По мнению В. Бауэра, особое значение здесь играет то обстоятельство, что в китайском языке отсутствует грамматическая категория времени. Отсюда специфическая «безвременность» китайского мышления, в котором настоящее рассматривается не как линия, отделяющая прошлое от будущего, но, при недифференцированности прошлого и будущего, как плоскость, поглощающая прошлое и будущее. Размышления об особенностях китайского языка, Бауэр заканчивает утверждением, что «способность китайцев ассимилировать по сути дела представляет собой обусловленную язы-

ком, и, прежде всего, письменностью неспособностью к восприятию чуждых систем мысли в нефальсифицированном виде. Все идеологии, проникавшие в Китай извне, терпели крушение, столкнувшись с идеографической письменностью; иностранное слово, проникшее в её словарный запас, воспринимается как чужеродное тело. Либо оно должно быть “переведено”, что означает неизбежную ассимиляцию (как правило, упрощение), либо на нём всегда остаётся клеймо экзотики»¹¹.

Русские в традиционном представлении китайцев считались «дальними варварами». При первых контактах с ними они показались китайцам странными, их европеоидные черты лица казались уродливыми. За свой внешний вид русские сразу получили прозвище чанбицзы – «длинноносые». Китайцы писали: «Русские в основном все алчные, грубые и некультурные. По своему характеру они чрезвычайно свирепы и их трудно подчинить»¹². У нас есть основание думать, что многие из этих средневековых стереотипов в отношении русских сохранились у китайцев вплоть до начала XXI в. Гонконгский журнал «Чжэн мин» позволил себе проговориться, употребив по отношению к русским посетителям г. Хэйхэ давнее, но, очевидно, и сегодня имеющее широкое хождение среди китайцев по отношению к русским прозвище «длинноносые» (да бицзы)¹³. Даже среди образованных китайцев бытует мнение о русских как о чрезвычайно воинственном и свирепом народе. Недавно в Китае вышла книга «Эти храбрые русские», в ней анализ русского характера делается на примере Рюрика, Ивана III, Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, Ленина и других. Китайцы выяснили для себя, что большинство российских национальных героев, являлись полководцами и воинами. На этом основании делается вывод, что российская нация – это воинственная нация, которая всегда стремится к экспансии, поэтому у них героями слывут те, кто командовал войсками. В противовес русским национальным героям китайцы приводят своих – мудрых мужей, смекалистых детей и взрослых, на ярких примерах которых воспитываются сами¹⁴. Подобный взгляд на русских как на воинственный и агрессивный народ сильно коррелирует со средневековыми воззрениями на варваров, окружавших Поднебесную империю. Тем более, что россияне сами порой не осознают последствий своих действий, дают китайцам лишний повод смотреть на себя как на диких варваров.

Поведение россиян при контактах с китайцами у себя на родине и в туристических поездках по Китаю, не давало поводов для оптимизма на благоприятное восприятие китайцами российской культуры. Наши соотечественники не отличались излишней скромностью и тактичностью в отношениях с китайцами. Многочисленные свидетели повествуют о хамском и вызывающем поведении русских туристов по отношению к китайцам. Благодаря общению с россиянами, китайский язык в короткие сроки «обогатился» русской нецензурной бранью. Нравы российских челноков, прибывающих в Китай, оставляли неизгладимые, яркие впечатления у хозяев. Виктор Ульянов, один из современных российских синологов, красочно описывает нравы российских туристов, проводящих свой досуг в русских ресторанах Пекина: «Атмосфера здесь далеко не всегда соответствует чаяниям заходящих сюда людей, которые просто хотят поесть, а не выпить до поросычьего визга или развлечься, расквашивая друг другу физиономию. Кстати, местная полиция на “мелкие шалости” разбушевавшихся гуляк смотрит сквозь пальцы (подумаешь: перебьют посуду, поломают мебель, иногда забьют кого-нибудь из своих насмерть)»¹⁵.

Поведение многих российских «помогаек» (людей, которые за определённую плату оформляют на себя чужой груз и помогают перевозить его из Китая в

Россию) в Суйфэньхэ так же не способствовало росту уважения китайцев к русским. Газета «Золотой Рог» опубликовала на своих страницах материал, рассказывавший о поведении этой категории российских граждан в Китае. Вечерами, бесплатно посидев в ресторанах и изрядно выпивши, они разгуливают по тому же Суйфэньхэ в неприглядном виде. А утром с помятыми лицами, с бутылкой пива в одной руке и сумками в другой начинают собираться на вокзалах для отъезда на родину¹⁶. Конечно, далеко не все русские туристы, прибывающие в Китай, являются пьяницами и дебоширами, среди них наверняка больше добропорядочных и культурных людей, но наблюдения за нашими соотечественниками у себя на родине показывает, что хамство в отношении друг друга, пьянство по любому удобному случаю и без него, является для них обыденным явлениям. Так что не надо удивляться тому, что принятые у себя на родине нормы поведения, они с лёгкостью переносят за границу. И поэтому становится совершенно естественно, что, насмотревшись на разухабистую российскую «удаль», китайцы делают о русских весьма нелицеприятные выводы, которые полностью подтверждают их средневековые представления о варварах, как о людях весьма грубых и не воздержанных. Данное предположение подтверждается результатами социологического исследования проведенного в 2006 г. Институтом Дальнего Востока РАН совместно с Читинским государственным университетом. Подавляющее большинство опрошенных китайцев среди недостатков российского населения, отметили следующие качества: пьянство 72,4 %, корыстолюбие 27,6 %, эгоизм 25,9 % и тунеядство 20,7 %¹⁷.

Тяжёлое наследство в национально-этническом сознании двух народов оставили годы советско-китайского противостояния 60–70-х гг. XX в. Китайцы, живущие в пограничной зоне с СССР, помнили об операции «Угроза с севера», в рамках которой жизнь и деятельность сотен миллионов людей стала подчиняться подготовке к войне с Советским Союзом. В КНР началось массовое перемещение промышленных объектов в глубинные районы страны, создавались запасы продовольствия и медикаментов. Население городов и сельских районов было мобилизовано на строительство бомбоубежищ и укрытий. Одновременно с этим в стране развернулась широкомасштабная пропагандистская кампания, ставившая своей целью насаждения вражды и ненависти ко всему советскому¹⁸. Средства массовой информации КНР в течение длительного времени призывали водрузить «знамя Мао на Красной площади», насадить в СССР «новый порядок» по образцу и подобию того, какой Мао Цзэ-дун установил у себя в стране. Массовые вооружённые китайские провокации на советской границе, по признанию самого Мао Цзэ-дуна, должны были вызвать на многие годы ненависть населения Китая к СССР¹⁹. Вероятно, живя под постоянным впечатлением вооруженного противостояния и угрозой войны с северным соседом, у граждан КНР сформировалось чувство недоверия и скрытой опасности в отношении России. Во всяком случае, этот фактор надо учитывать при анализе фактов негативного отношения китайцев к россиянам. При этом, ни в коем разе нельзя преувеличивать роль исторического наследия в формировании негативного образа россиян в сознании китайцев конца XX – начала XXI столетия. Но, к сожалению, факты говорят об обратном. Китаезычный интернет пестрит антироссийскими статьями. Бывший директор Института политологии Академии общественных наук КНР Янь Цзяци систематически публикует в электронной сети и в гонконгском журнале «Дунсян» статьи резкого антироссийского содержания. А в 2005 г. в китайском Интернете появилась анонимная статья, где русские характеризуются как «варварская нация», «которая ещё не полностью вышла из животного состояния», утверждается, что русские по натуре

лживы и коварны, а величие русской нации «на 30 % состоит из варварства и на 70 % – из бандитизма»²⁰.

Приведённые выше факты оставляют нам надежду, что под влиянием тесных культурных, экономических и межгосударственных контактов отношение граждан КНР к своему северному соседу будет улучшаться. Тем более, что впервые в истории двухсторонних отношений между Россией и Китаем не осталось никаких острых территориальных претензий, которые могли бы превратиться в потенциальный источник конфликта и межнациональной конфронтации.

Примечания

¹ Осокин, Г. М. Московия на Востоке / Г. М. Осокин // Русский Разлив : междунар. альм. : в 2 т. Т. 2. – М. : Ди Дик, 1996. – С. 200–201.

² Арсеньев, В. К. Китайцы в Уссурийском крае / В. К. Арсеньев // Дальн. Вост. – 1993. – № 11–12. – С. 163.

³ См.: Ларин, В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е гг. XX – начало XXI в.) / В. Л. Ларин. – М. : Восток-Запад, 2005. – С. 355.

⁴ См.: Кюзаджян, Л. С. Влияние традиций на Маоизм в оценке зарубежного китаеведения / Л. С. Кюзаджян, Т. Н. Сорокин // Китай : традиции и современность : сб. ст. – М. : Наука, 1976. – С. 309.

⁵ См.: Бокщанин, А. А. Особенности внешних отношений империи Мин и вопросы преемственности / А. А. Бокщанин // Китай : традиции и современность... – С. 133–138.

⁶ См.: Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – С. 30–31.

⁷ Чудодеев, Ю. В. Идеи национализма и китаецентризма в программе буржуазных реформаторов (начало XX в.) / Ю. В. Чудодеев // Китай : традиции и современность... С. 145.

⁸ См.: Делюсин, Л. П. Идеи паназиятизма в учении Сунь Ят-сена о национализме / Л. П. Делюсин // Китай : традиции и современность... С. 177–179.

⁹ См.: Малявин, В. В. Китайская цивилизация... – С. 114.

¹⁰ См.: Кюзаджян, Л. С. Влияние традиций на Маоизм... – С. 295–306.

¹¹ Там же. – С. 307–308.

¹² Попов, И. М. Россия и Китай : 300 лет на грани войны / И. М. Попов. – М. : Астрель : АСТ : Ермак, 2004. – С. 38.

¹³ См.: Ларин, В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е гг. XX – начало XXI в.) / В. Л. Ларин. – М. : Восток-Запад, 2005. – С. 357.

¹⁴ См.: Галеева, В. Послушные дети экосистемы и трудности перевода / В. Галеева, Н. А. Спешнев // Журн. Санкт-Петерб. ун-та. – 2005. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://journal.spbu.ru/2005/02/17.shtml>.

¹⁵ Ульяненко, В. В. Китайская цивилизация как она есть / В. В. Ульяненко, К. В. Лучкин, С. Ф. Лейкин, О. А. Французова. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2005. – С. 180.

¹⁶ См.: Наших обижают не только в «Суньке» // Золотой Рог. – 2005. – № 62 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.zrpress.ru/zr/2005/62/50>.

¹⁷ См.: Алагуева, Т. Г. Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории / Т. Г. Алагуева, К. К. Васильева, А. В. Островский // Проблемы Дальн. Востока. – 2007. – № 4. – С. 131.

¹⁸ См.: Колосков, Б. Т. Внешняя политика Китая : 1969–1976 гг. : основ. факторы и ведущ. тенд. / Б. Т. Колосков. – М. : Политиздат, 1977. – С. 70.

¹⁹ См.: История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945–1977. – Хабаровск, 1978. – С. 304–305.

²⁰ Тихвинский, С. Восприятие образа России в Китае / С. Тихвинский // Проблемы Дальн. Востока. – 2007. – № 4. – С. 91.

Екатерина Колиненко

«Сон в красном тереме» в освещении современных китайских исследователей

Как в природе есть стихийные бедствия: наводнения, пожары, ураганы, тайфуны, землетрясения, которые влияют на жизни людей, – так и в литературе Китая есть «Сон в красном тереме». «Раскаты грома», порожденные им, «ураганы и землетрясения» потрясли все страну, оказав огромное влияние на всю культуру Китая.

«Сон в красном тереме» давно уже вышел за рамки литературного произведения, став тем самым объектом культуры, великим культурным достоянием. Возможно, мы даже имеем право говорить о таком явлении, как феномен «Сна в красном тереме».

«Сон в красном тереме» – признак китайской нации, объект изучения, споров, поклонения. И все это совершенно не случайно. Каждое предложение романа, каждое слово в нем очень точно и попадает точно в цель, кажется, что ничего не ускользнуло от взгляда автора, ни одна частичка духа китайского народа не смогла ускользнуть от Цао Сюэциня, который, как никто другой, смог вскрыть самые глубинные черты национального характера. И нет ничего случайного в том, что и по сей день интерес к этому произведению не ослабевает.

Как известно, «Сон в красном тереме» – бытовой роман, написанный Цао Сюэцинем в середине XVIII в. и по некоторым причинам не оконченный автором. Окончание романа – последние 40 глав (а всего их в романе 120) были написаны Гао Э. Если говорить обо всем литературном наследии Китая, то будет упомянуто бесчисленное количество произведений, среди которых, конечно же, будет назван и «Сон в красном тереме». Но это произведение совершенно особое и необычное: оно оказало влияние не только на литературу Китая, но и на всю культуру Китая в целом. И вряд ли найдется в Китае ещё одно такое произведение, которое сможет сравниться со «Сном» в своей значимости и влиянии на культуру страны.

По мнению Чэн Цюна, автора книги «Культура Китая через призму романа “Сон в красном тереме”», роман был «написан» ещё до рождения Цао Сюэциня – это прожитые жизни, это сформировавшиеся традиции, это люди с их вечными проблемами, отношения мужчин и женщин, отцов и детей; это государственный строй, императорская власть, феодализм – одним словом, вся предыдущая история страны¹. Все это было лишь особым образом отобрано Цао Сюэцинем, обработано, выражено изящным языком – таким образом, и получился этот уникальный роман. И хотя «Сон в красном тереме» был написан в середине XVIII в. и в нем описываются события трехвековой давности, он не о прошлом. Это произведение всегда о настоящем и всегда о будущем: потому что среди большинства проблем, обозначенных автором в романе, до сих пор нет ни одной, которая бы навсегда исчезла из жизни современного человека.

Во времена императоров Цян Луна (1711–1799) и Цзя Цина (1760–1820) изучение «Сна в красном тереме» достигло огромного размаха, дошло до того, что было даже такое выражение: «Если в беседе не упомянуть «Сон в красном тере-

ме» и не поговорить о нем, то можно сказать, что книги ты читал напрасно». Термин «красноведение» / «сноведение» появился в Китае в начале правления Гуансюя (1871–1908). И с тех пор количество людей, изучающих «Сон в красном тереме», пишущих критические статьи о нем и различные продолжения, дополняющих его на свой лад, продолжает расти. Можно сказать, что их уже целая армия и среди них есть свои специалисты.

Прошло уже более 200 лет со дня написания романа «Сон в красном тереме», и вот уже 200 лет как существует целое направление, называемое «школа изучения “Сна в красном тереме”» (или «сноведение»). За свою более чем 200-летнюю историю школа прошла три этапа, и это были три совершенно различных направления в изучении романа. Первый этап – с середины династии Цин и до 1921 г. – «старая школа»; второй этап с 1921 г. и до 1954 г. – «новая школа»; третий этап с 1954 г. по нынешнее время – «новейшая школа».

Старая школа занималась в основном изучением стихов и записок самого Цао Сюэциня, историографией и биографией, а также развитием философских рассуждений на базе «Сна». Известным представителем школы того времени был Ван Госюй, чьи работы внесли большой вклад в развитие школы, хотя его и критикуют за излишний идеализм. В XX веке в Китае изучение «Сна в красном тереме» достигло небывалого размаха и можно смело сказать, что теперь это уже стало целое национальное движение. В новой школе выделяются такие исследователи, как Юй Пинбо, Ху Ши, Чжоу Жучан. Среди них особо выделяется Ху Ши, чей вклад в общее дело изучения романа оказался несравненно значимым. Его работы отличаются крайним рационализмом, и он выступал с бесконечной критикой идеалистических направлений старой школы. В отечественном литературоведении о вопросе развития школ «сноведения» подробно рассказано у О. М. Лин Лин².

Новейшая школа «сноведения» началась после освобождения Китая. 16 октября 1954 г. Мао Цзэдун написал «Письмо о проблемах исследования «Сна в красном тереме», и с тех пор роман стал рассматриваться под новым ракурсом – как источник изучения классовой борьбы и развития общества. Все герои романа были поделены на две категории: тех, кто боролся против феодального строя, и тех, кто боролся за него. Первые – это Цзя Баоюй, Линь Дайюй, Циньвэнь и многие другие; последние поддерживали феодальный порядок и существующие в нем нормы морали, например Цзя Чжэн, Ван Сифэн, Сижэнь и др. С тех пор повелось, что Сижэнь рассматривалась исключительно как коварная героиня. Её критиковали за то, что она не была скорбной вдовой по Баоюю, и будучи наложницей не покончила жизнь самоубийством после его смерти ради своей чести и репутации, а напротив она ещё раз вышла замуж, и не за простого человека, а за актера – как говорится, «порядочная женщина не выходит два раза замуж», или «верноподданный министр не может состоять на двух службах». Потому-то и видели в Сижэнь только коварство. Как считают современные исследователи, это совершенно безосновательно и проблема заключена отнюдь не в Сижэнь, а как раз в том обществе, которое так рьяно критикует ее поведение. Как раз это и подчеркивается в исследованиях последних лет: исследователи уже не смотрят столь однозначно на образы тех или иных героев, не дают им резких оценок, а наоборот, пытаются разобрататься в тех условиях, в которых жили герои романа.

Одна из тем отдельных исследований – связь романа «Сон в красном тереме» с культурой Китая. Что имеется в виду, когда говорится о связи Китая и судьбы романа?

Во-первых, обращают внимание на тот факт, что «Сон в красном тереме» часть китайской культуры. Будучи литературным произведением, этот роман отразил и отражает различные стороны жизни китайского общества и культуры Китая. Например, изучая образы Цзя Юйцуня, Баоюя, Цзя Ланя и других, мы узнаем о системе государственных экзаменов в древнем Китае; так как действие романа происходит в двух дворцах – Нинго и Жунго – мы имеем возможность узнать о дворцовой жизни; из примера жизни Юаньчунь, которая стала наложницей императора, мы узнаем о непростой жизни девушки из «внутренних покоев». Весь вид «Сада Роскошных зрелищ» говорит нам о традициях и об искусстве построения китайских дворцов и домов; распутная жизнь Цзя Чжэна, Цзя Ляня и других обитателей «Сада» дает нам представление об отношениях полов. Эпизоды романа, связанные с похоронами Цин Кэцин и др., дают нам возможность познакомиться с традицией погребения того времени; о том, как происходили празднования национальных праздников, какие подарки принято дарить, какие проводить церемонии – все это мы узнаем из эпизодов романа, описывающих различные празднования; разговоры бабушки Лю не только дают нам представление о жизни крестьян в деревнях, но и знакомят нас с колоритной речью простого китайского народа, знакомят с фольклором; монастыри, которые упоминаются в романе, и жизнь, описываемая в них автором, открывают перед читателем внутреннюю жизнь храмов и монастырей, как правило, очень скрытую от посторонних глаз; любовь Баоюя и Дайюй – это возможность очень тонко проследить, что такое брак по договоренности родителей и какие последствия он имеет для влюбленных. Подобные примеры можно перечислять ещё очень и очень долго, и дело не ограничивается только ими – «Сон в красном тереме» послужил базой для отдельных исследований. Достаточно зайти в книжный магазин в Китае, чтобы убедиться в правоте сказанного – во многих магазинах есть целые разделы, посвященные только этому роману и всему, что с ним связано: например «“Сон в красном тереме” и культура потребления чая в Китае», «“Сон в красном тереме” и традиции китайской медицины», «“Сон в красном тереме” и китайская кулинария» – одним словом, после союза «и» можно подставить практически любое слово (мебель, лекарства, одежда и т. д.) и получается тема отдельного исследования, по которой, скорее всего, уже ведутся исследования. Ни одному из произведений «до» и «после» «Сна» не удалось так масштабно, всесторонне и так ёмко описать культуру Китая, жизнь и обычаи китайского народа. По этой причине роман «Сон в красном тереме» по праву называется «Энциклопедией жизни китайского народа».

Во-вторых, будучи литературным произведением, роман Цао Сюэциня проник в китайскую культуру и стал её неотъемлемой частью, потому что оказал значительное влияние на ту культуру, которая возникла уже после его написания. Это влияние выражается в двух аспектах: первый – это влияние на литературное искусство, второй – влияние на национальный характер, национальную культуру, которое проявляется в песнях, картинах, рассказах, театральных постановках, в опере, в кино, в стихах и даже в садовых постройках. Оба этих влияния являются взаимосвязанными и усиливающими друг друга – в результате «Сон в красном тереме» стал частью сознания, души и характера китайского народа. В Китае нет такого человека, который бы не знал или не слышал об этом романе, в жизни каждого китайца была возможность познакомиться с ним. Вот уже не одно поколение вырастает на этом романе в том или ином смысле. Роман находит отклик в душе каждого, кто однажды сталкивался с ним, каждый в нем находит что-то для себя.

Тем не менее, все, о чем говорилось выше, как отмечают современные китайские исследователи, лишь внешние связи романа «Сон в красном тереме» и культуры Китая, так сказать поверхностные. По сути же, когда говорится о непрекращающейся связи романа с современной культурой Китая, имеется в виду его влияние на эмоциональную сторону жизни китайцев, на образ их жизни, а это влияние намного глубже тех двух, которые были обозначены ранее.

«Сон в красном тереме» – это абсолютно натуралистичное произведение. Кто-то может возразить и привести в пример бесконечное множество произведений, которые были написаны до и после «Сна» и которые были не менее, а то и более натуралистичными. Но у «Сна» есть одно преимущество – это его комплексность. В романе нет одной единственной направленности, автор не показывает нам несколько черт китайского характера – он показывает сразу все. «Сон в красном тереме» – сверхпрофессиональное произведение, это и выражается в его всеобщности, комплексности. Он превзошел древнюю литературную традицию Китая о том, что только учение о Дао и Дэ должны быть стандартами при написании произведения. Добро и зло, красота и уродство, животное начало и гуманность, и даже буддизм – все здесь собрано воедино. Ничего не осталось не замеченным.

Цао Сюэцинь очень реалистично и натуралистично описывает жизнь, каким быть чиновником и как им становиться; как быть простолюдином; что такое настоящее благородство и что есть зло; как бороться и как жить в гармонии и мире; что значит обрести надежду и потерять её; что такое труд и что есть праздность... Все величие и необыкновенность «Сна в красном тереме» заключены именно в этом – в его универсальности. С одной стороны, автор описывает в романе китайцев и их национальный характер, с другой стороны – вопросы, которые он поднимает, актуальны по сей день для всех людей. Когда читаешь «Сон в красном тереме», то получаешь истинное наслаждение от простоты изложения, от понимания сходства различных культур.

Независимо от национальности, возраста и социального статуса, каждый, кто берет в руки роман «Сон в красном тереме», обязательно находит что-то для себя. В последнее время все больше и больше современных исследователей говорят о романе как об источнике изучения хозяйствования, управления (или менеджмента), политики (разумеется, не государственной, а домашней). В вопросах современных семинаров по менеджменту и управлению очень остро стоит проблема управления персоналом, вопрос о стилях руководства, о его эффективности. В исследовании о «Сне в красном тереме» Цзоу Голян находит ответы на некоторые проблемы, поставленные автором. Он говорит о том, что, кроме увлекательных бытовых историй романа, кроме семьи Цзя, есть и ещё один момент, содержащий в себе глубокий смысл и удивляющий людей: речь идет о тех самых умных девушках, которые с мастерством проявляли себя умелыми хозяйками в семье Цзя³.

В современном Китае зачастую способную, деятельную женщину шуточно называют «рыцарь в юбке». И что удивительно, эта фраза заимствована из романа «Сон в красном тереме», когда Цинь Кэцин сказала Фэнцзе: «Тетушка, да вы просто герой, из отряда рыцарей в юбках!»

И действительно, в данном романе такое выражение применимо не только к Ван Сифэн (Фэнцзе), но и к Цзя Таньчунь и Сюэ Баочай. Они не только красивы и умны, способны сочинять стихи о людях, любви, женской красоте, но они также способны на добрые дела, которые пусть и не большие, но зато способны принести радость всему многочисленному семейству Цзя. И такими поступками в этом семействе отличаются чаще всего женщины, а не мужчины. И это не случайно,

ведь при написании романа Цао Сюэцинь задался целью осветить жизнь внутренних (женских) покоев и одно из названий романа «Двенадцать Цзиньлинских шпилек». По этой же причине современное изучение романа «Сон в красном тереме» уделяет большое внимание женской теме. Примерно половина исследований романа посвящена именно женским образам, причем с разных ракурсов, например: «Девушки-цветы в красном тереме» Фан Мингуан⁴; «Сон в красном тереме» – «приподнимаемая завесу с темы любви» Не Ньюэсэнь⁵, в которых говорится о многочисленных любовных связях, возникающих между героями романа; «Красавицы-приманки. О женском искусстве управлять» Цзоу Голяна; «Новые исследования героинь «Сна в красном тереме» Се Пэнсюн⁶; «Биография «Двенадцати Цзиньлинских шпилек» Цао Либо в которых авторы очень подробно (но каждый по-своему) описывают биографии героинь, обращая внимание на специфические, особые черты их характеров, которые определяются местом происхождения героинь⁷.

«Сон в красном тереме» обладает своего рода живостью, активностью. В нем заключена большая энергия. Ван Мэн сравнивает этот роман с деревцем: прочел роман, словно посадил дерево – в сердце остался след, Потом это маленькое деревце начинает расти, смотришь – и уже появились листочки, набухли бутоны, и вот, ночью, когда никто не видит, незаметно распускаются цветы, смотришь и уже выросло целое дерево... Таких книг очень мало⁸.

Как верно подметил Ван Мэн, обычно говоря о романе «Сон в красном тереме», подразумевают автора Цао Сюэциня, постоянно забывая, что довольно значительную часть романа написал Гао Э. И сейчас читатели и исследователи не в состоянии угадать первоначальный замысел Цао Сюэциня, его идею. Но это даже придает роману определенную загадочность, ещё большую привлекательность. Посмотрите, какое количество споров возникает по поводу того, каким должен был бы быть конец, что хотел сказать автор, угадал ли ход его мыслей Гао Э, или нет... Существует мнение, что Цао Сюэцинь умышленно не закончил этот роман, что он сам не знал как быть дальше. Ведь события, описанные в романе, взяты из жизни, это и есть сама жизнь запечатленная, в конкретный момент автором и застывшая на страницах книги. У каждой судьбы и у каждой истории возможно бесконечное множество окончаний и продолжений. А сколько судеб показано в романе, сколько сюжетных линий, сколько жизней? Как закончить такой роман, как заглянуть в будущее, как предсказать жизни сотен героев? Слишком много вариантов окончания романа, очень много возможностей. Подвести итог крайне сложно. В большинстве произведений, практически всегда развязка дает ответы на поставленные вопросы: кто плохой, кто хороший, кто виновен, кто на ком женился, кто кем стал – все более или менее становится на свои места. Но это невозможно в «Сне» существует определенная открытость / незавершенность (от китайского 开放性). Все вопросы, затронутые в романе, все поставленные задачи имеют бесконечное множество вариантов развития. Подобно тому, как это происходит в романах Толстого, Достоевского... Великая литература не дает готовых «рецептов», конкретных ответов на поставленные вопросы. Цель настоящей литературы – обозначить проблемы, указать их... «Мне иногда кажется – говорит Ван Мэн, – что Цао Сюэцинь специально не закончил роман. И если вдруг, однажды нам бы удалось обнаружить настоящее окончание романа, не было бы это некоторым разочарованием?» Очарование жизни в её непредсказуемости в невозможности предугадать ход развития последующих событий... Эти не оконченные Цао Сюэцинем последние 40 глав – большое очарование романа, большая загадка.

«Сон в красном тереме» в наши дни уже не просто роман, а неотъемлемая часть жизни китайского народа и его культуры. В настоящее время в книжных магазинах можно приобрести DVD с записями выступлений Лю Синью, современного китайского писателя, где он говорит о связи романа с культурой, с современностью, подробно останавливается на образах некоторых героев романа. Кроме того, много можно почерпнуть из четырехтомного издания его лекций о «Сне», которые транслировались по центральному телевидению.

Неудивительно, что в век высоких технологий роман «Сон в красном тереме» занесен во всемирную сеть учеными и программистами Шэньчжэньского университета. Кроме того, текст сопровождается предметными указателями и указателями имен персонажей. Существует отдельный сайт (www.hongxue.org) посвященный только роману «Сон в красном тереме», где можно задать интересующие вопросы, познакомиться с новинками литературы в сфере изучения романа, прочесть новые публикации исследователей романа, пообщаться с поклонниками этого произведения (红迷). Ежедневно данный сайт посещает примерно 400 человек.

Более 20 лет назад была снята многосерийная телеверсия «Сна в красном тереме», тем самым роман стал ещё ближе народу, ещё доступнее. В настоящий момент проходит кастинг актеров на роли героев для нового сериала по мотивам произведения, который планируется начать снимать в ближайшем будущем. На сайте, который был упомянут выше, идут споры между любителями романа о том, кто из актеров больше подходит на ту или иную роль.

Многие задаются вопросом, возможно ли поставить точку в вопросе изучения романа «Сон в красном тереме» и если да, то когда это нужно сделать и нужен ли «Сон в красном тереме» китайцам в XXI веке. Думается, что даже если поставить точку сейчас, то в любом случае тот опыт, который уже был накоплен, то количество изданий, которые были опубликованы на данный момент – все это составит огромную базу для других исследований. Процесс изучения романа невозможно остановить целиком и полностью, потому что вопросы будут возникать у всех читателей в той или иной степени. «Сон в красном тереме» – это большая загадка. Несмотря на то, что роман внешне выглядит завершенным и окончательным, в нем осталось большое количество «недомолвок». И влияние романа на жизнь китайского народа до сих пор не ослабевает.

У китайцев есть одна отличительная черта: где бы они ни находились, с какой – бы культурой ни соприкасались и сколь сильно бы ни было влияние этой культуры на национальную культуру Китая, китайцы всегда и всюду остаются самими собой. Они как никто другие всегда помнят о своих корнях и несут свою культуру, свой особый «китайский дух» за собой всюду, куда бы они ни пошли. В настоящее время, говорят о китайском экономическом чуде, и интерес к Китаю растет день ото дня. Давайте же и мы обратимся к истокам этой удивительной нации, чтобы разобраться не только в прошлом китайцев, но и в их настоящем и ближайшем будущем.

Примечания

¹ Чэн, Цюн. Культура Китая через призму восприятия романа «Сон в красном тереме» / Цюн Чэн. – Куньмин : Нар. изд-во пров. Юннань, 2005. – 312 с.

² Лин Лин, О. Цао Сюэцинь и его роман «Сон в красном тереме» : учеб. материал к спецкурсу / О Лин Лин. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 82 с.

³ Цзоу, Голян. Красавицы-приманки : о женском искусстве управлять / Голян Цзоу. – Шэньчжоу : Хайтянь, 2005. – 284 с.

⁴ Фан, Мингуан. Девушки-цветы в красном тереме / Мингуан Фан. – Инчуань : Нинся, 2006. – 309 с.

⁵ Не, Ньюэсэнь. «Сон в красном тереме» – приподнимаемая завесу с темы любви / Ньюэсэнь Не. – Гуйлинь : Лицзян, 2005. – 218 с.

⁶ Се, Пэнсюн. Новые исследования героинь «Сна в красном тереме» / Пэнсюн Се. – Цзинань : Кн. об-во Чишэ, 2006. – 132 с.

⁷ Цао, Либо. Биография двенадцати Цзиньлинских шпилек / Либо Цао. – Пекин : Изд-во ун-та Цинхуа, 2007. – 252 с.

⁸ Ван, Мэн. О «Сне в красном тереме» / Мэн Ван. – Пекин : Авт. изд-во, 2005. – 244 с.

Инна Корнеева

Идеи семейного воспитания в литературе Кореи периода Чосон

Средневековое корейское государство Чосон (1392–1910) за основу правления приняло конфуцианство, базу которого составляли идеи о добросовестном ведении государственной службы и о правильном порядке в семейном быту. Таким образом, правительство рассчитывало обеспечить правильное функционирование общества.

Учитывая тот факт, что основную социальную единицу в корейском обществе периода Чосон составляли большие патриархальные семьи, кореец редко мыслил себя как изолированную сущность, он был сыном отца, отцом сына и т. д. Он был членом семьи, каждая семья имела главу, которому жена и другие родственники подчинялись. Каждый член семьи занимал определенную позицию, и все его действия согласовывались с нормами, установленными для этой позиции. Классическая трактовка семейного устройства того времени исходила из того, что семья – прежде всего звено в длинной цепочке бытия, направленной от предков к потомкам. Семью не рассматривали ни как средство социальной защиты, ни как средство реализации их индивидуальных устремлений. Семья считалась коллективом со своим уставом и задачами.

Главный смысл существования отдельного члена семьи виделся в том, чтобы содействовать укреплению ее жизнеспособности и расширению сфер влияния. Только заняв свою ячейку в семейном устройстве и выполняя должным образом свои функции, член семейного коллектива мог добиться уважения в семье и обществе.

Важным источником для изучения системы семейных отношений средневекового корейского образования, безусловно, является корейская художественная литература эпохи Чосон, в произведениях которой эта тема занимает одно из ведущих мест. Более того, именно литература пыталась показать значимость семьи для каждого человека и внушить необходимость соблюдения семейных традиций, доказывая тем самым, что только такой человек может называться человеком и заслуживает уважения со стороны окружающих.

В период Чосон конфуцианская традиция придавала семье огромное значение, ставя ее на первое место в списке коллективов, к которым принадлежал индивид. Многие философы-конфуцианцы поддерживали, развивали идею о том, что «человек тем и отличается от животных, что между отцом и сыном существу-

ет родительская любовь, между правителем и подданным – долг и справедливость, между супругами – разграничение, между друзьями – доверие»¹.

В произведении неизвестного автора эпохи Чосон «Записки о добрых деяниях и благородных сердцах» четко прослеживается мысль о свойственной миру гармонии, которая обеспечивается правильным социальным поведением в семье. Автор подчеркивает, что семейные и государственные дела тесно связаны между собой, поскольку государство представлялось большой семьей.

Так, в народной легенде о девушке Сим Чхон «Сподвижница Сим Чхон», где главная героиня стала примером дочерней почтительности, проводится очень важная для конфуцианства мысль о том, что главную роль в жизни любого человека играет семья и преданность родителям. Более того, в этом произведении содержится и мысль о том, что, семья играла даже более важную роль, чем государство: «Если не будет порядка в семье, не будет мира и покоя в стране: «Я погиб из-за любви к правителю, а ты, Сим Чхон, погибнешь из-за любви к отцу – ведь преданность государю и преданность отцу одно и то же!»²

«Подвижница Сим Чхон» – это история о девушке из бедной семьи, которая пожертвовала собой ради исцеления слепого отца. В легенде рассказывается о том, как дочь слепого бедняка решила продать себя китайским купцам, чтобы заплатить настоятелю буддийского монастыря, который обещал исцелить отца. Купцы были настолько поражены ее преданностью и любовью к отцу, что не могли сдержать слез и восхищения, назвав девушку беспримерно любящей и преданной дочерью. В этой связи необходимо отметить тот факт, что героизм и самоотверженность, проявленные в семейных отношениях, рассматривались государством как достойные награждения в такой же степени, как и выдающиеся поступки, совершенные при исполнении общественных обязанностей:

Интересно, что в литературе периода Чосон семейная тема находит свое отражение во многих произведениях. Все это свидетельствует о том, что именно в этот период семья стала коллективом номер один, а конфуцианские идеи семейного воспитания легли в основу общественного порядка и государственного устройства. Все они были тесно связаны между собой: то есть правила уважения к старшим в семье переносились и на взаимоотношения в обществе. В этой связи интересны рассуждения главного героя романа известного корейского писателя эпохи Чосон Ким Манчжуна «Облачный сон девяти». Высокопоставленный чиновник Ян Сою с высоты прожитых лет, рассуждая о взаимоотношениях между государем и подданными, высказал мысль о том, что государь и подданный все равно что отец и сын, и пусть сын плохой и бездарный, все равно родительское сердце радуется, когда сын рядом с ними, и тревожится, если он выходит за ворота³.

Устройство семьи повторяло устройство государства, законы которого увязывались с нравами, царящими в семье. Основой порядка в семье была сыновняя почтительность. В свою очередь, правила уважения к старшим в семье переносились и на взаимоотношения в обществе. Из произведения художественной литературы можно узнать о том, что мудрый человек в традиционном корейском обществе никогда не забывает, от кого он происходит; памятуя об этом, он совершенствует свою почтительность и любовь и прилагает все усилия к тому, чтобы воздать должное уважение своим родителям. В уже известной нам легенде молодая девушка отказывается от покровительства богатой и влиятельной дамы, объясняя это тем, что ей необходимо одевать и кормить своего слепого отца и она не может оставить его одного.

Таким образом, автор пытается донести читателю мысль о том, что каждый человек должен заботиться о тех, кто его вырастил, а тем более, должен быть благодарен своим родителям. Для примера приведем слова одного из героев произведения неизвестного автора «Облачного сна девяти»: «А теперь я занимаю посты главнокомандующего и первого министра, имею богатства владетельных князей и вершущу государственные дела, но не спешу к своей матери. Я поселился в палатах, изукрашенных киноварью и лазурью, а моя матушка живет в жалкой лачуге. Я наслаждаюсь яствами за огромным столом, а матушке не хватает даже простой еды. Я – знатен и богат, а свою мать держу в нищете. Я не соблюдаю принципов отношений между людьми – нарушаю долг сына». Мучает молодого человека его неспособность исполнить сыновний долг. Он переживает, что не может проявить заботу о своей матери. Он женат на дочери государя, занимает высокий пост и пользуется уважением, но неисполненный сыновний долг терзает его душу. Дети обязаны были, прежде всего, заботиться о родителях.

Родители имели абсолютную власть, и отношения с ними строились на основе безусловного подчинения и уважения. Ценность человека измерялась степенью сыновней почтительности, и если человек нарушал норму, регламентирующую те или иные отношения, он вызывал всеобщее осуждение. Для примера приведем слова одного из героев произведения «Записки о добрых деяниях и благородных сердцах»: «Однако мое преступление тяжелее всех других преступлений: я не выказал почтительности к родителям. А разве можно простить такое?»⁴

Почтительность являлась ответом на заботу родителей, одновременно выражением желания продолжить волю родителей. Дети стремились строить свою будущую жизнь в единстве с волей родителей. Существует большое количество памятников любящим сыновьям и дочерям, а также множество историй о них, о чем упоминает в своем монологе главная героиня народной легенды «Сподвижница Сим Чхон»: «Не говорите так, отец! Вспомните-ка о делах прошлого: Ван Сян растопил лед на реке теплом своего тела и достал карпов; Мэн Цзун пролил слезы в лесу, и из-под снега показались побеги бамбука. Вот образец сыновней почтительности и любви! Но любовь и преданность родителям умели хранить не только в древности»⁵.

Из монолога девушки мы видим, что в корейской истории традиции сыновней почтительности передавались из поколения в поколение. Наибольшую значимость конфуцианские идеи сыновней почтительности приобретают в эпоху Чосон, когда конфуцианство сделали основой государственной идеологии, а нормы уважительного отношения к старшим стали основой порядка и гармонии в семье. Все эти нормы стали основой воспитания в семье, которое осуществлялось в соответствии с общественной моралью.

Сыновняя почтительность и уважение к старшим считались основой порядка и мира в семье и государстве. Это и стало основой семейного воспитания в эпоху Чосон. Воспитанию придавалось очень важное значение. Воспитание, по мнению литераторов эпохи Чосон, и было тем, что отличало людей от зверей и птиц.

Воспитанием ребенка занимались еще до рождения. Женщина должна была соблюдать множество правил и запретов, которые в свою очередь должны были оказать благоприятное влияние на формирование личности ребенка.

Правила поведения должны были соблюдать не только будущие матери, но и будущие отцы: нельзя спать рядом с беременной женщиной, нельзя сидеть рядом, нельзя есть невкусную пищу, нельзя даже притрагиваться к тем блюдам, которые некрасиво оформлены и др.

Корейцы верили, что если заложить прекрасную воспитательную базу для ребенка, уже в период пока он находится в утробе матери, в будущем ребенок будет полностью отвечать всем требованиям, предъявляемым конфуцианской традицией. Интересные в этом ключе рассуждения одного из литературных героев эпохи Чосон, о том, что если супруги не соблюдают долга и не ставят высоко человеческое достоинство, могут ли родившиеся у них дети стать настоящими людьми.

Многое в воспитании ребенка зависело и от самих родителей, которые должны были стать примером во всем. Молодая девушка, выйдя замуж, очень страдала от невоспитанности мужа, пытаясь заставить его измениться и вразумить его словами древних мудрецов о том, что в конопле и полынь перестает быть горькой. Насколько емко и четко данное выражение передает сущность конфуцианских принципов воспитания в семье.

После рождения ребенок получал собственную позицию в семейной иерархии, которая во многом определяла будущую жизнь. С самого рождения ребенок должен был воспитываться в соответствии со своим будущим предназначением в семье.

Родители четко следовали конфуцианской традиции, поэтому методы воспитания первого сына отличались от методов воспитания второго. В семье братья четко знали свое положение и предписанные им нормы поведения, в которых все подчинялось закону старший-младший. Об этих идеях пишет неизвестный автор в произведении «Записки о добрых деяниях и благородных сердцах»: «Я ведь тоже человек и может ли такое не обижать меня? Цин, конечно, лучше меня и характером, и поведением, но зачем же батюшка заставил меня встать перед ним на колени и велел всему у него учиться? Видано ли было в Поднебесной, чтобы старший брат учился у младшего?!»⁶

Герой другого произведения о двух братьях Хынбу и Нольбу очень почтителен к старшему брату, и не смеет осуждать его за несправедливость и неуважительное отношение к младшему брату и его семье. Европейский читатель может быть удивлен тому, как терпеливо младший брат Хынбу сносит побои и унижения. Он знает, что в основе жизни лежит конфуцианская заповедь об отношениях старшего и младшего, и следует ей. Счастливый конец истории о двух братьях обеспечивается, прежде всего, соответствующим поведением младшего брата Хынбу, когда он остается верным и преданным старшему брату.

Роль старшего и младшего имела значение не только при воспитании мальчиков, но и при воспитании девочек. Конфуцианство строго определяло роль каждого члена семьи. Об этом пишет Ким Манчжун в произведении «Облачный сон девяти», У императора была родная дочь, и когда императорская семья приняла решение удочерить девушку Чон, двум девушкам предстояло определить, кто будет старшей. Обе девушки спокойно приняли ситуацию и распределили положение по исходным данным о времени рождения. Теперь у каждой была своя позиция в семье, в соответствии с которой они должны жить и вести себя. Объяснение этому можно найти в словах супруги императора: «Старшая дочь всегда выше, а младшая ниже, таков порядок и скромничать тут ни к чему!»⁷

Авторитет старшего всегда был неоспорим. Человеку оставалось только следовать нормам поведения, и ни в коем случае нельзя было проявить личные чувства и противостоять словам старшего. Таким образом, проблемы социальной гармонии в корейской литературе обсуждаются в произведениях, посвященных семейным отношениям.

Сама идея социальной гармонии, основанной на нормах культа предков и сыновней почтительности, огромная регулирующая и дисциплинирующая роль

церемониального ритуала, отрабатывались в Корее многими веками и нашли свое отражение в принятых стереотипах поведения и речи и сложившемся на этой основе социальном генотипе, характерном для корейского общества.

Примечания

- ¹ История корейской философии. – М., 1966. – С. 69.
- ² Корейские классические повести XVII–XIX вв. – М., 1990. – С. 228.
- ³ См.: Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. : среднев. корейская проза. – Л., 1985. – С. 419.
- ⁴ Записки... – С. 171.
- ⁵ Корейские классические повести... – С. 213.
- ⁶ Записки... – С. 109.
- ⁷ Записки... – С. 76.

Светлана Пронина

Социокультурные особенности функционирования современных корейских диалектов

Взаимоотношение литературного языка и диалектов Корейского полуострова является актуальным вопросом на сегодняшний день, так как взаимные контакты диалектов, а также смешение их с литературным языком приводят к появлению новых языковых форм, которые используются в настоящее время в речи корейцев. Эти явления привлекают внимание исследователей не только в области корейской диалектологии, но и социолингвистики.

Источником написания данной статьи послужила работа южнокорейского исследователя Ли Чонмина «Литературный язык и диалекты. Их взаимные контакты и отношения».

В настоящее время под влиянием средств массовой информации, беспрепятственного перемещения населения внутри страны, а так же общедоступного образования, происходит интенсивное смешение диалектов корейского языка. Однако, этот процесс начался еще в 60-х гг. XX столетия. Во время Корейской войны началось активное движение населения с севера на юг. В результате этого начался процесс смешения северо-корейских диалектов с южнокорейскими.

Увеличился поток из рыбацких и сельскохозяйственных деревень в город с целью найти работу. Что также способствовало смешению диалектов и их взаимопроникновению. Кроме того, молодые люди, приходя в армию, встречались там с выходцами из разных провинций Кореи, являвшихся носителями разных диалектов, и, естественным образом, осваивали все диалекты. «Одним из примеров такого смешения является выражение: (только я один). Оно появилось в результате смешения двух выражений: (провинция Чхунчхон) и (провинция Чолла)» [2. С. 254].

В настоящий момент в первую очередь происходит смешение центрального диалекта с другими диалектами. Так, на восточном побережье Кенсана в речи молодежи широко используется вопросительное окончание, которое употребляется только с вопросительным словом и является ярким примером заимствования из центрального диалекта. Например: Чей это дом?

Особенности диалектов и их взаимосвязь выявляется в фонетике, лексике, в интонации и в грамматике. Но самая главная особенность, которая характеризует диалект- это специфическая интонация. Носитель диалекта, даже освоив литературный язык, часто непроизвольно сохраняет в речи интонацию диалекта.

Наличие и отсутствие тонов, разница в фонетических средствах, то есть замена одного звука другим в диалектах корейского языка нередко приводит к орфографическим ошибкам. И хотя диалект не имеет своей письменной формы, тем не менее, из-за недостаточного владения литературным языком, многие корейцы пишут слова так, как те звучат на их собственном диалекте. Например, слово (пров. Кенсан), которое является аналогом литературного слова (красивый). Или (музыка) – диалектный вариант литературного слова (пров. Кенсан).

Существует много случаев, когда диалекты оказывают влияние на литературный язык. Так, носитель диалекта, говоря на нормативном языке, сохраняет интонацию своего диалекта или использует окончания, падежи, частицы того же. В подобных случаях появляется так называемый «смежный язык», который возникает в результате интерференции между литературным языком и диалектами. Этот язык еще называют «промежуточным». «Он являет собой вариант упрощенного языка, возникшего в результате языкового контакта между диалектами и литературным языком» [2. С. 256]. Промежуточный язык легко занимает свое место в языковой системе и часто используется в устных речевых контактах.

Если говорить о способности корейцев различать и понимать диалекты разных провинций, то по результатам социологического опроса, проведенного южнокорейским лингвистом Ли Чонмином, можно выделить четыре основных диалекта, которые южные корейцы наиболее четко различают: сеульский диалект или диалект провинции Кенги, диалект провинции Кенсан, диалект провинции Чолла, диалект провинции Чхунчхон. А также диалекты именно этих провинций очень часто можно услышать в разговорной речи. Отдельно выделяют диалект о. Чеджудо, который можно отличить от других диалектов, но понять его трудно.

«Что касается трудностей в понимании друг друга носителей диалектов, то 75 % респондентов заявили, что возникают трудности в понимании диалекта о. Чеджудо. На втором месте по сложности восприятия диалектов находится диалект провинции Кенсан. Он трудно воспринимается на слух из-за тоновых особенностей произношения. Третье место принадлежит диалекту Чолла» [2. С. 257].

Следует упомянуть о диалекте провинции Канвондо. Она граничит с пятью провинциями: Хамген, Хванхэ, Кенги, Чхунчхон, Кенсан. Таким образом, по данным социологического опроса выяснилось, что этот диалект не имеет каких-либо специфических особенностей, характерных только для этой провинции, и поэтому, не представляет для южных корейцев трудностей в понимании его.

Причинами того, что большая часть опрошенных не различает диалекты Северной Кореи, является то, что вот уже более 50 лет население юга Кореи практически не имеет ни контактов с северокорейцами, ни доступа к средствам массовой информации Северной Кореи и забыло все особенности диалектов северной части полуострова.

Большинство носителей разных диалектов корейского языка во время общения говорят медленно и четко, несложными выражениями и у них не возникает трудностей в понимании друг друга.

Для того, чтобы выяснить, как относятся корейцы к разным диалектам и литературному языку, Ли Чонмином были выбраны выражения, которые дают характеристику речи каждого диалекта: приятная для слуха, неприятная для слуха,

надежная, жизнерадостная, с оттенком провинциальности, резкая, спокойная, лукавая, солидная, с оттенком воспитанности, сердитая. Причем респонденты могли выбрать несколько характеристик для описания восприятия диалекта той или иной провинции. Всего было опрошено 82 школьника старших классов и 35 студентов и аспирантов, которые являются выходцами из разных провинций, но в настоящее время проживают в Сеуле.

Отношение корейцев к разным диалектам

объект	характеристика речи	процент опрошенных
Кенсан	жизнерадостная	20 %
	резкая	18 %
	неприятная для слуха	20 %
Чолла	спокойная	8 %
	лукавая	33 %
	неприятная	35 %
о. Чеджудо	с оттенком воспитанности	5 %
	с оттенком провинциальности	17 %
	неприятная	24 %
Чхунчхон	солидная	22 %
	с оттенком провинциальности	25 %
	неприятная для слуха	17 %
Литературный язык	приятная	75 %
	лукавая	11 %
	спокойная	47 %

Как видно из вышеприведенной таблицы, большой процент опрошенных положительно отозвался о литературном языке, назвав его «приятным» и «спокойным».

Литературный язык исторически сформировался из разных диалектов. В Южной Корее литературным считается язык, сформировавшийся на основе сеульского говора и центрального диалекта. Он носит высокий социальный статус, так же как и литературный язык в других странах.

Литературный язык является не только общепринятым языком в Корее, но и играет важную роль в психологии корейцев, наравне с диалектами.

На вопрос «Можно ли узнать характер человека по тому диалекту, на котором он говорит?», примерно 40 % корейцев ответили, что можно догадаться об этом. 30 % заявили, что в какой-то степени можно узнать некоторые черты характера, 20 % опрошенных сказали, что это невозможно. Таким образом, по результатам опроса можно сделать вывод, что по диалектной речи можно предположить или узнать в какой-то степени характер говорящего.

Как оказалось, немаловажную роль диалекты играют при выборе спутника или спутницу жизни. На вопрос: «На каком диалекте вы бы хотели, чтобы говорил ваш супруг или супруга?» были получены разные ответы. 70 % студенток с о. Чеджудо и 70 % школьников старших классов провинции Кенсан ответили, им бы хотелось, чтоб их вторая половины говорила на литературном языке. К такому ответу присоединилось и 80 % девушек из провинции Канвондо. Лишь 15–20 % опрошенных ответили, что предпочитают, чтоб их вторая половины говорила на их родном диалекте. 45 % мужчин о. Чеджудо придерживаются такого же мнения. Только три студента (уроженцы о. Чеджудо), которые учатся в Сеуле, желают, чтоб их супруг или супруга говорили на литературном языке». Таким образом,

большая часть респондентов (60 %) предпочитает иметь спутника жизни, владеющего литературным языком.

На вопрос: «Какое впечатление производит на вас литературная речь?» – респонденты ответили: «Мне неприятно ее слушать», «Ничего особенного», «Обыкновенная». Большинство служащих, студентов и школьников провинции Чолла, которые принимали участие в социологическом опросе, стараются по-прежнему использовать диалект в общении друг с другом. Особенно к этому склонен женский пол. Хотя они намного хуже отзываються о своем диалекте, чем мужской пол.

Использование диалектов в сериалах и фильмах вызывает большой интерес у младшего поколения, особенно у школьников.

В отличие от диалектов русского языка, которые не имеют столь важного значения в обществе и о наличии которых известно лишь исследователям, изучающим русский язык, диалекты корейского языка имеют важное значение не только для лингвистов, но и для обычных людей. Диалекты корейского языка вызывают чувство гордости у носителей диалектов, и каждый кореец при любом удобном случае старается говорить на нем.

Корейские диалекты имеют свои ярко выраженные специфические особенности (интонация диалекта в провинции Кенсан, диалект о. Чеджудо, который очень трудно понять не только иностранцам, но и корейцам и т. д.) и показывает самобытность, значимость, гомогенность одной административной единицы. Каждый диалект имеет свою систему. Нельзя однозначно сказать плохо это или хорошо. Правительства Кореи осуществляет политику сохранения диалектов

Несмотря на политику сохранения диалектов, все больше и больше происходит изучение литературного языка носителями диалектов. И с течением времени характерные особенности каждого диалекта, возможно, постепенно будут утрачены. Поэтому, в настоящее время в Южной Кореи проводятся интенсивные изучения диалектов корейского языка.

Список литературы

1. 이승재. 방언 연구. 서울:태학사. 2004.
2. 김정섭. 사투리의 자리매김. 한글 새소식 № 313, 서울: 한글 학회. 1998.
3. 이정민. 표준어와 방언의 접촉과 혼합.

Юлия Москаленко

Корейская поэзия в период японского правления

Период японского правления (1910–1945 гг.) был весьма значимым для развития литературы Кореи в XX столетии, поскольку ее формирование было обусловлено не только особенностями развития литературного процесса в этой стране, но и особенностями социально-политической ситуации, господствовавшей на Корейском полуострове на рубеже XIX–XX вв.

Написание данной статьи имело своей целью формирование представлений о творческой деятельности современных корейских поэтов в период японского присутствия. Для достижения этой цели целесообразно вспомнить непростую по-

литическую обстановку, сложившуюся на Корейском полуострове в конце XIX – начале XX в.

В 1876 г., отказавшись под давлением Японии, Франции, Англии, США и России от политики самоизоляции, корейское государство оказалось в сфере влияния европейской цивилизации, ориентиром при определении направления дальнейшего развития культуры в Корее были избраны западные идеалы и опыт Японии в их усвоении [4. С. 26].

После аннексии, произошедшей в 1910 г., Корея попала под контроль Японии. В результате последовавших за этим событием изменений в социально-политической и культурной ситуациях, был дан новый толчок ускоренному развитию, как литературы, так и другим сферам деятельности. Корейское общество подверглось влиянию процессов вестернизации и модернизации, которые коснулись практически всех областей жизни корейского народа. В Корею через Японию огромным потоком начала проникать европейская культура и литература, страна начинается знакомиться с литературными произведениями виднейших поэтов и писателей Запада.

Н. И. Конрад отмечает, что зачастую европейская литература проникала в страны Востока в своем собственном облике, то есть в подлиннике, и проникновение в таком случае происходило через отдельных писателей [3. С. 320]. Многие молодые корейцы, в частности, такие известные корейские поэты и писатели, как Ю Гильчун (1856–1914), Ким Ок (род. в 1896), Ли Гвансу (род. в 1892), Ким Донин (1900–1951), Ём Сансоп (1897–1963), На Дохян (1902–1927), Ким Соволь (1902–1934), Хан Ёнун (1879–1944), а также многие другие уезжали учиться в японские университеты («Васэда», «Кэйо» и др.) на литературные и философские факультеты, где получали возможность познакомиться с западноевропейской, американской и русской литературами. Большая часть корейской молодежи, обучавшейся в японских университетах, принадлежала к аристократии, они первыми смогли познакомиться с кипением культурной жизни в Японии, которое, безусловно, завораживало и восхищало. Таким образом, корейский народ начал знакомство с мировым культурным наследием.

Литература Запада оказала огромное влияние на становление современной корейской поэзии. Такие течения, как романтизм, символизм, натурализм, реализм и модернизм были перенесены на корейскую почву, что позволило многим молодым литераторам найти новые средства изображения, при помощи которых они вполне адекватно могли передать мироощущение человека XX столетия [1. С. 6].

Как утверждал А. И. Герцен «У народа, лишенного общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести» [2. С. 198]. Благодаря стихотворным произведениям поэтов периода присутствия Японии на территории Корейского полуострова можно проследить непростой путь развития корейской литературы, в частности поэзии, в первой половине XX в.

Корейские патриоты, не желавшие мириться со сложившимся положением, пытались найти убежище в Маньчжурии и Китае, где публиковали статьи, порицающие японское правление. Многие статьи и литературные произведения, написанные в тот период, были опубликованы в периодических изданиях других стран (Маньчжурии и Китая), поскольку только в них корейские поэты и писатели со всей откровенностью могли передать свое отношение к протекторату Японии, ее всеобъемлющей власти и контролю.

Но на Корейском полуострове дела обстояли совсем иначе. Японское правительство не разрешало никакого рода национально-освободительной деятельности. Газеты и журналы находились под чутким наблюдением цензуры, все рукописи подвергались досмотру. Многие из них были конфискованы, а их авторов «вызывали в суд» и заключали в тюрьму. Таким образом, корейские поэты периода японского правления должны были найти обходный способ выражения своего противостояния. Любовь к нации и стране они выражали посредством восхваления пейзажей и исторических фигур своей родины, а для того чтобы показать отношение к японскому государству и передать тоску по независимости, мастера поэтического слова использовали символику поэзии.

Одним из поэтов, выделявшихся антияпонскими настроениями, был Хан Ёнун (1879–1944). Когда он начал творческую карьеру ему было уже за сорок лет, он был буддистом, участвовал в корейском освободительном движении, и являлся одним из тридцати трех лиц, подписавших Первомартовскую «Декларацию независимости» («Тоннип сонон», 1919), а также автором одной из ее частей.

Поэтический сборник Хан Ёнуна «Молчание любви» («Ниме чхиммук») был опубликован в мае 1926 г. До этого момента его личность в качестве поэта была никому не известна, поэтому для большинства людей этот сборник стал неожиданностью по двум причинам. Во-первых, потому что этот сборник «вышел из под пера» Хан Ёнуна, а во-вторых, потому что стихотворения, вошедшие в этот сборник, «поражали многочисленностью и сложностью метафор, столь не характерных для традиционной корейской поэзии» [5. С. 65].

В стихотворных произведениях первой части сборника показана пронизательность и интуиция поэта как буддийского монаха. В двадцать шесть лет он постригся в монахи и взял имя Манхэ, одно время в Японии в колледже Комаева изучал буддизм, западную философию [5. С. 64].

В сборнике есть стихотворения, посвященные кисэн (в старой Корее: женщина, прислужившая мужчинам на пирах и развлекавшая их пением и танцами) периода правления династии Ли (1392–1910), которые, пожертвовали своими жизнями ради страны и народа и убили вражеских командиров в период японского вторжения в середине правления династии Ли.

Тот факт, что Хан Ёнун в выборе поэтической темы остановился на этих кисэн, особо отчетливо показывает его национальный дух и проявление позиции неприятия господствующего положения Японии на территории Страны утренней свежести. Есть и другие поэтические произведения, в которых обнаруживается его национальное сознание, хотя оно искусно завуалировано при помощи аллегорической формы. В слове «Молчание» отображается жизнь корейского народа в период корейского литературного сопротивления всеобъемлющему влиянию Японии.

Сборник стихотворений Пён Ённо (1897–1961) «Разум Кореи» по своей теме и настрою близок поэтическому сборнику Хан Ёнуна, хотя он, в отличие от последнего, был написан хорошо известным к тому времени поэтом. Поэтические произведения Пён Ённо и до появления этого сборника уже печатали во многих журналах и газетах. Название самого сборника также многозначительно. Сборник начинается так:

Где отыскать мне разум Кореи?
Может в пещере или на дне морском?
Может порыться в густых ветках ив?
Или всмотреться в далекий свод небес?
О! Где же отыскать мне разум Кореи? [6. С. 55]

Как и Хан Ёнун, поэт Пён Ённо писал стихотворные строчки, посвященные патриоткам-кисэн.

Священная ярость
Намного полнее веры,
А пылкая страсть
Мощнее любви.
О! на волне, что лазурней цветения бобов
Плывет сердце, что маков алее.
На дрожащем в выси
выступе скалы,
Ее губы цвета граната
Поцеловали смерть.
О! на волне, что лазурней цветения бобов
Плывет сердце, что маков алее.
Стремительно бегущая река
Неизменно будет небесной,
Так неужели же цветущая душа твоя
Не будет вечно алой?
О! на волне, что лазурней цветения бобов
Плывет сердце, что маков алее [б. С. 56].

Как только этот сборник был опубликован, он сразу же был конфискован японскими властями, поскольку они не могли позволить распространиться произведению, полного идей о защите национального духа своего государства.

Поэт Ли Санхва (1901–1943), обнаруживший в своем поэтическом творчестве тенденцию к сопротивлению японскому колониализму и создавший несколько лирических произведений, появился на литературной арене в то же самое время, что и Пён Ённо.

Ли Санхва родился в г. Тэгу, провинция Северная Кёнсан (Республика Корея). После окончания обучения в школе в Сеуле, он в 1923 г. отправился в Токио и стал изучать французский язык в школе иностранных языков. В тот год он испытал на себе и землетрясение, произошедшее на территории Страны восходящего солнца и избиение коренными жителями Японии корейских студентов и иммигрантов. Ли Санхва тогда чудом избежал драки. Можно сказать, что эти события стали неким поворотным моментом, сильно изменившим направление его литературных произведений: существовавших прежде сентиментальных и упаднических тенденций в его творчестве более не стало. Во всех произведениях более позднего периода доминирующим стал национальный дух, прорывающийся наружу. «Придет ли весна на отнятые поля?» («Пэаткин тыредо помын онынга?», 1926) – одно из лучших антияпонских стихотворений поэта Ли Санхва колониального периода.

Придет ли весна на украденные поля – теперь чужие земли?
Греясь в солнечных лучах,
По меже-пробору, словно во сне, шагаю
Туда, где зеленые поля с синим небом сливаются.

Эй, небо и поля, хранящие молчание,
Вы поманили меня или кто-то позвал – ответьте!
Чувствую, я оказался тут не случайно.

Ветер что-то шепчет мне на ухо,
Полы одежды треплет – не велит замедлять шаг.

А в облаках радостно, словно девушка из-за ограды,
Смеется жаворонок.

Благодатные поля ячменя
Мелким дождичком, пролившимся за полночь,
Копны волос промыли, просветлела и моя голова.

Шагаю в свое удовольствие!
Добрый овраг огибает, обнимает сухие поля,
Напевая колыбельную песню, убегает, покачивая плечами.

Бабочки и ласточки, не смейтесь,
Поздоровайтесь с цветами в поле.
Приятно смотреть на нивы, что женщины, смазавшись
Маслом, пололи.

Дайте мне в руки мотыгу!
Землю, мягкую, словно полная грудь,
Хочу топтать, пока не побежит пот, пока лодыжки не заноят.

Словно ребенок на берегу реки,
Без сна, без отдыха мятущаяся душа,
Что ищешь? К чему стремишься? Ответь!

Всем телом чувствуя свежей зелени запах,
Туда, где сливаются зелени грусть и смех синевы,
Весь день бреду, ожиданьем весны объятый.

Но, может быть, вместе с полями украдена и весна... [5. С. 62]

При жизни ни один из сборников этого автора не был опубликован, но в его родном городе воздвигнут памятник, посвященный его поэтическому мастерству, благодаря которому на свет появилось немало замечательных стихотворений, отражавших мысли, чувства, переживания не только одного поэта, но целого народа. Его имя еще не одно поколение будет жить в сердцах и умах корейского народа.

Вспоминая поэтов, выразивших антияпонские настроения, нельзя пропустить фигуру поэта Сим Хуна (1901–1936). Он создавал не только поэтические произведения, но также писал романы, драмы, сценарии для фильмов, был режиссером, писал рецензии на фильмы, и даже сам снимался в кино. Помимо сценариев он сочинил несколько романов, которые в современном литературном мире Кореи были оценены по достоинству. Самым показательным произведением в его литературной деятельности считается «Вечнозеленое растение» («Санноксу», 1935), где главной темой является народное движение, подвигнувшее интеллигенцию вернуться на родину, страдающую от нищеты, эксплуатации, и жить вместе с просвещенными крестьянами, чтобы увеличить национальную силу.

Время от времени Сим Хун писал стихотворные произведения не похожие на его прозаические творения, где национальное сознание выражалось в непрямой, уклончивой форме, тогда как стихотворения довольно открыто передавали его стремление к национальной независимости:

Когда наступит тот день
Встанет гора Самгак и начнет танцевать
И поднимется течение реки Хан.

Если тот день наступит раньше, чем я умру
Буду, словно ворона, ночью парить
И биться в колокол своей головой.
Кости черепа разлетятся повсюду,
Но я в полном веселье умру.

Когда, наконец, наступит тот день,
Я проскачу на своем Боливаре и закричу,
А если радость все же будет продолжать давить грудь
Возьму нож, сорву кожу
И смастерю барабан волшебный
И пойду вместе с ним в авангарде вперед.
Ну что за процессия!
Позволь хоть раз услышать этот громахающий возглас,
И я навеки закрою глаза [7. С. 57].

«Самгак» и «Хан» – это настоящие названия горы и реки в Сеуле, поэтому, когда поэт говорит, что гора и река «встанет и будет танцевать», он имеет в виду тот день, когда корейский народ, освободившись от японского правления, будет ликовать. В своем произведении Сим Хун высказывает мысль, что он охотно умрет, когда этот день наступит. Колокол Чонно – это традиционный символ для корейских людей, используемый в национальных фестивалях. Фразой «буду бить в колокол головой» он абсолютно четко показывает, насколько сильным является его стремление отстоять национальную независимость своей страны.

Неудивительно, что его поэтические сборники не могли быть опубликованы в тот период. Однажды Сим представил японскому правительству на рассмотрение свои рукописи с намерением опубликовать их, но они сразу же были изъяты, а наблюдение за ним стало более жестким. Его творения, проникнутые идеями национальной независимости появились уже после освобождения Кореи, произошедшего в 1945 г., и после смерти поэта.

В период японо-китайской войны (1894–1895 гг.), в самый разгар японской агрессии японцы усилили давление на Корейском полуострове. В дополнении к корейскому языку они отменили во всех школах изучение истории Кореи, и даже географии. Затем они наложили запрет на публикацию частных журналов и газет, издававшихся на корейском языке, и даже статьи, касающиеся корейской истории, культуры, искусства, написанные на японском языке, не утверждались цензурой и не издавались. Несколько тысяч экземпляров учебников, книг по истории и прочее, что указывало на то, что в прошлом Корея была независимой и сопротивлялась японскому вторжению, было уничтожено. Все обучение в школах должно было вестись на японском языке, который вскоре после аннексии стал официальным государственным языком в Корее, а преподаватели учебных заведений должны были носить японскую униформу. Таким образом, можно сказать, что такая сложная обстановка на территории страны отразилась не только на жизни корейского общества в целом, но и на развитии литературы. Однако даже в этот мрачный период были поэты, воспевавшие Корею в своих песнях и призывавшие содействовать движению независимости Кореи. Одним из них был Ли Юк Са (1904–1944).

Ли Юк Са родился в г. Андон, в провинции Северная Кёнсан. Он изучал социологию в Пекинском университете, так что со своей профессией он без труда мог найти высокооплачиваемую работу в правительстве, но все-таки предпочел преследование и тюремное заключение за свою литературную деятельность, направленную на отстаивание независимости Корейского полуострова:

Здесь снежная белизна
И аромат сливовых цветков не близок.
Я засеваю песен семена,
Те, что даже через тысячи лет,
Сверхчеловек на белом коне
Будет петь в полный голос
в этой пустыне [7. С. 57].

В этом стихотворении эта снежная пора, несомненно, указывает на долгий и мрачный период в жизни Кореи. Цветение сливы обычно используется как символ праведного духа, таким образом, можно полагать, что эти поэтические строки – своеобразная песня зачинателей независимого корейского движения.

Как бы тяжело ни складывалась жизнь корейского народа в период правления Японии на территории Кореи, нужно отметить, что именно японские художественные переводы познакомили многих молодых талантливых корейских поэтов, находившихся в поиске нового способа выражения чувств, с творчеством современных западных авторов. Малларме, Рембо, Верлен, Бодлер и другие французские символисты – те западные поэты, чьи творения охотно переводились как с оригиналов, так и с англоязычных адаптаций.

После поражения движения за независимость 1 марта 1919 г. состояние крайней безнадежности охватило многих людей в Корее. В 20-е гг. появилось несколько литературных журналов, проникнутых декадентскими настроениями: «Руины» («Пхэхо»), «Белый прилив» («Пэкчо»), «Сотворение мира» («Кэбёк») и другие [7. С. 11]. В то время молодые поэты и писатели, подражая европейскому декадансу, с оттенком нигилизма писали о слезах, вздохах, скорби, печали, болезни, сожалении и смерти. Единственным оправданием для таких произведений являлся тот факт, что они абсолютно точно соответствовали острым переживаниям всего корейского народа.

Все страны в то или иное время проходили через этапы перемен, так что Корея не стала исключением. Страна, находившаяся в полной изоляции от внешнего мира и плодов его цивилизации, столкнулась с воздействием новых веяний, привнесенных как со стороны Японии, так и со стороны Запада. Корейское общество получило возможность воспринимать реалии других культур, познакомиться с литературным наследием других стран, заимствовать передовой опыт у западных государств, что, разумеется, не всегда вызывало восторженные отклики у достаточно большой части населения.

Гипердинамичный процесс вестернизации и модернизации пробудил необходимость обращения к произведениям западной литературы, которые оказали значительное влияние на развитие современной корейской литературы, в частности, поэзии. Поэтическое творчество корейских поэтов, сумевших соединить в своих произведениях Запад и Восток, где далеко не последняя роль отводится Японии и ее почти полувековому влиянию на развитие Корейского государства, приобретает особо значимый характер. Испытав сильнейшее влияние западноев-

ропейской литературы, корейские авторы сумели создать свою незаурядную творческую концепцию, придававшую неповторимость их произведениям.

Примечания

¹ Бреславец, Т. И. Литература модернизма в Японии / Т. И. Бреславец. – Владивосток : Дальнаука, 2007. – 254 с.

² Герцен, А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 7 / А. И. Герцен. – М. : Худож. лит., 1956.

³ Конрад, Н. И. К вопросу о литературных связях / Н. И. Конрад // Запад и Восток. – М. : Наука, 1972. – 18 с.

⁴ Солдатова, М. В. Становление национальной прозы в Корее в первой четверти XX в. / М. В. Солдатова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – 188 с.

⁵ Солдатова, М. В. Современная литература Кореи / М. В. Солдатова, К. А. Пак. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. – 284 с.

⁶ Kim, Yong Jik. Korean poetry under Japanese rule / Yong Jik Kim // Korea Journal. – 1973. – Vol. 13. – № 9. Sep. – P. 54–59.

⁷ Kim, U Chang. The situation of the Writers under Japanese colonialism / U Chang Kim // Korea Journal. – 1976. – Vol. 16. – № 5. May – P. 4–15.

Ксения Санина

Пути развития неоромантизма в современной японской литературе

Начало XX в. ознаменовалось для японской литературы господством направления, известного как «натурализм» (сидзэнсюги). Исследователи выделяют два этапа развития натурализма в Японии: «ранний натурализм» (дзэнки сидзэнсюги) и «поздний натурализм» (коки сидзэнсюги). Ранний натурализм «сформировался к 1900 г. под прямым, но непоследовательным влиянием Э. Золя, а поздний натурализм породил произведения, характеризовавшиеся подробным описанием частной жизни их авторов, без выделения более широкого спектра социальных проблем, что было неременной отличительной чертой европейского натурализма»¹. Этапом формирования и укрепления натурализма в Японии принято считать временной отрезок с 1902 по 1907 гг., который явился «точкой отсчета для развития современной японской литературы»¹.

Представителями «позднего натурализма», создавшими своеобразный жанр «эгоромана» (ватакуси сёсэцу), были Симадзаки Тосон (1872–1943), Таяма Катай (1872–1930), Масамунэ Хакутё (1879–1962). Публикация романа Таяма Катай «Постель» («Футон», 1907) ознаменовала пик расцвета японского натурализма. Это произведение отражало главную особенность натурализма – описание жизни «без фальсификации красоты и уродства»¹.

Господство натурализма в современной японской литературе охарактеризовалось появлением произведений, эксплуатировавших идею беспристрастного описания жизни. Основой для таких произведений зачастую служило скрупулезное описание деталей личной жизни авторов. Суровые доктрины японского натурализма пропагандировали абсолютную власть правды жизни в искусстве.

Однако с течением времени доминирующие позиции натурализма в японской литературе становились все более шаткими: «Монотонность, нигилизм, отчаяние стали преобладать в произведениях приверженцев натурализма. В это же время появились новые литературные направления, чьи представители искали конструктивные пути в поиске нового смысла творческой жизни, новых идей, новых сюжетов для литературных произведений»². Натурализм и его апологеты подвергались жесткой критике со стороны оппонентов, убежденных в том, что место натурализма на литературном Олимпе должно занять другое литературное течение, – неоромантизм (неоромансюги или синромансюги). Натуралистов упрекали в эгоцентризме, субъективизме, несовершенстве творческого метода. Но главное обвинение состояло в том, что натуралисты отказывались основывать свое творчество на игре воображения. Оппоненты натуралистов уже попали под влияние произведений Э. А. По (1809-1849), М. Метерлинка (1862–1949), О. Уайльда (1854–1900), поэзии Ш. Бодлера (1844–1896), П. Верлена (1844–1896), А. Рембо (1854–1891).

Европейскую литературу «конца века» отличали культ красоты, исключительное внимание к декоративности стиля, резко контрастировавшие с унылой прозой японского натурализма. Под мощным напором только что зародившегося японского неоромантизма в 1910-х гг. XX в. натурализм вступает в фазу дезинтеграции, постепенно уступая место ведущего литературного направления неоромантизму.

Главной целью основателей японского неоромантизма было «смещение с лидирующих позиций представителей натурализма путем противопоставления их монотонной, бесцветной прозе яркого мира литературы неоромантического направления»³. Это полностью совпадает с задачами западноевропейских неоромантиков. По мнению А. А. Федорова, «самое важное в концепции искусства неоромантиков – ее антинатуралистическая направленность в целом, отрицание натуралистической фатализации детерминизма, в отрицании натуралистической модели мироздания»⁴.

Займствуя основные теоретические принципы из опыта европейской литературы, японские неоромантики разделились на определенное количество школ. В конце 1910-х гг. неоромантическое направление подразделялось на следующие школы: 1) Школа духовной свободы (ёю-ха) или Школа хайку (хайку-ха); 2) Школа эстетов (тамби-ха), Декадентская школа (тайхай-ха) и Школа дьяволопоклонников (акума-ха); 3) Школа идеалистического романтизма. Для последней было характерно более позитивное мировоззрение утопического толка, отличавшее представителей этого направления от последователей других школ неоромантиков.

Авторы, принадлежавшие к Школе духовной свободы, занимались изучением хайку, уникального направления в японской поэзии. Представители данной школы «вместо того, чтобы глубоко проникать в суть окружающего мира, лишь выражали импульсивные соображения по поводу разнообразных удовольствий, которые предлагала им жизнь»⁵. Приверженцы Школы духовной свободы стремились избегать в своем творчестве проблем реальной жизни и концентрировались на вопросах внутренней гармонии личности, предпочитая трансцендентальное отношение сторонних наблюдателей за потоком жизненных событий. Т. П. Григорьева трактует основополагающее для данной Школы понятие «ёю» как «духовную свободу, несвязанность, непринужденность», а к характерным чертам самой Школы относит «иронию и полную искренность»⁶.

Масаока Сики (1867–1902) – один из корифеев хайку – создал жанр «литературного наброска» в поэзии, а его последователь Такахама Кёси (1874–1959) облек этот жанр в прозаическую форму и стал признанным мастером «литературного наброска» в прозе. Но писателем, который представил четко организованную

структуру «литературного наброска» в форме романа, был Нацумэ Сосэки (1867–1916). Ученик Масаока Сики Нагацука Такаси (1879–1915) и последователи Нацумэ Сосэки Морита Сохэй (1881–1949), Ёсимура Фуюхико (1878–1935), Ногами Яэко (1885–1995) являлись представителями Школы духовной свободы. Они испытывали чувство неприятия по отношению к мрачному, грубому стилю натуралистической прозы и, в противовес представителям натурализма, были намерены наслаждаться самыми простыми жизненными удовольствиями, описывая их в дилетантской манере. Эти писатели уделяли особое внимание миру человеческих чувств. Они писали исключительно о прелестях человеческого существования, о наслаждении жизнью. По мнению Сасабути Томоити, «тенденция жить жизнью, полной удовольствий, отразилась в романе Морита Сохэй «Черный дым» («Байэн», 1909), который «был написан в подражание произведению Габриэля Д'Аннуцио (1863–1938) “Триумф смерти” (1894)»⁷.

Отторжение представителями Школы духовной свободы мрачной жизни, которую описывали в своих произведениях приверженцы натурализма, вылилось в идеалистическую тенденцию, которая толкала адептов данной Школы к поиску лучшей жизни. Нацумэ Сосэки, являвшийся автором и защитником концепции литературного творчества Школы духовной свободы, создал множество произведений, наполненных гуманистическими поисками идеальной любви и совершенной морали. Это привело к возникновению означенной выше тенденции в произведениях представителей этой Школы, таких как роман Нагацука Такаси «Земля» («Цути», 1909), повесть Ногами Яэко «Матико» («Матико», 1911), в которых изложены фактически социалистические идеи о поиске гармонии, любви и моральных основ в японском обществе. Из-за данной тенденции «исследователи современной японской литературы склонны относить представителей Школы духовной свободы скорее к неоидеалистам, чем к неоромантикам»⁸.

И все же писателям и поэтам Школы духовной свободы не удалось создать новую художественную концепцию, которая могла бы справиться с отчаянием и нигилизмом прозы натурализма, послужив, таким образом, координирующей силой для приведенного в смятение разума людей. По мнению Энтони Х. Чамберса, «можно сказать, что Школа духовной свободы являлась группой поэтов и писателей, которые оказались не способны совершенствовать свой творческий метод до такой степени, чтобы он превратился в идеальное, конструктивное мировоззрение»⁹.

С другой стороны, в отношении представителей Школы духовной свободы к миру человеческих чувств, на который они взирали с позиций отрешенных наблюдателей, произошел переворот. Они стали уделять гораздо более существенное внимание анализу эмоций и психологии людей. Таким образом, у авторов, подобных Нацумэ Сосэки, стал проявляться более сложный подход к выявлению причин психологических конфликтов в прозаических произведениях. В то же время, почти забытый за время господства японского натурализма, характерный для поэзии хайку акцент на мир чувств и прочие традиционные для классической японской литературы аспекты, отвергнутые в свое время представителями натурализма, были возрождены. Как считает Сасабути Томоити, «это сочетание глубокого, современного психологизма и традиционных для японской литературы мотивов придало современной культуре тот неповторимый колорит, которым мы наслаждаемся по сей день. В целом, хотя было достаточно сложно создать за короткий период что-то новое и совершенное в идеологическом или идейном плане для литературной сферы, можно сказать, что Школа духовной свободы и ее по-

следователи внесли достаточно серьезный вклад в развитие современной японской литературы»¹⁰.

Если приверженность представителей Школы духовной свободы исключительно неоромантизму зачастую ставится под сомнение, почти не вызывает разногласий у исследователей неоромантическая направленность творчества писателей, входивших в состав Школы эстетов. Основателем этой Школы стал Мори Огай (1862–1922) – писатель, внесший неопределимый вклад в развитие современной японской литературы. Мори Огай «питал антипатию к догматам японского натурализма и вульгарности его инстинктивного, бессознательного повествования, веря в существование жизни, которая гораздо выше той, о которой писали натуралисты»¹¹. Писатель полагал, что «необходимо уделять особое внимание духовной жизни человека. Человек состоит из двух компонентов – тела и души, которые взаимодействуют между собой на тончайшем уровне. Герой романа должен рассматриваться через призму двух этих аспектов, их взаимодействия, борьбы и гармонии»¹². Мори Огай вдохновлял своего читателя идеями романтизма, прославлял мораль умного, понимающего человека, который никогда бы не замыслил триумфальной победы над природой. Он с сомнением взирал на реальность, которую описывали писатели-натуралисты, считая ее фальшивкой под личиной правды. По мнению Като Сюити, «именно по этой причине Мори Огай стал мстительной жертвой этой самой реальности. Вместо того чтобы приносить реальные, прогрессивные плоды, его творчество привнесло в современную литературу Японии стремление к наполненному химерами миру искусства и эстетический культ «Искусство ради Искусства»¹³.

Мори Огай являлся пионером неоромантического движения, подлинным основателем Школы эстетов, за которой, с естественным течением времени, последовало возникновение Декадентской школы и Школы дьяволопоклонников.

Несмотря на несомненное влияние Мори Огай на развитие современной японской литературы, в течение долгого времени он оставался в творческом одиночестве. Но с началом XX в. к когорте его учеников присоединились Нагаи Кафу (1879–1959), Осанай Каору (1882–1928), Киносита Мокутаро (1885–1945), Ёсии Исаму (1886–1960), Кубота Мантаро (1889–1963), Минаками Такитаро (1887–1940), Нагата Хидэо (1885–1945), Тамура Тосико (1884–1945), Хасэгава Сигурэ (1879–1941) и Окада Ятиё (1883–1963) – писатели и драматурги, прошедшие через увлечение натурализмом, а затем обратившиеся к неоромантизму. Так же к ним примкнул Танидзаки Дзюнъитиро (1886–1965) – первый признанный в Японии писатель-«дьяволопоклонник» (акумасюгися). Тем не менее, Амино Ёсихиро отмечает: «Многие из авторов, входивших в состав Школы эстетов, вскоре отошли от принципов особого эстетического мировоззрения, характерного для Мори Огай, и обратились к декадентству, так что творческие отношения между мастером и его учениками вряд ли можно назвать близкими. Связь между ними, конечно, существовала, но из истинных последователей Мори Огай, мы можем назвать только Нагаи Кафу, который находился под непосредственным влиянием Огай»¹⁴.

Нагаи Кафу так описывал свое знакомство с Мори Огай: «Я впервые встретился с мастером 1899 или 1900 г. Это произошло в театре Итимура. Через год или два я уехал за границу, и только спустя пять лет вернулся в Японию. Во время моего пребывания во Франции я познакомился с господином Уэда Бин.

Уэда Бин и Мори Огай были близкими друзьями на протяжении долгих лет, и, благодаря их добрым отношениям, я получил возможность вновь встретиться с Мори Огай в его усадьбе в Сэндаги. Это произошло в 1909 г., когда учитель осно-

вал новое литературное общество «Кантёро ута-но кай» и новый журнал «Субару», так что у нас нашлось множество тем для беседы.

В 1911 г. учитель порекомендовал меня на должность профессора факультета литературы в университете Кэйо. В этот период я постоянно общался с учителем по телефону, спрашивая его совета по поводу моих лекций и создания журнала «Мита бунгаку»¹⁵.

Нагаи Кафу несколько сбивчиво пишет о точной дате знакомства с Мори Огай (статья «О доме музея Мори Огай» («Огай кинэнкан-но кото») была написана в 1959 г. для газеты «Майнити симбун»). Например, их первая встреча состоялась не за два-три года до отъезда Кафу за границу, а именно в 1903 г., перед его отбытием в США. Но основные детали встречи точны и указывают на то, что между мастером и молодым писателем существовала реальная связь: их совместная работа на факультете литературы университета Кэйо, их общая забота о создании антинатуралистического журнала «Субару». Дружба между Огай и Кафу была основана «на общих интересах в создании новой японской прозы»¹⁶.

Многие люди были озабочены проблемой взаимоотношений западной цивилизации и японских традиций, но, как пишет Это Дзюн, «количество истинных знатоков западной культуры, не довольствовавшихся поверхностными фактами, было очень мало, настолько мало, что признание Огай в молодом Кафу такого знатока вылилось в дружеские отношения и поддержку молодого писателя, творчество которого могло показаться мастеру уровня Мори Огай недостаточно содержательным и довольно фривольным»¹⁷.

Когда в эссе «Огай-сэнсэй» (1928) Кафу пишет об уровне и природе глубочайшего понимания Огай западной литературы и сравнивает мастера с его современниками, он переходит на нехарактерный для его творчества язык аллегорий: «Покидая эту заваленную хламом комнату, которая называется «Общество», проходя через ворота, которые именуется «Наукой», Учитель уверенным шагом направляется на приятную прогулку в одиночестве в сад Искусства. Сад Искусства действительно обширен. Здесь благоухает множество цветов. Кто может сказать, что за цветы распустились там, в непроницаемых сумерках в глубине этого сада? Все же Учитель своими зоркими, молодыми глазами узрел большинство этих цветов, неизвестных никому другому. Иногда он изучает их как ученый; иногда их аромат опьяняет его больше, чем молодое вино опьяняет юных девушек. Учитель описывал эти цветы, чтобы показать их красоту тем, кто находится за стенами сада. Те из них, кто был старше Учителя, не понимали и считали слишком сложными его книги; но молодежь пыталась найти вход в этот сад и попадала туда сама. Конечно, молодые люди не могут попасть туда, где находится Учитель, потому что путь долог и извилист. Но они продолжают восхвалять цветы, давным-давно открытые Учителем. Иногда, случайно я вижу впереди удаляющийся силуэт фигуры Учителя и думаю о том бесконечном одиночестве, на которое обречен тот, кто обогнал свое время»¹⁸. Эзотерические знания, сокрытые за стенами сада, в случае с Мори Огай можно трактовать как большой спектр наук, но для Кафу наиболее важно понимание Огай теории и практики европейской прозы, а также его глубокое знание японской классики.

Тем не менее, необходимо отметить тот факт, что Кафу и Танидзаки «были уже признанными авторами, когда присоединились к Школе эстетов, так что Мори Огай нельзя назвать единственным несравненным гением среди авторов данной школы»¹⁹. Талант и мастерство позволили Кафу и Танидзаки преследовать собственные цели, создавая неоромантическое направление в современной япон-

ской литературе. В соответствии с этими целями зародился новый жанр – «фривольная литература» (юто бунгаку), который подразделялся на два направления: «произведения о полусвете» (карю сёсэцу), в котором мастером считается Нагаи Кафу и «литература о чувствах» (дзёва бунгаку), где лидером был Танидзаки Дзюнъитиро.

Так же необходимо отметить, что благодаря Мори Огай вернулся из небытия жанр исторической прозы. А. Н. Мещеряков пишет, что «обычно писатели заимствовали сюжетную канву из исторических памятников, но придавали характерам своих героев современный психологизм. При этом Огай был очень точен в описании исторических реалий. Именно произведения на историческую тему составили славу писателю, который воспел «Японию уходящую»²⁰. С. Снайдер считает, что «именно Мори Огай сделал все возможное, чтобы «реанимировать» славу таких выдающихся писателей прошлого, как Ихара Сайкаку»²¹.

Более того, представители Школы эстетов, обращаясь к жанру исторической прозы вслед за Огай, расширяли его рамки, исследуя экзотические сферы человеческого бытия, населяя пространство своих произведений удивительными персонажами. Лидеры японского неоромантизма Нагаи Кафу, Киносита Мокутаро и Танидзаки Дзюнъитиро усердно эксплуатировали в своем творчестве мир фантазий и воображения. В конце концов, когда все очарование этих сфер было досконально изучено, появилось «дьяволопоклонничество», обращавшееся к паранормальному влиянию иных миров, и трансформации зла и уродства в воплощение красоты, что стало одной из приоритетных тем для литературы японского неоромантизма. Разочарование в реформах эпохи Мэйдзи (1868–1912), еще более усиливавшееся недовольством аскетичной, мрачной стилистикой произведений писателей-натуралистов, выразилось в появлении в японской литературе фантастически прекрасных, чарующих образов, символизирующих собой власть демонической красоты.

Представители Школы духовной свободы также были разочарованы в безыскусном творческом методе и довольно серой стилистике японского натурализма, но его представители в большинстве своем сохраняли нерушимую чистоту разума, которая не позволяла им настолько уходить в сферы экзотики и «дьяволопоклонничества», характеризовавших творчество истинных неоромантиков. Представители Школы эстетов, за исключением, пожалуй, Мори Огай, вряд ли обладали таким здравым смыслом. Мрачные фантазии Э. По, волшебные сполохи красоты в произведениях О. Уайльда и М. Метерлинка оказали довлеющее влияние на формирование художественного стиля представителей Школы эстетов, составлявших ядро неоромантического направления в современной японской литературе.

Амино Ёсихиро полагает, что «Школа эстетов образовалась на руинах натурализма, поэтому ее нельзя назвать ветвью направления, возникшего на заре новой литературе, а скорее школой, зародившейся в сумерках сгущающейся ночи. Поэтому трудно было ожидать в данных обстоятельствах от представителей Школы эстетов создания нового идеала или направляющего духа Японии»²². Однако не стоит преуменьшать тот факт, что именно представители Школы эстетов, называвшие себя истинными неоромантиками, создали новый идеал красоты, пронизанный духом западноевропейского декадентства и эстетизма, с которым в современной японской литературе появилось то, что Д. Кин впоследствии назвал «модернистским толкованием красоты»²³.

Нагаи Кафу спустя годы после распада Школы эстетов писал в своем дневнике: «Натурализм на заре своего существования был литературным направлением

ем, отторгавшим и пытавшимся разрушить все феодальные институты, чтобы создать некую новую концепцию, основанную на индивидуализме и либерализме. Однако его представители не учли необходимый фактор сумятицы в социальной реальности, что и приостановило развитие самого литературного направления. Вместо того чтобы обратить внимание на эту ошибку своих собратьев по перу, писатели-неоромантики, не прислушиваясь к критике, заняли пассивную позицию по отношению ко всем социальным институтам, с которыми боролись писатели-натуралисты, и занялись поисками новых идеалов или смысла жизни, ограничившись химерическими сферами фантазии и воображения. Такая тенденция привела к открытию возможности жизни, посвященной дилетантизму, эстетизму, декадентству, а не созданию универсального идеала или универсальных моральных принципов, которые мы могли бы создать»²⁴.

Таким образом, несмотря на то, что две ведущие школы японских неоромантиков существовали как направляющие силы литературного течения, критики и сами писатели, отказывают им в интегрирующей мощи, необходимой для создания единой неоромантической концепции, характерной для всех авторов, представлявших данное направление. Представители Школы духовной свободы характеризуются некоторыми исследователями не как неоромантики, а как неоидеалисты, а лидер этой Школы Нацумэ Сосэки является настолько разносторонним автором, что ни один исследователь современной японской литературы не смог отнести его к какому-то определенному литературному течению. То есть, истинными неоромантиками, проявившими в своих произведениях характерные для этого направления черты, являются писатели, принадлежавшие к Школе эстетов.

Но не стоит забывать, что, кроме создания нескольких Школ неоромантизма, писатели-неоромантики явились также инициаторами появления на свет некоторых литературных обществ, сыгравших не менее существенную роль в зарождении и развитии японского неоромантизма, чем непосредственно сами Школы.

Самым известным литературным обществом являлось «Общество Пана» («Пан-но кай»), которое посещали в основном приверженцы Школы эстетов. Киносита Мокутаро в своих мемуарах называет «Общество Пана» «местом общения, где обсуждались творческие успехи и неудачи, личные проблемы, новые произведения, прочитанные членами общества. Мы воображали, что находимся в Париже, на набережной Сены, а не в Токио, на берегах реки Сумида. Порой мы ощущали, как воздух свободы и творчества опьяняет нас, потому что здесь мы можем встретить великих писателей Мори Огай или Нацумэ Сосэки, сможем помечтать о том, что вскоре мы сами станем знаменитыми, и наши ноги, наконец, ступят на булыжные мостовые Парижа»²⁵. Поэт и скульптор Такамура Котаро (1883–1956) называет «Общество Пана» «фейерверком юности, где умели выпить и повеселиться, интересовались поэзией, изобразительным искусством, музыкой, видели исключительное значение культуры, ее способность перевернуть мир»²⁶.

Точная дата основания «Общества Пана» неизвестна, но, по утверждению Амино Ёсихиро, «группа писателей впервые собралась и заявила о себе как «Общество Пана» в 1909 г.»²⁷. Хотя А. А. Долин считает, что «деятельность «Общества Пана» началась с декабря 1908 г., когда Киносита Мокутаро, Китахара Хакусю, Ёсии Исаму, Нагата Хидэо, Хирано Банри и другие литераторы стали регулярно встречаться на небольших «суарэ»²⁸.

Само название «Общество Пана», содержащее в себе намек на дионисийскую природу содружества поэтов и художников, предложил Киносита Мокутаро. Он с юности читал немецкие книги по искусству и знал о существовании одно-

именного общества в Берлине конца XIX в. Название привлекало своей экстравагантной мифологичностью, модным европейским звучанием. Нагаи Кафу утверждает, что бог Пан стал символом общества, потому что «он представлял собой воплощение свободы и веселья, чего так не хватало в тогдашней Японии»²⁹. Ёсида Сэйити пишет: «У “Общества Пана” не было ни особого устава, ни постоянного места проведения собраний. Поначалу собрания проходили каждый месяц, присутствовавшие на них писатели получали возможность пообщаться с единомышленниками, обсудить новейшие литературные произведения, рассказать о своих успехах и, в конце концов, провести несколько приятных, ни к чему обязывающих часов за рюмкой сакэ или бокалом вина»³⁰.

В «Обществе Пана» не существовало системы членства, поэтому К. Ито называет собрания общества «достаточно эклектичными по составу присутствующих встречами писателей-антинатуралистов и художников, разделявших любовь к французской культуре и тоску по почти утраченным традициям старого Эдо»³¹. Киносита Мокутаро следующим образом отзывался о деятельности «Общества Пана»: «В то время мы с любовью читали теоретические и исторические работы по импрессионизму. С другой стороны, под впечатлением от переводов Уэда Бин мы грезили о жизни парижских художников и поэтов, стремились им во всем подражать.

Через гравюры укиё-э мы также всем сердцем ощущали прелесть художественного вкуса эпохи Эдо. Итак, в конечном счете “Общество Пана” явилось плодом романтических устремлений, в которых чужеземный лирический тон и колорит воспринимались через лирический тон и колорит, через эстетическое мироощущение эпохи Эдо»³².

Тем не менее, наиболее ценной особенностью собраний «Общества Пана» можно считать тот факт, что именно здесь молодые писатели могли встретиться со своими кумирами, обретая весьма солидную поддержку в мире литературы, как это, например, произошло с Танидзаки Дзюньитиро и Нагаи Кафу. Танидзаки подробно описывает свою первую встречу с Кафу в своих воспоминаниях «Повесть о юности» («Сэйсюн моногатари», 1932–1933), указывая на то, что впервые он встретил Кафу в 1909 г. Решив избрать профессию писателя, он сосредоточил свое внимание на творчестве. Однако тогдашнее главенство писателей-натуралистов, чьи произведения заполняли страницы почти всех литературных журналов Японии, мешало молодому писателю опубликовать свои яркие, построенные на игре воображения рассказы. Тщетные попытки найти издателя для своих произведений впоследствии вылились в нервное истощение. Танидзаки уехал восстанавливать здоровье на виллу родителей своего друга в Сукэкава и там впервые прочел «Повесть об Америке» («Америка моногатари», 1908) – знаменитый сборник рассказов Нагаи Кафу, выдвинувший его в авангард японских антинатуралистов. Танидзаки пишет в своих мемуарах о том, что эта книга буквально возродила его дух: «Я был вдохновлен, прочитав “Повесть об Америке”. Никто до автора “Повести об Америке” не проявлял столь твердого антинатуралистического настроения, или так мне тогда показалось. Я почувствовал особое родство с Кафу. Он казался мне молодым, радикальным, известным писателем, живущим где-то в Париже. И вот, даже раньше, чем я ожидал, я нашел в нем собрата по искусству. Я понял, что если смогу прорваться сквозь все барьеры в литературный мир, мне будет необходимо познакомиться с Кафу прежде, чем с кем-либо другим. Я погружался в невероятные мечты, думая о том, наступит ли когда-нибудь день нашего знакомства»³³. Хотя эти строки были написаны годы спустя после того, как «невероятные мечты» обернулись правдой, в словах Танидзаки чувствуется не-

поддельное восхищение новообретенным «собратом по искусству», самым радикальным антинатуралистом, открывшим дорогу для его последователей-неоромантиков.

В ноябре 1909 г. Танидзаки представилась возможность побывать на собрании «Общества Пана», где он впервые увидел своего кумира. В мемуарах Танидзаки есть замечательное описание появления Кафу, в котором писатель упоминает, что «в этом человеке было что-то мефистофелевское»³³. Далее Танидзаки пишет: «На какой-то момент я почувствовал, что не могу дышать. «Он замечательный», – прошептал кто-то рядом со мной. Те же слова эхом слетели с моих губ»³³.

В этих словах Танидзаки ясно чувствуется, насколько культовой фигурой стал Нагаи Кафу в литературном мире Японии к 1909 г., когда «Общество Пана» впервые начало свою деятельность. Посещения собраний «Общества Пана» наиболее влиятельными авторами современной японской литературы, первыми вставшими против догматов натурализма, были крайне редкими. Нацумэ Сосэки и Мори Огай тяготели к уединенной жизни, нарушаемой лишь нечастыми визитами особо приближенных учеников. Также стоит отметить, что в глазах молодых литераторов они были скорее полубогами, чем живыми людьми. Молодой Танидзаки не отважился бы назвать Нацумэ Сосэки «собратом по искусству»: «Конечно, и до появления «Повести об Америке» были созданы произведения антинатуралистической направленности, например, «Изголовье из травы» («Кусамакура», 1906) и «Дикий мак» («Губидзинсо», 1907) Нацумэ Сосэки. Но я ощущал свою близость именно к Нагаи Кафу. Сосэки стоял несравнимо выше меня по социальной лестнице и его статус в литературе делал учителя совершенно недостижимой, почти мифологической фигурой»³³.

Таким образом, собрания «Общества Пана» были своеобразным способом для молодых писателей встретиться с более старшими литераторами, перед которыми они преклонялись. По словам Амино Ёсихиро, «Общество Пана» давало молодым неоромантикам и прочим противникам натурализма возможность быть принятыми в особый круг единомышленников, лично встретиться с теми, кого они обожествляли, получить их благословение и шанс напечатать свои произведения в журналах антинатуралистического направления, как это произошло с Танидзаки Дзюнъитиро»³⁴.

Стоит, однако, отметить непостоянный характер собраний «Общества Пана», и, как пишет Амино Ёсихиро, «их скорее эпикурейскую, чем литературную направленность, создававшую поле для дружеского общения братьев по перу, чем для создания теоретических догматов зарождавшегося неоромантизма»³⁴. Слова исследователя косвенно подтверждает Киносита Мокутаро, один из постоянных участников собраний общества: «Я стал посещать собрания “Общества Пана” с 1909 г. Несмотря на то, что здесь я мог встретить редакторов журналов “Субару” и “Мёдзэ”, которые могли бы помочь мне опубликовать мои первые литературные опыты, подступить к ним я мог, лишь имея весомую поддержку со стороны какого-нибудь авторитетного писателя. Не имея такой поддержки, я, в основном, довольствовался рассказами об амурных похождениях и обсуждением личных и творческих успехов кого-нибудь из известных писателей или поэтов. Мне очень редко удавалось услышать беседу о серьезных проблемах литературы. Но, поскольку я был начинающим писателем, все происходившее на собраниях “Общества Пана” казалось мне волшебным. Я был в кругу единомышленников и чувствовал себя прекрасно среди этих раскрепощенных людей, зачастую позволявших себе довольно рискованные высказывания»³⁵.

«Общество Пана» окончательно прекратило свое существование в 1914 г., когда японский неоромантизм как литературное направление пришел в упадок, а его представители начали искать новые пути в искусстве. Хотя некоторые исследователи, основываясь на воспоминаниях членов «Общества Пана», склонны придавать деятельности общества достаточно легковесный характер, необходимо отметить весьма существенную роль, которую это общество сыграло в формировании и развитии японского неоромантизма. «Общество Пана» способствовало развитию молодых писателей, выводя их на литературную орбиту с помощью более опытных и известных членов, чья поддержка давала молодым авторам возможность публиковаться в наиболее крупных журналах антинатуралистического направления.

Томи Судзуки отмечает, что появление неоромантизма в современной японской литературе «было отмечено возникновением трех литературных журналов: «Созвездие Плеяды» («Субару»), основанном в 1908 г. при непосредственном участии Мори Огай и Уэда Бин; «Литература Мита» («Мита бунгаку»), появившемся в 1910 г. под руководством Нагаи Кафу; и «Новые течения» («Синситё»), созданном студентами Токийского имперского университета, среди которых был и Танидзаки Дзюнъитиро, в 1906 г. и издававшимся с перерывами вплоть до 1917 г.»³⁶. Эти печатные издания в действительности являлись трибуной, с которой представители неоромантизма могли высказывать свои теоретические соображения по поводу развития японской литературы. Здесь они публиковали свои произведения, резко контрастировавшие с прозой доминирующего литературного течения – натурализма. Фактически, каждый более-менее значимый писатель-неоромантик оставил свой след на страницах этих журналов.

В октябре и декабре 1909 г. в журнале «Синситё» были напечатаны рассказы Танидзаки Дзюнъитиро «Татуировка» и «Кирин». Эти произведения привлекли внимание читателей и критики к творчеству начинающего писателя. Они утвердили за Танидзаки репутацию оппонента натурализма и вызвали более чем положительные рецензии со стороны таких значительных в литературном мире фигур, как Уэда Бин (1874–1916), Мори Огай и Нагаи Кафу. Даже Акутагава Рюноске (1892–1927), являвшийся творческим оппонентом Танидзаки, отметил, что «стиль Танидзаки, возможно, прекраснее стиля самого Стендаля. Во всяком случае, когда речь идет о живописном эффекте, Танидзаки намного превосходит Стендаля, почти бессильного в этом. Создавая “Татуировку”, Танидзаки был поэтом»³⁷.

Журнал «Синситё» являлся не столько обычным литературным журналом, созданным группой студентов, сколько пропагандистской трибуной для писателей, протестовавших против засилья натурализма в современной японской литературе. Здесь публиковали свои произведения Акутагава Рюноске и Кикиути Кан (1889–1949), «наиболее заметные представители группы «нового мастерства», провозгласившие своим творческим методом неореализм, а если говорить точнее, реализм, противопоставленный натурализму»³⁸. Сам же Танидзаки признавался, что «Синситё» дал ему «глоток воздуха творческой свободы, когда мне казалось, что я уже не почувствую ее живительной силы. Все журналы, в которые я обращался со своими первыми рассказами, отказали мне по причине несоответствия моих произведений их творческой концепции. И только в “Синситё” меня приняли как родного. Не имей я поддержки со стороны редакции “Синситё”, неизвестно, как сложилась бы моя судьба»³⁹.

Необходимо отметить тот факт, что все же в интересующий нас период журнал «Синситё» не являлся по-настоящему мощным оружием в борьбе с натурализмом. На его страницах молодые авторы антинатуралистических направлений

публиковали свои произведения, но теоретические статьи знаменитых основоположников современной японской литературы появлялись здесь крайне редко, поскольку руководство журнала составляли достаточно молодые люди, еще не составившие себе громких имен и прочной репутации в литературных кругах Японии. За ними не стояли такие значимые фигуры, как Мори Огай или Нагаи Кафу, поэтому в исследовательских работах о периоде формирования японского неоромантизма журнал «Синситё» упоминается крайне редко, лишь в связи с напечатанными в нем рассказами Танидзаки Дзюнъитиро.

Другими журналами, внесшими свою лепту в формирование японского неоромантизма, считаются журналы «Субару» и «Мита бунгаку». Журнал «Субару» был создан в 1908 г. Мори Огай, «ввиду назревшей необходимости появления журнала, в котором могли быть отражены теоретические и практические особенности новых тенденций в области современной японской литературы»⁴⁰. В журнале «Субару» Мори Огай создал поле для проявления собственных оценок развития современной японской литературы и реализации новых тенденций на примере произведений своих последователей.

Киносита Мокутаро пишет в своем дневнике от 1910 г.: «Мори Огай создал “Субару”, чтобы этот журнал был организующим ядром для тех, кто считал себя последователями великого учителя. Здесь он мог свободно излагать свои идеи о фантазийной сущности современной прозы, о необходимости создавать произведения, охватывающие не только жизнь плотскую, но и жизнь духовную. Я считаю главной заслугой “Субару” то, что, благодаря ему и его создателю, многие из писателей-неоромантиков ощутили себя не одинокими в своих творческих поисках, они нашли поддержку в лице великого учителя»⁴¹. Для молодого литературного течения и его представителей такая поддержка была действительно весомой. Теперь они находились под своеобразным патронажем состоявшегося, знаменитого писателя, чьи познания в области западной и японской литературы были необычайно широки.

Мори Огай публиковал почти в каждом номере «Субару» так называемые редакторские колонки, где обсуждал насущные проблемы современной литературы. Писатель помещал в «Субару» теоретические статьи по истории немецкой литературы, критические отзывы на новые произведения и свои собственные произведения. 1 июля 1909 г. в журнале был опубликован роман Мори Огай «*Vita sexualis*», из-за которого номер журнала был запрещен к продаже 28 июля того же года. В 1911 г. в печать был сдан роман Огай «Юноша» («Сэйнэн»), в котором сохранилась жесткая критика бездуховности японского натурализма.

В «Субару» были впервые опубликованы отрывки из сборника рассказов Нагаи Кафу «Повесть об Америке», сильно подогревшие интерес читателей и критики к японскому неоромантизму.

Кафу сблизился с Огай и в апреле 1910 г. по рекомендации мастера был назначен на пост профессора кафедры французской литературы в университете Кэйо. Университет Кэйо в то время считался одним из лучших частных университетов в Японии, и его главным конкурентом на рынке образовательных услуг был университет Васэда, являвшийся литературным центром японского натурализма. Здесь издавался главный журнал этого направления – «Литература Васэда» («Васэда бунгаку»).

Получив должность в университете Кэйо, Кафу решил, что у этого университета тоже должен быть свой журнал, и он должен иметь антинатуралистическое направление. При существенной поддержке Мори Огай, Кафу, не имевший ника-

кого научного звания, поскольку он не являлся даже выпускником университета, был назначен на профессорскую должность и занял к тому же должность главного редактора литературного журнала. По утверждению Э. Сэйдентикера, это произошло потому, что «Кафу находился в самом сердце литературного мира, он был лидером лагеря антинатуралистов»⁴².

Первый номер «Мита бунгаку» (журнал получил название в честь района Мита в Токио, в котором расположен университет Кэйо) вышел из печати в мае 1910 г. Он был полностью посвящен литературе японского неоромантизма. В этом журнале публиковали свои статьи, эссе и рассказы те же авторы, что и в «Субару», но в «Мита бунгаку» больше внимания уделялось произведениям молодых авторов. В 1910 г. в данном журнале были опубликованы статьи Мори Огай, Нагаи Кафу, Танидзаки Дзюнъитиро, Ногуты Ёнэ, Киносита Мокутаро и прочих последователей неоромантизма. Характерно, что их работы были посвящены не только развитию японской литературы, но и истории западной литературы и философии. Например, Нагаи Кафу опубликовал в июньском номере журнала за 1911 г. статью «Современные авторы французской литературы» («Киндай фурансу сакка»), где перечислил и охарактеризовал творчество наиболее значительных французских поэтов, начиная с Ш. Бодлера и заканчивая Т. де Бонвилем (1823–1891)⁴³. Ногута Ёнэ опубликовал свое эссе «Настроения» («The Moods», эссе было написано на английском языке) в февральском номере «Мита бунгаку» за 1911 г., в котором призвал своих соратников «не сдерживать свои настроения, а позволить им повелевать собой; позволить фантазиям владеть нашим разумом и нашим пером»⁴⁴. Нагаи Кафу опубликовал в «Мита бунгаку» несколько очерков и эссе, которые в 1911 г. вошли в сборник «После чаепития» («Котя-но ато»).

К сожалению, журнал «Мита бунгаку» довольно быстро утратил статус трибуны писателей-неоромантиков. В марте 1916 г. Нагаи Кафу отдалился от общественной жизни, покинув пост профессора в университете Кэйо и главного редактора «Мита бунгаку». С уходом Нагаи Кафу с поста главного редактора журнал быстро начал терять неоромантическую направленность, и вскоре превратился в издание, где печатались произведения представителей более поздних течений современной японской литературы.

Таким образом, очевидно, что развитие японского неоромантизма было тесными узами связано с тремя литературными журналами: «Субару», «Синситё» и «Мита бунгаку», которые сыграли для многих писателей-неоромантиков роль своеобразного окна в мир большой литературы.

В заключение необходимо отметить, что генезис и развитие неоромантизма в современной японской литературе было обусловлено несколькими причинами: открытием Японии для влияния западной культуры; господством суровых догматов натурализма и назревшей необходимостью создать более современное литературное направление в противовес японскому натурализму. Несмотря на то, что некоторые исследователи отмечают «ограниченный контакт с современной социальной действительностью как слабость неоромантиков»⁴⁵, появление данного направления ознаменовало прогрессивный этап в развитии современной японской литературы. Необходимо указать на направляющую роль Нацумэ Сосэки и Мори Огай в зарождении японского неоромантизма, но нельзя забывать о том, что они создали в своих произведениях настолько сложные мировоззренческие системы, что исследователи не могут обозначить их литературное кредо одним единственным термином – неоромантизм.

Для более молодых писателей неоромантизм стал не только творческой философией, но и опорой для построения собственной жизни. При их непосредственном участии были созданы творческие объединения неоромантиков, организованы литературные журналы, ставшие главными печатными органами японского неоромантизма.

Примечания

- ¹ Suzuki, Tomi. *Narrating the Self. Fictions of Japanese Modernity* / Tomi Suzuki. – Stanford, 1996.
- ² *Introduction to Contemporary Japanese Literature. 1902–1935.* – Tokyo, 1939.
- ³ Keene, D. *The Blue-Eyed Tarokaja : a Donald Keene anthology* / Donald Keene. – N.-Y., 1996.
- ⁴ Федоров, А. А. *Зарубежная литература XIX–XX вв. : Эстетика и художественное творчество* / А. А. Федоров. – М., 1989.
- ⁵ *Introduction to Contemporary...*
- ⁶ Григорьева, Т. П. *Японская художественная традиция* / Т. П. Григорьева. – М., 1979.
- ⁷ Сасабути, Томоити. *Нагаи Кафу* / Томоити Сасабути. – Токио, 1976.
- ⁸ *Introduction to Contemporary...*
- ⁹ Chambers, Anthony H. *The Secret Window. Ideal Worlds in Tanizaki's Fictions* / Anthony H. Chambers. – L. : Cambridge, 1994.
- ¹⁰ Сасабути, Томоити. *Нагаи Кафу...*
- ¹¹ *Modern Japanese Writers.* – N.-Y., 2001.
- ¹² Mori, Ogai. *Vita Sexualis* / Ogai Mori/ – Boston & Tokyo, 2001.
- ¹³ Kato, Shuichi. *A history of japanese literature from the Manyoshu to modern times* / Shuichi Kato. – Richmond, 1997.
- ¹⁴ Амино, Ёсихиро. *Литература Нагаи Кафу и ее окружение (Нагаи Кафу-но бунгаку то соно суюэн)* / Есихиро Амино. – Токио, 1993.
- ¹⁵ *Полное собрание сочинений Нагаи Кафу (Кафу дзэнсю)* : в 29 т. Т. 15. – Токио, 1968.
- ¹⁶ Snyder, S. *Fictions of Desire. Narrative Form in the Novels of Nagai Kafu* / S. Snyder. – Honolulu, 2000.
- ¹⁷ Это, Дзюн. *О творчестве Нацумэ Сосэки (Кэттей бан Нацумэ Сосэки)* / Дзюн Это. – Токио, 1979.
- ¹⁸ *Полное собрание сочинений Нагаи Кафу...*
- ¹⁹ *Introduction to Contemporary...*
- ²⁰ *Японская новелла.* – СПб., 2003.
- ²¹ Snyder, S. *Fictions of Desire...*
- ²² Амино, Ёсихиро. *Литература Нагаи Кафу...*
- ²³ Keene, D. *Modern Japanese Diaries* / D. Keene. – N.-Y., 1995.
- ²⁴ *Полное собрание сочинений Нагаи Кафу (Кафу дзэнсю)* : в 24 т. Т. 22. – Токио, 1952.
- ²⁵ Ота, Масао. *Дневники Киносита Мокутаро (Киносита Мокутаро никки)* : в 5 т. Т. 2 / Масао Ота. – Токио, 1979.
- ²⁶ *Краткая история литературы Японии.* – Л., 1975.
- ²⁷ Амино, Ёсихиро. *Литература Нагаи Кафу...*
- ²⁸ Долин, А. А. *Новая японская поэзия* / А. А. Долин. – М., 1990.
- ²⁹ *Полное собрание сочинений Нагаи Кафу (Кафу дзэнсю)* : в 29 т. Т. 25. – Токио, 1968.
- ³⁰ Ёсида, Сэйити. *Нагаи Кафу* / Сэйити Есида. – Токио, 1971.
- ³¹ Ito, Ken K. *Visions of Desire : Tanizaki's Fictional Worlds* / Ken K. Ito. – Stanford, 1991.
- ³² Ота, Масао. *Дневники Киносита Мокутаро...*

- ³³ Полное собрание сочинений Танидзаки Дзюньитиро (Танидзаки Дзюньитиро дзэнсю) : в 28 т. Т. 13. – Токио, 1967.
- ³⁴ Амино, Ёсихиро. Литература Нагаи Кафу...
- ³⁵ Ота, Масао. Дневники Киносита Мокутаро...
- ³⁶ Suzuki, Tomi. Narrating the Self. Fictions...
- ³⁷ Акутагава, Рюноскэ. Слова пигмея / Рюноскэ Акутагава. – М., 1992.
- ³⁸ Seidensticker, E. Kafu the Scribbler. The Life and the Writings of Nagai Kafu, 1879–1959 / E. Seidensticker. – Stanford, 1965.
- ³⁹ Полное собрание сочинений Танидзаки Дзюньитиро...
- ⁴⁰ Mori, Ogai. Vita Sexualis...
- ⁴¹ Ота, Масао. Дневники Киносита Мокутаро...
- ⁴² Seidensticker, E. Kafu the Scribbler...
- ⁴³ Нагаи, Кафу. Киндай фурансу сакка (Современные французские писатели) / Кафу Нагаи // Мита бунгаку. – 1911. – № 6. – С. 1–13.
- ⁴⁴ Noguchi, Yone. The Moods / Yone Noguchi // Mita Bungaku. – № 2. – 1911. – P. 42–47.
- ⁴⁵ Иванова, Г. Д. Мори Огай / Г. Д. Иванова. – М., 1982.

Светлана Латина

Магия японской бумаги

Единственный способ избежать омертвления для любой системы – культурной, социальной – это разнообразие и изменчивость. Единая, архетипическая по своему содержанию культурная предыстория сменяется культурной историей, появлением различных типов культур и цивилизаций. К древнейшим в мире относятся культуры и цивилизации Древнего Востока – Египта, Междуречья, Индии, Китая.

К культурам Востока относят также японскую культуру, впитавшую в себя китайскую и буддийскую культурные традиции. Культура и цивилизация Японии сформировалась в результате сложных, разнообразных и одновременных этнических контактов. Японская культура возникла в первые века нашей эры. Причины этого следует искать в географических условиях. Территориально Япония находится дальше, чем Китай и известна под названием «Страна Восходящего Солнца». На государственном флаге Японии, на белом фоне изображен красный круг (солнце). Япония расположена на многочисленных островах и десятки веков назад сообщение с материком и между островами было затруднено.

Крупнейшие из Японских островов – Хоккайдо, Хонсю, Кюсю и Сикоку. Большая часть их территории находится в зоне сложных климатических условий. Три четверти суши в Японии составляют горы. Япония очень бедна полезными ископаемыми. Ответом на вызов со стороны природы оказалась способность японцев к творческому усвоению самых различных культурных влияний. Стремление учиться, исключительное упорство, дисциплинированность являются чертами японского национального характера. Японская манера поведения отличается немногословностью и сдержанностью. Лаконичность и умеренность характерны для японской архитектуры и искусства.

Стремление учиться никогда не сводилось в Японии к простому заимствованию. Любые влияния органично впаивались в японскую культуру, трансформировались в ней, находили продолжение и развитие в самобытной и оригинальной

форме. Один из крупнейших писателей XX в. Акутагава Рюноске пишет об этом: «Издавеза в нашу страну пришли Конфуций, Мэн-Цзы, Чжуан-Цзы <...> Мудрецы Китая, кроме учения Дао, принесли шелка... яшму... и – нечто более благородное и чудесное, чем яшма, – иероглифы... И ведь не иероглифы подчинили нас, а мы подчинили себе иероглифы... Не то наш язык мог бы стать китайским... Наше дыхание, как морской ветер, смягчило даже учение Конфуция и учение Лао-Цзы... Наша сила не в том, чтобы разрушать <...> а в том, чтобы переделывать»¹.

В течение веков бумага помогала делать жизнь японцев содержательнее и обогащала японскую культуру. В нашей статье рассказывается об областях использования древней технологии изготовления бумаги японцами.

Японская бумага ручной выделки (васи) крепка и красива. Считается, что технология изготовления бумаги пришла в Японию из Китая через Корейский полуостров в 610 г. н. э. Примерно в VIII веке изготовление бумаги стало распространяться по многим регионам Японии. Чаще всего ее использовали для написания буддийских сутр. С развитием торговли производство васи резко возросло. Васи в основном делают из волокон коры трех кустарников: кодзо (бумажная шелковица – этот кустарник растет во многих областях Японии и дает более половины сырья), мицумата и гампи. Выбор растительного материала определяет тип бумаги. Васи хорошо известна своей прочностью, и самую прочную васи делают из бумажной шелковицы, хотя поверхность у нее и получается грубоватой. Бумага из мицумата не такая прочная, но у нее гладкая поверхность, по качеству напоминающая шелк. Бумага из гампи и прочная, и гладкая, но надо отметить, что гампи – растение дикорастущее, в последнее время его запасы в стране заметно сократились, а использование гампи стало более редким.

Благодаря её длинным, крепким волокнам, японской бумаге можно придать различные свойства и использовать её не только как ограничитель пространства и средство смягчения света. В Японии бумага имеет очень широкий диапазон применения – от быта до искусства. Она используется для письма и живописи, для отдельных видов печатной продукции, для изготовления ширм, фонариков, вееров, зонтов, кукол, игрушек, денежных купюр.

В Японии первые фонари появились в XIV веке. Они представляли собой кубические конструкции из тонкой деревянной рамы, оклеенной с четырех сторон бумагой. В старинных японских лампах и фонарях были тонкие листки бумаги васи, не дающие свету вырваться наружу, внутри размещалась свеча. Такие фонари именовались андон. Сейчас можно увидеть огромные бумажные шары тэтинов (складные бумажные фонари) у входов в храмы, магазины, рестораны. В них теперь горят не свечи, а электрические лампы, но форма фонаря изготавливается по технологии, разработанной в средние века. Во второй половине XX в. американский скульптор Исаму Ногути, опираясь на эти традиции использования бумаги, разработал абажур васи.

Во многих электрических и электронных устройствах используются электролитические конденсаторы, содержащие уникальную бумагу. Около 70 % мирового рынка бумаги для электролитических конденсаторов принадлежит одной компании, Ниппон Кодоси Корпорейшн. Компания расположена на острове Сикоку в префектуре Коти, в области, известной своей васи. В результате разработки уникальной технологии была получена дуплексная бумага, состоящая из нескольких слоев, у каждого из которых свои свойства. Когда слои соединяют, бумага приобретает свойства, отличные от свойств её составляющих. Электроника находится сегодня на переднем крае индустриального развития, но традиционная тех-

ника васи сослужила ей добрую службу и помогла создать бумагу для электролитических конденсаторов.

Японские бумажные деньги содержат материал, получаемый из дерева мицумата. Волокна мицумата прочнее волокон хлопчатника из которого изготавливают деньги в других странах. Водяные знаки на них, с их четкими контурами и градациями цветовых оттенков, отвечают высочайшим мировым традициям. Тонкие, прочные, долговечные, гладкие и приятные на ощупь японские банкноты унаследовали многие из выдающихся достоинств васи, а в сочетании с новейшими технологиями они считаются самыми лучшими в мире.

Один из уникальных приёмов работы, который используют в префектуре Кагава, – икканбари или лакированное папье-маше. Деревянная или бамбуковая основа оклеивается десятками слоёв васи, потом покрывается танином хурмы, одним из традиционных японских составов, придающих водонепроницаемость. Всего из этого материала делают более 700 изделий, от таких бытовых мелочей как тарелки, корзины или вазы до таких предметов мебели как комоды. Первое упоминание об иккамбари в Японии относится к VIII веку. Никто точно не знает как появилась эта техника работы – одни считают, что она была изобретена в Китае мастерами лакированных изделий, другие – что она появилась в результате попыток отремонтировать домашнюю утварь. Даже сегодня предметы, сделанные таким способом, привлекают всеобщее внимание.

Преподнося официальный подарок, считается вежливым перевязывать объёмную бумагу тесемками. В торжественных случаях используются красный и белый или золотой и серебряный цвета. Декоративные тесемки (мидзухики) делают, скручивая тонкие полоски васи.

В чайной церемонии довольно толстая японская бумага, которая называется кайси, используется как салфетка. Белый цвет бумаги символизирует чистоту и опрятность.

Традиционных воздушных змеев делают, оклеивая бумагой бамбуковую или деревянную раму. Японские змеи отличаются разнообразием форм, конструкций, раскраски. Одни повторяют контуры парящих в небесах на распахнутых крыльях птиц, раскрашенные соответствующим образом, имитируя оперенье ворона, журавля, чайки. Другие конструкции проще – квадратные, ромбовидные. Их полотна становятся холстом для художника. Над головами людей кружатся лики грозных воинов, образы святых, головы драконов и тигров, а то и просто иероглифы, имеющие благожелательное значение, или геометрические узоры. Иные змеи имеют форму бабочки, цикады, черепахи, гусеницы; некоторых змеев оборудуют трещотками и свистелками, которые издают в воздухе пронзительные звуки.

При строительстве домов в традиционном стиле нередко используются те материалы, которые легко получить в данной местности. В Японии, где преобладают деревья, дома традиционно строили из дерева и бумаги. Дерево и бумага определили атмосферу японского дома. Если пол комнаты покрыт татами, то используются и раздвижные двери. С их помощью можно отделить одну часть жилого пространства от другой или объединить их. Двери бывают либо фусума (покрытые с обеих сторон непрозрачной бумагой), либо сёдзи (пропускающие свет сквозь белую бумагу). От внешнего мира японец отгораживается бумажными стенами (сёдзи) – легкими панелями, изготовленными из тонкой деревянной решетки и оклеенными бумагой васи. При хорошей погоде панели сдвигаются вбок или при необходимости совсем убираются. Тогда дом «распахивается» наружу, и его интерьер становится частью окружающего мира. А в плохую погоду сёдзи устанавливаются на место, создавая внутри уютный микромир. Сёдзи создает эффект

простора и открытости. В этом смысле сёдзи представляет собой один из аспектов Японии. Внутренние панели (фусума) являются объектами художественного осмысления. К их оформлению привлекаются художники, поэты, каллиграфы. Тематика рисунков не ограничивается геометрическим орнаментом, спросом пользуются изображения цветов, животных, волн и скал. Можно сказать, что японский дом является частью природы, он вместе с ней дышит, переживает различные катаклизмы, легко восстанавливаясь после каждого удара стихии.

Для японцев бумага – это не просто что-то такое, на чем можно писать или рисовать. Дома ее используют в различных целях, для приготовления пищи, в детских играх и во многих других случаях. Она может служить даже символом чистоты. Но во всех этих случаях от традиционной архитектуры до бытовых предметов, мы видим, как бумага влияла на образ жизни и формировала чувство прекрасного японского народа.

Японцы отточили искусство изготовления бумаги и сделали его существенной составляющей культуры и образа жизни в ещё большей степени, чем в Китае, где изобрели бумагу.

Примечание

¹ Акутагава, Рюноске. Паутинка : новеллы / Рюноске Акутагава. – М., 1987. – С. 226–227.

Список литературы

1. Бумажный осьминог // Япония сегодня. – 2004. – № 11.
2. Дома из бумаги // Япония сегодня. – 2005. – № 2.
3. Торосян, В. Г. Культурология. История мировой и отечественной культуры : учеб. пособие для студентов вузов, обуч. по пед. специальностям / В. Г. Торосян. – М., 2005. – 735 с.
4. Магия бумаги в Японии // Nirronia. – 2000. – № 15.
5. Пронников, В.А. Японцы / В. А. Пронников, И. Д. Ладанов. – М., 1985.
6. Фонари бумажные // Япония сегодня. – 2004. – № 10.
7. Цивилизация бумаги // Япония сегодня. – 2004. – № 7.

Аида Сулейменова

Образ женщины: российский и японский взгляд

В конце XIX в. и начале XX в. Япония и Россия находились на этапе ускоренной модернизации общества, пути к новому для культур этих разных стран были разными, но многое объединяло две страны-соседки. Оба государства пережили незавершенные реформы 1860-х гг., несколько войн (одну – русско-японскую, результаты которой не принесли удовлетворения ни одной из сторон); в России кризис привел к Октябрьской революции, в Японии демократические завоевания периода Тайсё (1911–1925) были забыты и им на смену пришли к власти милитаристские круги, бросившие страну в водоворот второй мировой войны. Казалось бы, какими разными должны быть люди этих стран, исповедовавшие разные духовные идеи и узнавшие о существовании друг друга только около ста

лет назад?! Тем не менее, точки пересечения культур России и Японии можно обнаружить во всех областях культуры и искусства. Уникальной особенностью японской литературы и искусства начала XX в. считается усиление роли писательниц, поэтесс и художниц, расширение сети продаж журналов и газет, нацеленных на женскую аудиторию, повышение авторитета пишущей женщины. Подобное явление было характерным и для российского «Серебряного века», и для первых лет Советской власти. Какими путями добились успеха японские и русские писательницы и поэтессы, что на этом пути они потеряли и приобрели, помнят ли современные японки и русские женщины о тех пионерах движения за права творческой интеллигенции, благодаря которым стало возможно без иронии употреблять выражение «женский стиль», – этим вопросам будет посвящена данная работа.

Как уже доказано специалистами-антропологами, «быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями – это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли»¹. Японская история демонстрирует нам, какие гендерные роли играли японские мужчины и женщины. В раннюю эпоху Хэйан (794–1185) почти невозможно было говорить о привилегированном положении женщины в японском обществе, обществе аристократическо-бюрократического типа. Женщине было уготовано в самом лучшем случае положение «высоко оплачиваемой» наложницы, а то и нередко ссылаемой в монастырь императрицы или знатной дамы. Совершенно темна ситуация со средним и низшим сословием японок. Тем не менее, именно в эту эпоху складывается так называемая литература «женского потока» – «дзёрюха», прославленная такими именами, как Оно-но Комати (834–900), Мурасаки-Сикибу (970–1014), Идзуми Сикибу (961–1030), Сэй-Сёнагон (966–1017). Мужчины-писатели и поэты стремились даже подражать слабой женской руке – «таоямэбури» (как поэт и критик Ки-но Цураюки (872–945), имитировавший женский стиль письма в знаменитом «Дневнике из Тоса, 935»). Многие российские критики отмечают, что среди авторов танка – огромное количество женщин. Их вообще много в японской литературе: два классических шедевра «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи моногатари», нач. XI в.) и «Записки у изголовья» («Макура но соси», 1000) написаны женщинами (попробуйте вспомнить для примера хотя бы одну женщину-прозаика, которая бы считалась классиком русской литературы).

В современных феминистских литературоведческих теориях особый интерес вызывает вопрос, отличается ли текст женского автора от текста мужского автора какими-нибудь внешними, т. е. формальными признаками. В обсуждении этой проблемы немалую роль играют идеи французского теоретика-психоаналитика Э. Сиксу. Э. Сиксу считает, что западная рациональная философия приобрела значимость благодаря исключению женственного¹. Эта исследовательница утверждает, что в философском дискурсе, который связан и с литературным, нет места для женственного, для наслаждения женщины, а она лично всегда связывается с пассивностью, другими словами, пассивность женщины гарантирует маскулинную силу, маскулинное превосходство. Однако Сиксу полагает, что именно в письме, при помощи прописывания в тексте наслаждения и телесности, можно вырваться из маскулинного порядка или разрушить его. Письмо – это пространство, где освобождение от политических и экономических систем возможно. По утверждению Сиксу, у женщины есть исключительная возможность выражать себя в письме через женственный стиль, так как женщина не подавила свою бисексуальность, а признает наличие другого в себе².

Э. Сиксу определяет женственный стиль письма как способ, с помощью которого можно освобождаться от гендерных ролей и разрешать «другому» становиться видимым. Она утверждает, что каждый/ая из нас бисексуален/бисексуальна. Таким образом, «женственный стиль» не зависит от пола писателя. Может быть, этим способом освобождения от ролей, навязываемых обществом, и руководились средневековые японские аристократки, когда брались за перо.

Именно наличие жесткого деления на мужской и женский стили в литературе заставляет говорить о специфике истории японской литературы, выразившейся в сильной школе женщин-авторов, что, однако, нельзя перенести на историю всего японского искусства. Японские художницы и скульпторши смогли проявить свои таланты в самом лучшем случае только в конце XIX в. и 20–30-х гг. XX в. Только некоторые героини, такие как полулегендарные «три гейши из Гиона» Кадзи-но ха (XVIII в.), Икэ-но Гёкурэн (1727–1784), Юри (XVIII–XIX) – поэтессы, музыкантши и художницы – смогли соперничать с Ёса Бусоном (1716–1783), художником и поэтом-хайкаистом, и другими гениями японского Ренессанса в конце XVII в., но и их имена были покрыты пылью забвения вплоть до середины прошлого века, когда исследователи стали просвещать японцев в отношении собственной истории искусства.

Наиболее характерные примеры гендерных ролей дают нам образы «самурая» и «гейши» японского позднего средневековья – XVI–XVIII вв. Такое символическое соотнесение образов женственности и мужественности характерно для восточных цивилизаций, особенно для китайской и японской. Позаимствовав многие политические, религиозные представления у Китая, японцы следовали традиционным конфуцианским представлениям о мужском и женском началах. Мужское начало «выиграло» в японцах в эпохи Камакура (1333–1603) и Эдо (1603–1867). На первый план вышел творец, а не эстет, наслаждающийся течением времени. В суровое время феодальных муждоусобиц, возникла необходимость в силе и не всегда творческой. В это время на исторической арене появляются «самураи», служивое сословие (от слова «сабурау» – служить).

Примерами самурайской смелости и находчивости называют Минамото Санэтomo (1192–1219) – поэта и воина; нельзя не упомянуть хрестоматийный образ 47 верных вассалов, по закону чести казнивших врага своего сюзерена, и из-за этого покончивших с собой. Именно эта эпоха осталась в народной памяти, не только благодаря великим эпосам – «Повести о доме Тайра» («Хэйкэ моногатари», XII), например, но и таким полувоенным терминам, как «ронин» – «бродячий воин без господина», «даймё» – владетельный господин, местный лидер военного сословия. Даже среди второго сословия – торговцев и ремесленников возникают герои, а не героини. Женскому роду в языке, да и женщинам вообще в эпохи Камакура и Эдо было уготовано второстепенное положение, быть поддержкой и опорой мужу. Примерами таких героинь японцы называют «жену из Тоса», верную жену родовитого, но обнищавшего самурая Яма-но Ути Кадзутаро (1546–1605) с юга острова Сикоку – из Тоса, нынешнего города Коти. «Жена из Тоса» голодала, торговалась с собственными крестьянами, ела траву, но накопила мужу денег на замечательного коня, которого отвела на поле боя. Даже среди еретиков из запрещенной христианской секты «кириситан» были героини подобного, «второго плана» – например, Гарасиа Хосокава (1563–1600).

За долгий период раннего и позднего средневековья японцы-мужчины достигли вершин власти и абсолютизма, а женщины окончательно успокоились на своем месте у домашнего очага. Традиционное общество патриархальных отно-

шений вывело «за границы приличия» «районы увеселений», только там мужчины были свободны от обязательств перед семьей. Необходимость проявить свои способности талантливому человеку – женщине, подавляемой патриархальным обществом, дала толчок формированию института гейш. Женщина-гетера и артист одновременно – гейша, вот так активно проявилась роль женщины в позднее средневековье. К началу XX в. японцы подошли с огромным запасом гендерного опыта – скрытого или забытого опыта куртуазных отношений хэйанского периода истории, и с конфуцианскими лозунгами эпох Камакура и Эдо – «женщина ничто, мужчина – все» («дансон дзёхи»).

На переломном этапе для истории Японии – начале XX в., эпохе Мэйдзи, отношения между полами начали изменяться, не сразу и не в один момент, но японцы пришли к осознанию решения гендерной проблемы – необходимости гармонизации в обществе двух социальных групп – мужчин и женщин – с учетом биосоциальных особенностей обеих групп, во имя раскрытия личностного потенциала и налаживания их партнерских взаимоотношений во всех социальных институтах общества, с целью изменения социально-экономической, политической и культурной атмосферы. В начале XX в. внешние перемены не сказались на социальном положении женщин традиционного склада и на их мировоззрении в общей массе. Женщина по-прежнему семенит за мужем или отцом на расстоянии, в делах семьи ее мнения не выслушивают, незамужняя женщина не имеет права выйти самостоятельно в свет. Но в конце XIX в. начинают выходить журналы для молодых женщин, женщины пишут для этих журналов, а не только для себя лично – в дневник, что всегда было популярно среди японцев. В конце XIX в. благодаря поддержке прогрессивных писателей и поэтов смогла во весь голос заявить о себе романами о судьбе городских женщин талантливая Хигути Итиё (1876–1896), снискала популярность как поэтесса танка и стихов нового стиля Ёсано Акико (1878–1942).

На переломе эпох зародилось и японское феминистское движение, сначала в форме борьбы за права японок в социуме, затем борцы за права женщин перешли к решению таких проблем, как суть женщины-матери, суть девушек и девочек, равенство в образовании, судьбы женщин творческих профессий. Именно феминистки 10–20-х гг. XX в. в Японии изменили облик женщины, наконец-то многие примерили шляпки, сменили традиционные сандалии гэта на европейские туфли, некоторые героини авангардных журналов коротко постриглись. Несколько женщин – среди них поэтесса и писательница Ёсано Акико, супруги некоторых дипломатов, посетили самостоятельно Европу и Америку. Примерами таких женских судеб пестрит литература и живопись Нового времени.

Когда западные феминистки исследовали прозу современных писательниц (особенно автобиографические тексты), они отмечали, что авторы часто в ней сосредоточиваются на изображении частной, повседневной жизни обыкновенных людей и особенно жизни женщин. Р. Фельски называет такие женские автобиографии «феминистскими исповедями» и отмечает, что, вследствие их сконцентрированности на частном и повседневном, фрагментарности, эпизодности, отсутствии линейного повествования, они отличаются от канонизированного определения автобиографии, имитируя внелитературные формы, такие, как дневник, письмо или записки³. То же самое можно сказать о современной прозе русских и японских писательниц, где часто внимание направлено на жизнь и точку зрения женщин.

С помощью автобиографии и статуса субъекта, предлагаемого им, женщины получают возможность создать связь с языком, с обществом, которые вытесняют ее в частную сферу. Мир женщин, как «традиционно» считается, составлен из до-

ма, детей, хозяйства, тогда как мир мужчин – это больше всего работа вне дома, общественная деятельность, политика и т. д. Это особенно хорошо видно в истории, поскольку она – почти полностью история поступков мужчин, которые действовали в публичной сфере. Но и в литературе женщины играют только маргинальные роли. Образ женщины в литературе создан мужчинами-писателями, так как писательницы остались в забвении.

Автобиография (и создание литературных текстов вообще) позволяет женщине стать субъектом: «Я пишу, значит я есть. Писание – для публикации – представляет вход в мир других, и через этот вход – возрождение: получение статуса автономного субъекта. Писать для талантливых женщин – значит выйти из тени и оказаться, хотя бы на короткое время, в центре внимания»⁴.

Что же представляют из себя тексты японских женщин, потребовавших от общества нового к себе отношения и попытавшихся запечатлеть это в своих произведениях? Их можно разбить на примерно две неравные части:

1) не оформленную в группу сочинений писательниц и поэтесс, еще не осознавших возможностей нового времени и стихийно бунтовавших против засилья мужчин (например, романы и повести Хигути Итиё; антологии танка Ёсано Акико; произведения поэтесс группы «Мёдзё» («Утренняя звезда», 1900–1908) и прочие нефеминистические работы);

2) группу сочинений писательниц и поэтесс, публиковавшихся в журнале «Сэйто» («Синий чулок», 1911–1916). Такие яркие лица эпохи Тайсё, как писательница и организатор этого журнала и одноименного общества Хирацука Райтё (1886–1971), вышеупомянутая Ёсано Акико, писательница Тамура Тосико (1884–1945) не только публиковали эссе на темы прав женщин, но и своим талантом продемонстрировали возможности женщин. К последней группе можно по ряду признаков отнести и творчество писательниц демократического направления – Миямото Юрико (1899–1951), Хаяси Фумико (1904–1951), Ногами Яэко (1885–1985). С этой группой активисток феминистского движения в Японии связывают возрождение славы японской «женской волны» литературы.

Не случайно творчество Ёсано Акико было разбито по гендерным проблемам на две части – ее поэтические антологии танка и ее критические работы социального плана, «хёрон». Дело в том, что многие японцы представляют себе две Акико – Акико-поэтессу и Акико-участника социальных диспутов о судьбе женщины. Важно представить себе ситуацию начала XX в.: популярная во всем мире (любимая, хотя и непонимая многими читателями до конца) поэзия танка, поэзия новых, обновленных пятистиший, созданных женской рукой, возникла не в древности, а именно на заре двадцатого века – в 1901 г., когда в журнале «Мёдзё» была опубликована поэтическая антология поэтессы Ёсано Акико «Спутанные волосы» («Мидарэгами»). На рубеже XIX и XX вв. требования реформировать отставший от жизни, закосневший в нагромождениях формалистических ограничений, устаревший язык «японской песни» («вака») привели к рождению нового субжанра – «танка». Пионером на пути новой танка и стала Ёсано Акико, в сотрудничестве со своим мужем Ёсано Тэканом (1872–1935), создавшая множество оригинальных антологий пятистиший, помимо упомянутых «Спутанных волос» – «Маленький веер» («Саоги», 1904), «Наряд любви» («Коигоромо», 1905), «Танцовщица» («Маихимэ», 1906), «Цветы мечты» («Юмэ но хана», 1906), «Весенняя распутица» («Сюндэйсю», 1911), «Синие волны моря» («Сэйкайха», 1912), «От лета к осени» («Нацу ёри аки э», 1914) и посмертный сборник «Белая вишня» («Хакуосю», 1942). На долгие годы к Акико приклеился ярлык лидера романтиче-

ской волны в танка. Между тем, поэтессой были созданы и другие произведения, помимо танка в романтическом стиле. Например, десятые годы XX в. отмечены ее обращением к натуралистической прозе, она создает сборник критических статей «Из угла» («Итигу ёри», 1911) и роман «К свету» («Акаруми э», 1912). Судя по названию и по стилю изложению, эти работы стали ее первой попыткой «получить статус автономного субъекта», выйти из тени вечно второго автора группы «Мёдзё». И это ей удалось, в романе «К свету» она детально фиксирует всю свою жизнь – ссоры с мужем, оказавшимся без работы, ревность к мужу, безденежье и жажда творчества; в результате, роман привлекает к себе внимание и Акико публикуется, читает лекции, к ней обращаются за советом. Поэтесса становится лидером новой волны литературы и социально-политического движения за права женщин-творческих работников. Она делает свой первый шаг «из угла». Но и не забывает постоянно сочинять пятистишия – танка.

Новая поэзия взорвала мир строгих эпитетов и формальных изысков слова. Акико, которую многие современники и поклонники называли новой Идзуми Сикибу, следовала традициям страстного стиля женской поэзии прошлого, но наполнила танка своего первого сборника победительной силой ответной любви.

Ито сэмэтэ	Так же сильно пылай,
Моюру га мама ни	Как пылаешь сейчас,
Моэсимэё	Мое сердце!
Каку дзо обоюру	Не забыть мне весну,
Курэтэ юку хару	Уходящую вдаль...
	(Тэйхон, 1979, т. 1, с. 57, № 320) ⁵

В этих словах можно обнаружить как жажду любви и сожаление об уходящей весне, так и силу любви, которая позволяет героине самой «пылать». Стихотворение можно соотнести с сочинениями Оно-но Комати, знаменитой хэйанской поэтессы:

Ито сэмэтэ	Когда тоска любви
Коисики токи ва	Мной овладевает,
Убатама но	Ночью черной, как ягоды тута,
Ёру но коромо о	Ночное платье надеваю,
Каэситэ дзо киру	Наизнанку вывернув его... ⁶

Героине Акико чужды элегические настроения – весна живет в ее сердце, заставляет его пылать, устремляясь в будущее. «Васурэну хару» – «незабытая весна» и «обоюру хару» – «запомнившаяся весна» обладают различием смыслов в соотнесенности с судьбами поэтесс, однако, несомненно, известные строфы предшествующей поэзии откликаются в стихах Акико. Ее героиня убеждена в своей любви и в ответном чувстве, поэтому ее не страшит и возможная разлука с милым:

Мити о ивадзу	Не толкуй Пути,
Усиро о омавадзу	Не думай о прошлом,
На о товадзу	Не ищи славы,
Коко ни коикоу	Смотри – здесь любили
Кими то вага то миру	Друг друга мы с тобой...
	(Тэйхон, 1979, т. 1, с. 57, № 352).

Выражением «усиро о омовадзу» («не думай о прошлом») героиня ободряет возлюбленного, возвышает и поддерживает любовь, устремляется в будущее. Ограниченная настоящим моментом, запечатленным в танка, Акико многократно развивает тезис цельной любви, ведущей человека к раскрепощению от лицемерной морали. Страстное чувство, окрашенное в светлые тона, радостное ожидание от будущего разительно отличают поэзию «Спутанных волос» от классической любовной лирики.

Современная поэтесса Митиура Мотоко трактовала первый сборник Акико как «сделавший эпоху» («эпоху мэйкингу») в поэзии «вака» и «танка», созданной женской рукой⁷. Женщины-авторы танка создавали и продолжают создавать произведения, отличающиеся от стихов поэтов «сильной половины» человечества. Тем не менее, в поэтических произведениях Ёсано Акико особенно чувствуется желание обойти своего талантливую мужа и организатора, Тэканна. Хотелось бы остановиться лишь на нескольких представительницах «женской волны» начала XX в., публиковавшейся на страницах журнала «Мёдзё», хотя с оригинальных стихов этих женщин возродилась танка Нового и Новейшего времени.

«Женскую танка» XX в. можно условно разделить на несколько групп: 1) группу «Мёдзё» – группу поэтесс, воодушевленных примером Ёсано Акико и поощряемых редактором журнала и лидером поэтического общества «Синсися» («Новая поэзия») Ёсано Тэканном; 2) поэтесс, постепенно примыкавших к школе «Мёдзё» в конце эпохи Мэйдзи (1868–1912); 3) независимых авторов, работавших вне определенных обществ в последующие эпохи – Тайсё и Сёва (1925–1988). Такое деление вызвано тем фактом, что, кроме общества «Мёдзё», ни одно ведущее объединение литературных деятелей первой половины XX в. не покровительствовало начинающим поэтессам, большинство даже сторонилось «женского» общества, например, группа «Арараги» в тридцатые годы. Только в пятидесятые годы в традиционные жанры вернулись талантливые женщины-авторы.

В 1900 г. поклонницы молодого и популярного поэта и реформатора танка – Ёсано Тэканна, образовали кружок внутри общества «Мёдзё», взяв себе символические имена – «Белая Хаги» («Сирохаги»), «Белая Лилия» («Сироюри»), «Белая Слива» («Сироумэ») и «Белый Гибискус» («Сирофуё»). Входили в эту «гирлянду» такие своеобразные поэтессы, как Акико и ее подруги – Ямакава Томико (1879–1909), Масуда Масако (1880–1946), Хаяси Такино (1878–19). «Цветочные» псевдонимы играли роль специфических «сигнальных слов» например, «хаги» (леспедеца японская) – типичное сезонное слово «киго», они хранили в себе как традиционные поэтические ассоциации, так и отголоски влияний европейского романтизма.

Ямакава Томико, отказавшись от поэтической карьеры, в 1901 г. вышла замуж за немолодого, но достопочтенного соседа родителей. После смерти мужа Томико попыталась вернуться в поэтический мир. Этой попыткой стало участие в составлении антологии «Наряд любви» вместе с Масуда Масако и Акико в 1905 г. Если отношения Акико с Масако были безоблачными, и обе девушки поступили в Японский женский университет (Нихон дзёси дайгаку), то влюбленная в Тэканна Томико стала предметом тайных мук Акико.

Нельзя утверждать, что поэтессы, соперничавшие из-за одного мужчины, совершенно игнорировали друг друга. Они работали вместе, публиковали стихи, обменивались мнениями о поэтике и стиле танка. Поэтический почерк Томико совершенствовался под влиянием Акико. «Осознание себя в жизни и в поэзии, утверждение себя как женщины в танка чувствуется чрезвычайно сильно», – так оценивает значение нового стиля в стихах совместного «женского» сборника «Наряда любви» современная поэтесса и писательница Такэиси Хироко⁸. На

сборнике «Наряд любви» лежала печать неприятия консервативно настроенной Японии. Подобное впечатление вызывало не только антивоенное стихотворение Акико «Не отдавай, любимый, жизнь свою!», входившее в состав антологии, но и весь ее дух – романтически-приподнятый дух самоутверждения в танка Томико, Акико и Масако. Этот сборник, как в свое время «Спутанные волосы», послужил критикам мишенью для обвинений в распущенности и дерзости.

В нем звучит мотив лилии, например, в таких стихах Томико:

Ками нагаки	Ты рождена
Отомэ то умарэ	Длинноволосой девой,
Сираюри	И перед лилией
Нука ва фусэцуцу	Склоняя чистый лоб,
Кими о косо омоэ	О любимом мечтаешь! ⁹

Для любителей нового в поэзии было ясно, что перед ними зрелые авторы – Акико, Томико и Масако, обладающие оригинальным стилем. Однако для администрации университета, в котором учились обе «возмутительницы спокойствия», и негативное отношение к поэтессам в университетской среде заставило Томико и Масако оставить Японский женский университет в 1905 г. Инцидент с «Нарядом любви» ослабил здоровье Томико, которая была вынуждена вернуться домой, в Обама, где в 1909 г. после случайной простуды талантливая поэтесса скончалась.

Особенно выделяется умение Томико сочинять «банка» – «прощальные песни». В древности с «банка» ассоциируются похороны, а в Китае, например, эти песни исполняли люди, несшие гроб с умершим, и в некотором смысле эти песни можно считать «песнями-переключками» с умершими, как подтверждает энциклопедический справочник «Кодзиэн»¹⁰.

Одну подобную танка из Полного собрания танка Ямакава Томико приводит другая современная поэтесса и критик, Баба Акико:

Госэ ва нао	Не буду просить
Кондзёу дани мо	Счастья в Новой жизни,
Нэгавадзару	Но как хорошо,
Вага футокоро ни	В мою еще живущую душу
Сакура китэ тиру	Осыпает лепестки вишня... ¹¹

Баба Акико предлагает представить героиню танка, видевшую уже много смертей – смерть отца, мужа, и осознающую, что такое смерть на самом деле. Но вместо тягостных, мучительных впечатлений приближающейся смерти автор стихов создает приятное прикосновение лепестков сакуры к телу больного, и рождается ощущение легкой дремоты, расслабленности¹². В танка Томико женщина возвращается на отведенное ей место, в углу жизни, пусть и красиво убранном, но углу.

Близко по ощущениям к поздним танка Ямакава Томико стихотворение поэтессы и писательницы, недолго состоявшей членом общества «Мёдзё», – Окамото Каноко (1889–1939). Каноко более известна своими прозаическими работами и исследованиями буддизма, но в конце эпохи Мэйдзи и начале эпохи Тайсё она опубликовала несколько сборников танка – «Легкая ревность» («Кароки нэтами», 1911), «Нега» («Ёвами», 1924) и другие.

Среди поздних циклов пятистиший Каноко выделяется цикл «Сакура», опубликованный в журнале «Тюокорон» в 1924 г. Его эзотерическая обращен-

ность к вечной жизни сильно напоминают стихи Ямакава Томико. Например, следующая знаменитая танка:

Сакурабана
Иноти иппай ни
Саку кара ни
Сэймэй о какэтэ
Вага нагамэтари

Одна судьба
Дарована цветам вишневым:
Цвести вовсю,
Раскрыть себя в короткой жизни,
Вот и гляжу на них...¹³

Баба Акико описывает впечатление от этого стихотворения словами «крупный план цветов сакуры»¹⁴. Автор долго-долго вглядывается в недолговечное цветение, чтобы запастись сильным духом растения, живущего только для того, чтобы «расцвести и умереть». Томико некогда также выпитывала еще живым телом лепестки осыпающейся вишни. Образ вечных и эфемерных лепестков – «сакурабана», переписан обеими поэтессами в новом духе веры в возрождение, хотя не забыты ими и японская песня «вака» и культурные традиции.

Японскую традицию воспевать опадающие лепестки вишневых цветов одно время подхватили российские поэты-символисты и футуристы. В частности, известен интерес Валерия Брюсова к образу цветов сакуры и снега, то ли представляемые автором стихов, то ли действительно смешивающихся перед взором поэта:

Не весенний снег
Убелил весь горный скат:
Это вишни цвет!
Ах, когда б моя любовь
Дожила и до плодов! 1913 (?)¹⁵

Эти стихи – стилизация под «японское» вызывают интерес в связи с мастерски обыгранной традиционной сценой раннего цветения сакуры и неожиданного снегопада. Автор восхищается тем, что вот уже и настала весна. Как отмечает Кимико Цутида, анализируя это стихотворение: «Цветы вишни – образ реальный, а снег – воображаемый. Снег идет зимой, а вишня расцветает весной. Перемешав реальный и воображаемый образы, зиму и весну, поэт создает красивую, очаровательную картину. Очевидно, что и Брюсов пользовался этим приемом»¹⁵. Однако вторая половина танка является следствием переработки культурного контекста, о чем японка Цутида замечает: «Говорят, что с вишней у японцев ассоциируются цветы, которыми мы любуемся, а для русских вишня – это прежде всего плод. Как предполагается, именно поэтому Брюсов придумал такую метафору. Если так, то это произведение заслуживает внимания как сочетание русского и японского менталитетов»¹⁵.

Если Брюсов пытался адаптировать традиционный образ снега на цветах вишни, то поэтесса Ольга Черемшанова (1900–1970) затрагивает символы, владевшие умами ее сверстниц – японок из общества «Мёдзё». Она создавала танка и хайку, наполненные изошренными мотивами в японском стиле, но также замешанными на образах картин Бакста, Бенуа и Альфонса Мухи:

Ты клялся любить
Черную хризантему
Моих кудрей?
Ложь.
Полюбил хризантему
ты, в саду расцветшую (1925)¹⁶.

Не смейте думать,
Что люблю, потому что бросает.
Но ей не купить на них
Моего счастья с тобой (1925)¹⁷

Смотрю вам в зрачки.
Зеркала нет. Я смотрю
Чтоб поправить прическу...
Осень на землю
Листья – монеты золотые.

Российских поэтов заинтересовала и лаконичная форма японского стиха, основанная на силлабическом стихосложении («слоговом»), «в котором строки измеряются и соизмеряются не группами слогов (как в силлабо-тонике – стопами), а непосредственно слогами: слух ожидает конца стиха (или полустигшия) через столько-то слогов»¹⁷. Обостренное ощущение стихораздела (важное в силлабике) подчеркивается здесь резкими переносами фраз и даже слов из стиха в стих, как в последней танка. Ольга Черемшанова соблюдала законы танка, хотя другие русские переводчики и подражатели предпочитали придавать русским танка ритм других стихотворных форм, как это сделал Брюсов:

Как золотые
Дождя упадания –
Слезы немые, –
Будут в печальной судьбе
Думы мои о тебе (В. Брюсов, 1913–1915)¹⁸.

Можно сказать, что танка Акико и ее подруг по «Мёдзё» пересекаются с ломаной линией идеально отточенной стилизации Черемшановой: в стихах японок и в стихах русской играют хризантемы, лилии, астры, ассоциирующиеся с волосами героинь. Необычные стихи Черемшановой, по-видимому, следует считать не более чем пробой пера, навеянной опытами того же Брюсова, Константина Бальмонта, Андрея Белого. Тем не менее, интерес к Востоку проявляли многие поэтессы начала XX в.: это можно проследить в переводах с китайского и корейского языков Анны Ахматовой, «китайских сказках» Ольги Дмитриевой (известной более как Черубины де Габриак), стилизациях под китайский и японские миниатюры Елены Гуро.

Все явственней перед нами встает процесс формирования единой мировой культуры, в которой специфические черты этнических культур растворяются. Наша задача постараться направить процесс глобализации не по пути унификации и поглощения одной культурой других, а по пути диалога культур. Этот диалог может идти между близкими группами населения разных стран, например, между женщинами, которым в перспективе суждено выйти «из угла» социально-политических отношений. Возможно, между Ольгой Черемшановой и Ёсано Акико мог бы состояться такой диалог, если бы поэтессы знали бы о существовании друг друга почти сто лет назад...

Примечания

¹ Теория и методология гендерных исследований. – М. : МЦГИ, 2001. – С. 11. См. также: [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://owl.ru/gender/index.html>.

² См.: CiXous, H., Clement C. The Newly Born Woman. – Manchester University Press, 1987 (1975). – P. 72, 85–86.

³ См.: Felski, R. Beyond Feminist Aesthetics. Feminist Literature and Social Change. – Massachusetts : Harvard University Press, 1989. – P. 86.

- ⁴ Miller, N. Subject to change. Reading feminist writing. – New York, 1988. – P. 29.
- ⁵ Здесь и далее пятистишия Ёсано Акико цитируются с указанием номера тома, страницы и номера танка по Полному собранию сочинений Ёсано Акико – Тэйхон Ёсано Акико дзэнсю : в 20 т. – Токио : Коданся, 1979–1981.
- ⁶ Кокинвакасю (Собрание старых и новых песен Японии) : в 3 т. / пер. с яп., предисл. и коммент. А. А. Долина. – М. : Радуга, 1995. – С. 236. – № 554.
- ⁷ См.: Митиура, Мотоко. Онна ута но хякунэн. Аи но ута но кэйфу = Сто лет женской песни. Генеалогия песен о любви / Мотоко Митиура. – Токио : NHK сьуппан, 2001. – С. 35.
- ⁸ См.: Такэниси, Хироко. Ямакава Томико / Хироко Такэниси. – Токио : Ронданся бунгэй бунко, 1992. – 388 с. – С. 155.
- ⁹ Мэйдзи бунгаку дзэнсю (Полное собрание сочинений периода Мэйдзи). Т. 51. – Токио : Тикума сёбо, 1988. – С. 255.
- ¹⁰ См.: Кодзиэн (Энциклопедический справочник «Кодзиэн»). 5-е изд. – Токио : Сюэйся, 2000. – 1039. – С. 711.
- ¹¹ Баба, Акико. Отоко ута онна ута = Песни мужские, песни женские / Акико Баба. – Токио : Тюокорон синся, 2003. – С. 174.
- ¹² Там же. – С. 175.
- ¹³ Там же. – С. 180.
- ¹⁴ Там же. – С. 181.
- ¹⁵ Цутида, Кимико, Цит. по : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.irkutsk.iriss.ru/pub/sib-japan/6.htm.
- ¹⁶ Орлицкий, Ю. Ориентир-Ориенталия / Ю. Орлицкий // Нов. лит. обозрение. – 1999. – № 39. Цит. по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/39>.
- ¹⁷ Гаспаров, М. Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го гг. в комментариях / М. Л. Гаспаров. – М. : Высш. шк., 1993. – С. 173.
- ¹⁸ Там же. – С. 174.

Алина Заринова

Реализация редупликации на фонетическом уровне в традиционных детских стихах

В настоящей работе рассматривается языковая игра в традиционных детских стихах, основным адресатом, для которого предназначены тексты, является ребенок раннего возраста, что обуславливает микроуровневые особенности построения текстов.

При условии использования взрослыми разнообразной в звуковом отношении и эмоциональной речи создается благоприятная речевая питательная среда, положительно влияющая на становление вербальной функции. Исследователи выделяют особый язык матери, получивший на Западе название motherese (материнский), или child directed speech (речь, адресованная ребенку), и характеризующийся правильным построением фраз и частыми повторами¹.

Редупликация в традиционных детских стихах может быть:

1) полной. В трех рассматриваемых языках чаще всего она встречается в звукоподражаниях, однако есть примеры в турецком языке, которые обозначают множественность: tek tek – «по-одному», многократную повторяемость действия güle güle – «смеясь», uemiş uemiş – «ел». В английском языке обнаружен единст-

венный такой пример: *bye-bye* – «сон». В русском языке встречаются только звукоподражательные случаи полной редупликации.

2) частичной. Она встречается в английских традиционных детских стихах в именах собственных. Редупликация в собственных именах включает: а) дивергенцию – полную редупликацию с чередованием корневой гласной *i*-*o* в примере *Slipper Slopper*; б) наращивание согласного – в примерах *Ipsey Wipsey*, *Eencey Weencey*, *Eeper Weeper* происходит наращивание глухого круглощелевого согласного *w*, в примере *Itsy Bitsy* наблюдается наращивание звонкого смычного согласного *b*; в) чередование согласных - в примере *Charley Warlie* наблюдается чередование двух согласных: глухой аффрикаты *s* и глухого фрикативного *h* на глухой круглощелевой *w* и чередование гласных *eu*-*ie*. В примере *Georgie Porgie* наблюдается чередование звонкого смычного согласного *g* и глухого смычного согласного *p* и добавление гласной *e*. В примере *Nector Protector* наблюдается чередование глухого фрикативного согласного *h* и слога *prot*. В примере *Handy Spandy* наблюдается чередование глухого фрикативного согласного *h* и глухих согласных фрикативного *s* и смычного *p*. В примере *Winken Blinken* наблюдается чередование глухого круглощелевого согласного *w* и звонкого смычного согласного *b* и сонорного *l*. В примере *Humpty Dumpty* наблюдается чередование глухого фрикативного согласного *h* и звонкого смычного согласного *d*. В примере *Robin Bobbin* наблюдается чередование сонорного согласного *r* и звонкого смычного согласного *b*, а также удвоение этого же согласного.

Встречаются и похожие имена, например, *Tweedledum and Tweedledee*, звучащие как имена близнецов и легко запоминающиеся, несмотря на нехарактерный для английского языка их многосложный состав.

В традиционных детских стихах в русском языке особым видом детского словотворчества являются дразнилки, созданные при помощи редуплицирования. Дразнилки характеризуют того или иного человека, с именем которого рифмуется слово. В дразнилках, как и собственных именах, можно выделить следующие виды частичной редупликации: а) наращивание слога во втором компоненте встречается в примерах: *Зинка-корзинка*, *Жора-обжора*, *Динка-льдинка*; б) чередование начальных слогов: *Антошка-картошка*, *Аркашка-таракашка*, *Иван-болван*; в) чередование начального согласного звука: *Шура-дура*, *Манька-банька*, *Федя-медя*.

Несмотря на одинаковое количество видов редуплицированных слов в английском и русском языках, нельзя сказать, что построение редупликации идет аналогичным путем. Общим является чередование согласных в начале компонентов и наращивание согласного в одном из компонентов, что говорит об общности построения всех редуплицированных слов. Однако в русском языке редуплицированных слов с дивергенцией не наблюдается, а в английском языке такой вид редупликации очень распространен. Редупликаты уточняют один из компонентов при помощи сравнения или характеристики.

В турецких традиционных детских стихах обнаружено меньшее количество редуплицированных собственных имен, например: *Mustafa Mistik*, *Safinaz finaz*. В семейной культуре Турции к выбору имени подходят с особым вниманием, ведь имя определяет дальнейшую судьбу ребенка. Многие имена несут определенную информацию об обладателе, например, имя *Mesut* – *Месут* в переводе «счастливый», *Zeki* – *Зеки* «умный» и т. д. Возможно, поэтому в турецком языке наблюдается наименьшее количество дразнилок.

Для английских двухкомпонентных редуплицированных слов, имеющих лексическое значение, характерны: а) дивергенция – чередование гласных *i*-*a*: *wig-*

wag – «махать, сигнализировать флажками», ting tang – «звон», wiggle, waggle – «покачивание»; чередование гласных i-u: griffy gruffy – «хрю-хрю», чередование гласных i-o: tick tock – «тик-так», niddle noddle – «трясущийся», а также дивергенция с усечением второго компонента: hipperty-hop, clippety clor, jiggety-jog, чередование гласных в первом слого i-u и усечением второго компонента: sippity sup; б) чередование согласных – наблюдается чередование глухого смычного согласного p и глухого круглощелевого согласного w: pussicat, wussicat – «кошечка», чередование глухого фрикативного согласного h и звонкого смычного согласного d: hoddy doddy – «горшок», чередование глухого фрикативного согласного h и глухого смычного согласного p: higgledy-piggledy – «полный беспорядок», hokey rokey – «дешевое мороженое», чередование глухого смычного согласного t и глухого круглощелевого сонанта w: tee-wee – «малюсенький», чередование глухого смычного согласного t и слога wh: tu-whu – «у-ху». Языковая игра проявляется в данном случае в особой ритмической оформленности редупликатов, их музыкальном звучании и завершенности.

В турецких традиционных детских стихах также распространена двухкомпонентная редупликация, включающая:

а) наращивание согласных, характерное как для осмысленных редупликатов, так и для зауми: глухого согласного ç: alımlı çalımlı – «важный», звонкого согласного d: eveleme develeme – «эвелеме девелеме», глухого согласного t: avalama tavalama – «авалама тавалама», звонкого согласного m: enne menne – «эннэ мэннэ», inci minci – «жемчуг и подобное», iğne miğne – «иголки и подобное», звонкого согласного b: elli belli – «любимый», alçık balçık – «алчык балчык», allı ballı – «красно-сладкий», звонкого согласного v: ah vah – «ахи и охи»; звонкого согласного n: ene nene – «энэ нэнэ»;

б) чередование согласных: чередование глухого согласного h и звонкий согласного m: hikicisik mikicisik – «еле-еле», чередование глухого согласного k и глухого согласного s: kaba saba – «грубый», чередование звонкого согласного y и звонкого согласного b: yaşlı başlı – «мудрый», чередование звонкого согласного c и звонкого согласного b: sicili bicili – «разукрашенный», чередование глухого согласного t и звонкого согласного m: tini mini – «тини мини», чередование глухого согласного ş и звонкого согласного m: şingir mingir – «звеня», чередование глухого согласного s и глухого согласного p: süslü püslü – «разукрашенный», чередование глухого согласного ç и глухого согласного p: çatlak patlak – «расколотый»;

в) чередование гласного и слога: чередование гласного a и слога to: aparlaçık toparlaçık – «поспешненько», чередование гласного a и слога ru: allanır pullanır – «наряжается», чередование гласного a и слога sı: ağı sıra – «иногда», чередование гласного a и слога su: abır cubır – «мешанина», чередование гласного a и слога bu: alaca bulaca – «очень пестрый»;

г) чередование гласных и наращивание согласного по закону сингармонизма: allı pullu – «разодетый в яркие цвета», ufak tefek – «незначительный»;

д) чередование звуков в корне компонентов – чередование во втором слого звонкого согласного l и звонкого согласного c: çoluk çocuk – «семья»;

е) использование синонимов: findık fıstık – «орехи», çalı çırpı – «заросли», mal mülk – «богатство, имущество».

В текстах турецких традиционных детских стихов также встречаются прилагательные и наречия с частичной редупликацией, например: çağçabuk – «очень быстрый, молниеносный», kurkuru – «совершенно сухой», bomboş – «совершенно пустой», sere serpe – «бурно, интенсивно».

В русском языке для двухкомпонентной редупликации характерно

а) чередование начальных согласных: тарин-барин, мальчик-пальчик, слизень-близень – «улитка»;

б) чередование слогов: авсень-паусень, тирушки-витушки, куколка-потуколка, травки-муравки, палочка-выручалочка;

в) наращивание слогов: чайки-волочайки, заря-заряница, радуга-дуга, козонька-коза, дворье-подворье.

В русском языке реже встречаются редуплицированные наречия, например: широким-широко, далеким-далеко.

По мнению С. С. Шляховой, в онтогенезе фоносемантические аномалии сопровождают человека от рождения до последних дней. В младенчестве и детстве – это первая и наиболее адекватная единица коммуникации; в молодежном сленге – форма самовыражения, оппозиции взрослому миру, возможность стремительного переживания жизненных впечатлений; в среднем и старшем возрасте – маркер эмоционального стресса, переживаемого человеком, а также возможность реализации эстетических интенций личности в языковой игре².

Особым видом редупликации можно считать заумные считалки, так как в них каждая фраза строится на принципе повторения и ритма. Редупликация в заумных считалках делится на следующие виды: а) наращивание согласной во втором компоненте: эни-бэни, ахцы-бахцы, адоль-фаболь, б) наращивание согласных во втором компоненте: азы-двазы, Анка-дранка, Анки-дванки. Реже встречается редупликация с наращиванием согласной в первом компоненте: тризы-ризы, сиваива, торба-орба. Редупликация с чередованием начальных согласных используется в редупликаты: шахер-махер, туни-муни, цирл-пирл, шухтер-бухтер.

Очень редко встречаются в русском языке редупликаты с одинаковым количеством звуков: тарин-барин, сахар-бахар, тирушки-витушки. Как правило, такие редупликаты чередуются одним звуком или слогом.

В английском языке в традиционных детских стихах трехкомпонентные редуплицированные слова образованы при помощи:

а) дивергенции – чередования гласных i-a: Shin, shinny shank; Knick, knack, paddy whack. Дивергенция представлена примерами с полным повтором двух компонентов и усечением последнего компонента: Sippity, sippity sup; Hippity, hippity hop; Bumpety, bumpety, bump; Lumpety, lumpety, lump;

б) чередования согласных: глухого фрикативного согласного h и глухого смычного согласного p и усечением последнего компонента: Hoddley, poddley, puddle; Higglety, pigglety, pop; глухого фрикативного согласного h и звонкого смычного согласного d и усечением последнего компонента: Hickory, dickory, dock; звонкого плоскощелевого сонорного согласного r и звонкого смычного согласного d: Randy, rowdy, dowdy; глухого смычного согласного t и звонкого сонорного согласного l: Tiddle liddle lightum; звонкого фрикативного v и звонкого сонорного согласного m: Vintery, mintery, cutery, corn.

В русском языке в традиционных детских стихах также встречаются трехкомпонентные редуплицированные слова с наращиванием последнего компонента: куба, куба, кубака; чики-чики-чикалочки; тень-тень-потетень. Обнаружен трехкомпонентный редупликат с наращиванием первого компонента и усечением последующих компонентов: чувиль-виль-виль.

В турецком языке частотны трехкомпонентные редуплицированные слова а) с наращиванием последнего компонента: Pa pa patlıcan – «баклажан», Tek tek tekerleme – «скороговорка», Vızır vızır vızıldar – «жужжит»; б) с усечением по-

следнего слога: dandini dandini dan – «баю-баюшки-баю», yağmur yağmur yağ – «дождь, дождь поливай».

Как правило, трехкомпонентные редуцированные слова в трех неблизкородственных языках используются для усиления значения редуциката.

Таким образом, в английском языке двухкомпонентная редупликация характеризуется наличием двух компонентов, первый из которых начинается чаще всего с глухого согласного и чередуется с глухим согласным, реже встречается чередование глухого согласного и звонкого согласного, один согласный редко чередуется со слогом или с двумя согласными, наличие дивергенции – преобладание чередования гласных i-o, реже встречается наращивание второго компонента согласной. Трехкомпонентная редупликация характеризуется удвоенным повтором первого компонента и усечением последнего компонента.

В турецком языке двухкомпонентная редупликация характеризуется тем, что обычно первый компонент начинается с гласной, а ко второму компоненту добавляется сонорный или звонкий согласный: d, m, b, n, v. В редуцированных словах чаще всего чередуются либо глухой с глухим, либо глухой со звонким согласным. Трехкомпонентная редупликация характеризуется удвоением первого компонента и слоговым наращиванием последнего.

В русском языке преобладает чередование согласных в начале компонентов, чередование глухого и звонкого согласных, чередование слогов, наращивание слогов. Трехкомпонентная редупликация характеризуется удвоенным повтором первого компонента и наращиванием слогом последнего компонента.

Таким образом, анализ фонетических особенностей текстов традиционных детских стихов позволяет установить следующее: обилие редуцированных имен способствуют развитию памяти, художественно-образного мышления, ассоциативного воображения, фантазии. В редуцированных словах преобладает двухкомпонентность, наращивание согласных, слогов. Отличительной чертой английского языка является наличие дивергенции – чередования гласных в корне компонентов. Общим в русском и турецком языках является удвоение первого компонента и наращивание слогом последнего компонента.

Реализация редукации на фонетическом уровне многогранна и отражает особенности отдельного языка. Редупликация – обязательный прием, используемый при создании ритмического рисунка традиционных детских стихов, поскольку напоминает речь ребенка и соответствует принципам освоения ребенком языка.

Примечания

¹ См.: Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок : Лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин. – М., 2000. – 240 с.

² См.: Шляхова, С. С. Тень смысла в звуке : Введение в русскую фоносемантику / С. С. Шляхова. – Пермь, 2001. – 252 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Баликоев
Асамблек Владимирович** Доцент кафедры социологии, педагогики и психологии Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (НГАСУ-Сибстрин), кандидат педагогических наук.
- Белолипецкая
Наталья Андреевна** Преподаватель кафедры всеобщей истории Челябинского государственного университета.
- Волынчук
Андрей Борисович** Кандидат географических наук, доцент кафедры мировой экономики и экономической теории Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.
- Зарипова
Алина Мавлитовна** Старший преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета.
- Ким
Валерий Семенович** Доктор политических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета.
- Ким
Вилен Валерьевич** Соискатель Ташкентского государственного института востоковедения.
- Ковтун Екатерина** Аспирант кафедры теории и методики профессионального образования, институт педагогики и образования ДГВУ, ассистент института иностранных языков ДГВУ, г. Владивосток.
- Колитенко
Екатерина Евгеньевна** Аспирант кафедры китайской филологии ДГВУ.
- Корнеева
Инна Владимировна** Старший преподаватель кафедры корейской филологии Института экономики и востоковедения Сахалинского государственного университета.
- Котляр
Надежда Васильевна** Кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС).
- Лазарева
Ирина Николаевна** Преподаватель Восточного института ДГВУ, аспирантка ДГВУ.
- Латина
Светлана Викторовна** Ассистент кафедры общего и профессионального английского языка, ГОУ ВПО Комсомольск-на-Амуре государственный технический университет.

Маннонов Абдурахим Муталович	Ректор Ташкентского государственного института востоковедения, доктор филологических наук, профессор.
Москаленко Юлия Викторовна	Ассистент кафедры корейской филологии Восточного института Дальневосточного государственного университета (ДГВУ), г. Владивосток.
Пазий Дмитрий Григорьевич	Кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и регионоведения Челябинского государственного университета.
Пастухов Александр Львович	Кандидат философских наук, преподаватель кафедры политологии и регионоведения Челябинского государственного университета.
Пронина Светлана Юрьевна	Преподаватель кафедры японоведения и корееведения ДВГТУ ВИ, г. Владивосток.
Санина Ксения Геннадьевна	Доцент кафедры восточных языков, Восточный институт Дальневосточного государственного университета.
Сачко Галина Владимировна	Кандидат философских наук, доцент, декан факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета.
Семенов Александр Борисович	Старший преподаватель кафедры философии и социологии Комсомольск-на-Амуре государственного технического университета.
Селиверстов Сергей Васильевич	Доцент, кандидат исторических наук Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева.
Смирнов Максим Георгиевич	Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и регионоведения Челябинского государственного университета.
Сулейменова Аида Мусульевна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Восточного института Дальневосточного государственного университета.
Тендит Константин Николаевич	Кандидат философских наук, доцент философии и социологии, старший научный сотрудник Комсомольск-на-Амуре государственного технического университета.
Филатова Инга Владимировна	Старший преподаватель кафедры литературы. Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет.

**Шведов
Вячеслав Борисович**

Доктор географических наук, профессор кафедры
Социально-экономической географии Дальнево-
сточной социально-гуманитарной академии.

**Шрейбер
Виктор Константинович**

Кандидат философских наук, доцент кафедры фило-
софии Челябинского государственного университета.